

Санкт-Петербургский государственный университет

ГОВОРУХИНА Екатерина Викторовна
Выпускная квалификационная работа
Рассказы о лисах в собрании Тайпин Гуанци

Бакалавриат

58.03.01 «Востоковедение и африканистика»

СВ.5035. «Востоковедение и африканистика»

Китайская филология

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

профессор Сторожук А.Г.

Рецензент:

кандидат исторических наук,

доцент Сомкина Н.А.

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «ТАЙПИН ГУАНЦЗИ»	7
ГЛАВА 2. ТЕМЫ РАССКАЗОВ В «ТАЙПИН ГУАНЦЗИ»	10
ГЛАВА 3. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ «ТАЙПИН ГУАН ЦЗИ»	1
«Сюаньчжун цзи» 玄中記.....	4
«Соушэнь цзи» 搜神記	5
«Июань» 異苑	6
«Сяошо» 小說	7
«Лоян целань цзи» 洛陽伽藍記	8
«Фаюань чжулинь» 法苑珠林.....	9
«Чаоэ цянцзай» 朝野僉載.....	10
«Гуаньцзи» 廣異記	11
«Таньшу» 談藪	13
ГЛАВА 4. ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ 447 ЦЗЮАНЯ С КОММЕНТАРИЯМИ	15
ГЛАВА 5. ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ 448 ЦЗЮАНЯ С КОММЕНТАРИЯМИ	49
ГЛАВА 6. ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ 449 ЦЗЮАНЯ С КОММЕНТАРИЯМИ	78
ГЛАВА 7. ОБЩИЙ АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	105
Список использованной литературы	106
ПРИЛОЖЕНИЯ	112

ВВЕДЕНИЕ

Данная выпускная квалификационная работа посвящена изучению рассказов о лисах-оборотнях или же хули-цзин (狐狸精) в собрании «Тайпин гуанцзи» (太平廣記). Лиса-оборотень и в наше время является очень популярным трикстером, будоражащим умы не только азиатов, но и людей во всех уголках мира. В представленной работе было решено обратиться к одним из самых древних текстов о лисах, дабы проследить эволюцию образа этой нечистой силы в глазах китайского народа, а также классифицировать ее на уже разработанные нами ранее типы.

Актуальность темы работы не спадает до сих пор, образ лисицы-оборотня не только прочно закрепился в китайской традиционной культуре, даже несмотря на попытки правительства помешать распространению данного культа, но также укоренился в культурах и мифологиях близлежащих стран. Со временем, коварные рыжие демоны вырвались и за пределы Азии, найдя свое место даже в европейской культуре, став частыми гостями различных современных фильмов, игр, мультфильмов и книг. Следовательно, мы можем смело заявить, что актуальность исследования столь популярного трикстера не угаснет еще долгое время, а учитывая всемирную популяризацию азиатской культуры, будет только возрастать.

Степень разработанности данной темы в азиатских странах, несомненно, во много раз превышает ту, что мы встречаем на европейской части земного шара. Что же касается отечественного Китаеведения, в нем образ лисы-оборотня остается, по большей части, знаком читателям лишь по работам Сергея Михайловича Георгиевского (1851-1893) «Мифические представления и мифы китайцев», Василия Михайловича Алексеева (1881-1951) «Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях» и Леонида Сергеевича Васильева (1930 — 2016) «Культы, религии, традиции в Китае». Самое же современное и обширное исследование образа лисицы-оборотня мы

можем найти в работе Игоря Александровича Алимова «Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая».

Изучением самого собрания «Тайпин гуанцзи» и представленных в нем лисиц занимался также Игорь Александрович Алимов. Энциклопедия включает в себя девять цзюаней, полностью посвященных данным трикстерам. За счет того, что собрание охватывает весьма большие временные рамки с 200 по 1000 года, мы можем наблюдать разнообразное представление о восприятии лис китайским народом на разных этапах его эволюции. В свою очередь, Игорь Александрович в своей работе, посвященной «Тайпин гуанцзи» утверждает, что тема лисиц-оборотней в энциклопедии раскрыта весьма скудно. Также самые известные новеллы из «Тайпин гуанцзи» появляются и в работах Яна Якоба Мари де Гроота (1854 – 1921) и Чарлза Уильямса, а также в работе гонконгского профессора Лео Так-хун Чана «Дискурс о лисах и призраках». К использованию всех указанных выше и не только источников мы прибегли для написания данной работы.

Объектом нашего исследования является одна из четырех великих книг эпохи Сун (宋朝, 960 – 1279) – энциклопедия «Тайпин гуанцзи», а **предметом** – тексты трех цзюаней¹ (447, 448, 449) из девяти существующих, посвященные лисам-оборотням.

Одной из основных **целей** данной работы является выявление новых типажей лисиц-оборотней, а также их классификация по уже имеющимся критериям. Создание сложной и разветвленной классификации хули-цзин, а также их тщательное исследование представляют для нас большой научный интерес. Помимо этого, немаловажным является открытие новых, ранее неизвестных нам текстов о лисицах, и создание их художественного перевода с комментариями для дальнейшего (пусть это и прозвучит немного самонадеянно) написания книги, посвященной этим жутким, но одновременно прекрасным

¹ «Свиток» - в китайской традиции является единицей измерения объема текста.

существам. Помимо того, нам показалось полезным провести анализ источников и их авторов, дабы лучше понять исторические корни рассказов и проследить, как именно эволюционировал образ лисы в зависимости от времени написания того или иного рассказа. Исходя из данной цели, необходимо выделить ряд **задач**, поставленных в нашей работе:

1. Краткое введение в исторический контекст написания энциклопедии «Тайпин гуанцзи».
2. Изучение источников, использованных для составления сборника.
3. Перевод и анализ новелл, посвященных лисам-оборотням, их сравнение и классификация, вместе с как с уже ранее изученным материалом, так и между друг другом.

Методами исследования являются **анализ литературы**, исторических источников древних текстов, а также культурных и географических отсылок, представленных в текстах 447, 448 и 449 цзюаней. А также классификация лисиц-оборотней по уже сформированным нами типам² и поиск новых образов данного трикстера.

Практической частью работы является не только перевод текстов «Тайпин гуанцзи», но и составление карты с указанием мест действия всех рассказов для дальнейшего изучения ареалов концентрации лис-оборотней в Поднебесной, а также иллюстрация некоторых рассказов с экспериментами в ее стилистике.

Во введении мы раскрыли актуальность и степень изученности образа лисы-оборотня в отечественной и зарубежной синологии, а также обозначили объект и предмет исследования, указав цели, задачи и методы исследования.

В первой главе рассматривается исторический контекст написания собрания «Тайпин гуанцзи».

Во второй главе более подробно раскрываются темы, представленные внутри сборника, а также объясняется метод классификации новелл.

² Основываясь на системе классификации лис, выведенной Ольгой Лазаревной Фишман (1919—1986), нами, при анализе рассказов древнекитайских писателей Пу Сунлина (蒲松齡, 1640—1715) и Юань Мэя (袁枚, 1716—1797), была создана собственная классификация включающая, на данный момент, пять типов хули-цзин: лис(-а)-соблазнитель(-ница), лис-мужчина (включающий подтип лис-старец), лиса-фея, лиса-человек, лиса-вредитель (представленная двумя подтипами лиса-шутница и лиса-каратель).

В третьей главе приведен краткий анализ источников рассказов из 447, 448 и 449 цзюаней.

В четвертой, пятой и шестой главах соответственно представлены переводы трех цзюаней с подробными комментариями и анализом лис-оборотней, появляющихся в рассказах.

В шестой главе приводится общий анализ типажей лис-оборотней из переведенных рассказов 447, 448 и 449 цзюаней, а также новая классификация, исправленная в связи с открытием новых типов лис-оборотней.

В заключении подводятся итоги исследования, классификация лисиц и выводы по изученному материалу, в соответствии с целями работы.

Библиография насчитывает 62 наименования. Из них 26 на русском языке, 5 на английском, 11 на китайском и 1 на корейском языке, а также 18 электронных ресурсов на русском, английском и китайском языке. В Приложении представлено 19 разделов.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ «ТАЙПИН ГУАНЦЗИ»

Наше исследование целиком и полностью посвящено одной из четырех великих книг эпохи Сун (宋朝)³ – «Тайпин гуанцзи» – «Обширные записки годов Тайпин», она представляет собой объемный (хоть и самый маленький из четырех [8, 88]) сборник древних текстов, собранных по заказу императора Тай-цзуна (太宗)⁴, который обладал литературным даром, а также питал неподдельный интерес к сверхъестественной буддистской и даосской тематике, оставив после себя множество произведений очень высокого литературного уровня. [8, 91]

«Четыре великих книги эпохи Сун» – это одно из наиболее важных энциклопедических собраний в истории китайской литературы. Оно было полностью составлено и отредактировано в XI веке комиссией во главе с Ли Фаном (李昉, 925 – 996)⁵ – китайским ученым династии Сун. Работа была начата в 977 году и закончена в 978 году [8,87]. Главной целью данных энциклопедий был наиболее полный обзор знаний того времени. К четырем великим книгам относят также: антологию «Вэньюань инхуа» (文苑英華)⁶, «Тайпин юй-лань» (太平御覽) и «Цэ фу юань гуй» (冊府元龜)⁷. Издание «Тайпин гуанцзи» было поручено Го цзы цзяню (國子監) – главному высшему учебному заведению императорского Китая, в котором обучались будущие высшие чины общества. Энциклопедия была напечатана в 981 году, во время периода Тайпин (太平興國, 976 – 984), откуда и получила своё название. В работе Константина Константинович Флуга «История китайской печатной книги Сунской эпохи X-

³ Государство, существовавшее в Китае с 960 по 1279 года.

⁴ Император династии Тан, правивший с 627 по 649 год.

⁵ Помимо Ли Фана в создании участвовали и многие другие ученые мужи, "все эти лица с полными чиновничьи титулами перечислены в тексте доклада Ли Фана трону о завершении составления «Тайпин гуанцзи»" [7, 87]

⁶ «Лучшие цветы в саду литературы» - антология поэзии, од, песен и сочинений от династии Лян 梁朝 (502—557) до эпохи Пяти династий (五代十國, 907 – 960).

⁷ «Чтения эпохи Тайпин» и «Большая черепаха императорской библиотеки» - две самых больших китайских энциклопедии, включавшие в себя по 1000 томов каждая.

XIII вв» упоминается, что «Тайпин гуан цзи» включала в себя 340 цзюаней [25, 102]. Для составления «Тайпин гуанцзи» была привлечена обширная литература, а именно 945 различных сочинений, большая часть которых не дошла до наших времен, что, несомненно, делает из «Тайпин гуанцзи» объект большого исследовательского интереса. В то же время в статье Игоря Александровича Алимова "Заметки о сяшо⁸: «Тайпин гуанцзи»" говорится, что в энциклопедии содержится 500 цзюаней (именно это мы наблюдаем в исследуемом нами издании 1959 года), также там упоминаются результаты исследований различных китайских ученых, исходя из которых становится понятно, что даже сами носители языка не могут сойтись во мнении, какое же количество источников было использовано для создания энциклопедии «Тайпин гуанцзи». Так, их количество разнится от 343 сочинений, упоминаемых Тань Каем 談愷 (1509 – 1568), и доходит до 526 источников, о которых говорит хэбэйская исследовательница Ню Цзиньли (牛景麗). На основании тщательных исследований ей удалось прийти к выводу, «что наиболее верными являются подсчеты тайваньского филолога Лу Цзинь-тана, который говорит о 419 сочинениях». В наше время, по словам историка Чжан И-чжуна, определение точного количества источников представляется совершенно невозможным, можно лишь заявить, что в целом их насчитывается более 400 [8, 92]. Энциклопедия «Тайпин гуанцзи» включает в себя различные тексты, предшествующие династии Сун и охватывающие период начиная с Восточной Хань (東漢, III век) и заканчивая Тан (唐朝, X век), включая в себя период всех шести династий. Все эти рассказы взяты из сборников сказок и историй об удивительном, включая самые известные из них, которые встретились в исследуемых нами 447, 448 и 449 цзюанях – «Соушэньцзи» (搜神記), написанный Гань Бао (干宝) в IV веке и «Сюаньчжунцзи» (玄中記) под

⁸ Жанр китайской литературы, включавшей в себя очень широкий разброс произведений «беллетристики на литературном языке до быличек и мифологических преданий», данный вид словесности глубоко уходит корнями в устную традицию [4, 153].

авторством Го Пу (郭璞) в VI веке. Профессор Лео Так-хун Чан (Leo Tak-hung Chan) в своей книге «Дискурс о лисах и призраках» (The Discourse on Foxes and Ghosts) утверждает, что «Тайпин гуанцзи» является «самым большим сборником рассказов типа чжигуай сяошо (志怪小说, рассказы о странном) всех времен» [30, 17]. По общему мнению многих синологов можно с уверенностью заявить, что данная энциклопедия спасла от забвения множество рассказов, позволив им добраться до современного читателя сквозь века, а также поспособствовало реконструкции утерянных сяошо, в особенности, принадлежащих к дотанскому времени [8, 92].

ГЛАВА 2. ТЕМЫ РАССКАЗОВ В «ТАЙПИН ГУАНЦЗИ»

«Тайпин гуанцзи» содержит в общей сложности 500 цзюаней, собранных в виде энциклопедии. Все они классифицируются по темам (92 основных), каждая из которых охватывает от одного до нескольких десятков цзюаней. В общей сложности там собрано около 4558 рассказов и историй. Поднимаемые в рассказах темы очень разнообразны, как и количество посвящённых им цзюаней. Там может говориться как о странных существах, так и о необычных людях, животных и различных явлениях. Стоит привести список всех тем, составленный Игорем Александровичем Алимовым в его статье "Заметки о сяшо: «Тай пин гуан цзи»": " «Шэнь сянь» 神仙 («Божественные бессмертные», цз. 1–55), «Нюй сянь» 女仙 («Женщины-бессмертные», цз. 56–70), «Дао шу» 道術 («Даосское искусство», цз. 71–75), «Фан ши» 方士 («Маги», цз. 76–80), «И жэнь» 異人 («Необычные люди», цз. 81–86), «И сэн» 異僧 («Необычные монахи», цз. 87–98), «Ши чжэн» 釋證 («Свидетельства Шакья», цз. 99–101), «Бао ин» 報應 («Воздаяние», цз. 102–134), «Чжэн ин» 徵應 («Отклики на призывы», цз. 135–145), «Дин шу» 定數 («Предопределенность», цз. 146–160), «Гань ин» 感應 («Услышанные молитвы», цз. 161–162), «Чэнь ин» 讖應 («Предсказанные отклики», цз. 163), «Мин сянь» 名賢 («Знаменитые мудрецы», цз. 164), «Лянь цзянь» 廉儉 («Честные и бережливые», цз. 165), «Ци и» 氣義 («Стойкие в верности долгу», цз. 166–168), «Чжи жэнь» 知人 («Разбирающиеся в людях», цз. 169–170), «Цзин ча» 精察 («Искусные расследования», цз. 171–172), «Цзюнь бянь» 俊辯 («Выдающееся красноречие», цз. 173–174), «Ю минь» 幼敏 («Детские таланты», цз. 175), «Ци лян» 氣量 («Испытание способностей», цз. 176–177), «Гун цзюй» 貢舉 («Государственные экзамены», цз. 178–184), «Цюань сюань» 銓選 («Отобранные на службу», цз. 185–186), «Чжи гуань» 職官

(«Чиновничество», цз. 187), «Цюань син» 權幸 («Фавориты», цз. 188), «Цзян шуай» 將帥 («Полководцы и военачальники», цз. 189–190), «Сяо юн» 驍勇 («Смелые и доблестные», цз. 191–192), «Хао ся» 豪俠 («Могучие и благородные», цз. 193–196), «Бо у» 博物 («Все вещи», цз. 197), «Вэнь чжан» 文章 («Литературные произведения», цз. 198–200), «Цай мин» 才名 («Прославленные талантами», цз. 201), «Жу син» 儒行 («Ученые манеры», цз. 202), «Юэ» 樂 («Музыка», цз. 203–205), «Шу» 書 («Книги», цз. 206–209), «Хуа» 畫 («Живопись», цз. 210–214), «Суань шу» 算術 («Искусство исчислений», цз. 215), «Бу ши» 卜筮 («Гадания», цз. 216–217), «И» 醫 («Врачевание», цз. 218–220), «Сян» 相 («Физиогномика», цз. 221–224), «Цзи цяо» 伎巧 («Изобретательная хитрость», цз. 225–227), «Бо си» 博戲 («Игры и забавы», цз. 228), «Ци вань» 器玩 («Утварь и предметы быта», цз. 229–232), «Цзю» 酒 («Вино», цз. 233), «Ши» 食 («Еда», цз. 234), «Цзяо ю» 交友 («Дружеские отношения», цз. 235), «Шэ чи» 奢侈 («Расточительная роскошь», цз. 236–237), «Гуй чжа» 詭詐 («Хитрость и коварство», цз. 238), «Чань нин» 讒佞 («Угодничество и лесть», цз. 239–241), «Мю у» 謬誤 («Заблуждения и ошибки», цз. 242), «Чжи шэн» 治生 («Заботы о пропитании», цз. 243), «Бянь цзи» 褊急 («Мелочные и раздражительные», цз. 244), «Хуэй се» 詼諧 («Забавы и шутки», цз. 245–252), «Чжао цяо» 嘲諷 («Насмешки и издевательства», цз. 253–257), «Чи би» 嗤鄙 («Презрение к пошлости», цз. 258–262), «У лай» 無賴 («Безответственность», цз. 263–264), «Цин бо» 輕薄 («Легкомысленность», цз. 265–266), «Ку бао» 酷暴 («Беспощадные и жестокие», цз. 267–269), «Фу жэнь» 婦人 («Женщины», цз. 270–273), «Цин гань» 情感 («Нежные чувства», цз. 274), «Тун пу ну би» 童僕奴婢 («Мальчишки-слуги и рабыни-служанки», цз. 275), «Мэн» 夢 («Сны», цз. 276–282), «У» 巫 («Шаманы», цз. 283), «Хуань шу» 幻術 («Искусство иллюзий», цз. 284–287), «Яо ван» 妖妄 («Сверхъестественные

заблуждения», цз. 288–290), «Шэнь» 神 («Духи», цз. 291–315), «Гуй» 鬼 («Души умерших», цз. 316–355), «Е ча» 夜叉 («Якши», цз. 356–357), «Шэнь хунь» 神魂 («Духи и души», цз. 358), «Яо гуай» 妖怪 («Сверхъестественные чудеса», цз. 359–367), «Цзин гуай» 精怪 («Чудеса существей», цз. 368–373), «Лин и» 靈異 («Чудесные странности», цз. 374), «Цзай шэн» 再生 («Воскрешения», цз. 375–386), «У цянь шэн» 悟前生 («Прозрения прошлой жизни», цз. 387–388), «Чжун му» 冢墓 («Захоронения и могилы», цз. 389–390), «Мин цзи» 銘記 («Мемориальные надписи», цз. 391–392), «Лэй» 雷 («Гром», цз. 393–395), «Юй» 雨 («Дождь», цз. 396), «Шань» 山 («Горы», цз. 397), «Ши» 石 («Камни», цз. 398), «Шуй» 水 («Воды», цз. 399), «Бао» 寶 («Сокровища», цз. 400–405), «Цао му» 草木 («Травы и деревья», цз. 406–417), «Лун» 龍 («Драконы», цз. 418–425), «Ху» 虎 («Тигры», цз. 426–433), «Чу шоу» 畜兽 («Домашний скот и дикие звери», цз. 434–446), «Ху» 狐 («Лисы», цз. 447–455), «Шэ» 蛇 («Змеи», цз. 456–459), «Цинь няо» 禽鳥 («Дичь и птицы», цз. 460–463), «Шуй цзу» 水族 («Водные твари», цз. 464–472), «Кунь чун» 昆蟲 («Насекомые и пресмыкающиеся», цз. 473–479), «Мань и» 蠻夷 («Южные и восточные варвары», цз. 480–483), «Цза чжуань цзи» 雜傳記 («Разные истории и записи», цз. 484–492) и «Цза лу» 雜錄 («Разные записи», цз. 493–500) " [8, 92-93].

Некоторые из разделов имеют также подразделы. В целом содержание «Тайпин гуанцзи» очень разнообразно, но при этом ее основной упор сделан на сверхъестественные новеллы. Игорь Александрович в своей работе также упоминает, что «фрагменты расположены в хронологическом порядке» [8, 91], а также китайский ученый Шэн Ли (盛莉) пишет, что «материал внутри лэйшу организован по следующему нисходящему вектору — от высших сфер к низшим: бессмертные → даосизм → буддизм → обычные люди → духи → души умерших → жизнь и смерть (воскрешения, прозрения предыдущих

рождений и пр.) → природные явления и географические объекты → разнообразные животные, рыбы и насекомые» [8, 94]. В нашей работе мы обратились к трем из девяти цзюаней под номерами 447, 448 и 449, посвящённых лисам-оборотням. Данные цзюани представляют собой собрания из девятнадцати, восьми и восьми рассказов соответственно, посвящённых рыжим бесам и датирующихся с III по XI век, то есть, они охватывают весь период, описываемый в «Тайпин гуанцзи» в целом.

ГЛАВА 3. ИСТОЧНИКИ ТЕКСТОВ «ТАЙПИН ГУАН ЦЗИ»

Тема лис-оборотней представлена в энциклопедии «Тайпин гуанцзи» девятью цзюанями, лично нами исследовано и переведено на данный момент лишь три цзюаня. Тридцать пять рассказов, представленных в 447, 448 и 449 цзюанях сборника «Тайпин гуанцзи», относятся к разным временным промежуткам, предположительно, охватывая период с III по XI век. Сперва мы приведем краткий список источников, в порядке, соответствующем порядку рассказов в сборнике.

447 цзюань

1. 玄中記 Сюань чжун цзи — «Записки из мрака»
2. 瑞应編 Жуйин бянь — «Том благих знамений»
3. 瑞应編 Жуйин бянь — «Том благих знамений» (повтор)
4. Источник неизвестен
5. 搜神記 Соушэнь цзи — «Записки о поисках духов»
6. 小說 Сяошо — «Рассказы»
7. 渚宮故事 Чжугун гуши — «Старые истории из дворца Чжу»
8. 搜神記 Соушэнь цзи — «Записки о поисках духов» (повтор)
9. 洛陽伽藍記 Лоян целань цзи — «Буддийские храмы Лояна»
10. 搜神記 Соушэнь цзи — «Записки о поисках духов» (повтор)
11. 異苑 Июань — «Сад необыкновенного»

12. 談藪 Таньшу — «Интересные беседы»
13. 法苑珠林 Фаюань чжулинь — «Лес драгоценных камней в саду Дхармы»
14. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй»
15. 朝野僉載 Чаоэ цянъцзай — «Дворцово-народные записи»
16. 朝野僉載 Чаоэ цянъцзай — «Дворцово-народные записи» (повтор)
17. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй»
(повтор)
18. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй»
(повтор)
19. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй»
(повтор)

448 цзюань

1. 五行記 Усин цзи — «Записи о пяти элементах»
2. 朝野僉載 Чаоэ цянъцзай — «Дворцово-народные записи» (повтор)
3. 乾鑿子 Цянъ цюанъцзы — «Неутомимо трудящийся сын»
4. 紀聞 Цзи Вэнь — «Заметки»
5. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)
6. 紀聞 Цзи Вэнь — «Заметки» (повтор)
7. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)

8. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)

449 цзюань

1. 紀聞 Цзи Вэнь — «Заметки» (повтор)
2. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)
3. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)
4. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)
5. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)
6. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)
7. 宣室志 Сюанъши чжи — «Записи из кабинета Сюань»
8. 廣異記 Гуанъи цзи — «Широкие записи странных историй» (повтор)

В данной главе представлены источники из всех трех цзюаней в их приблизительном хронологическом порядке, ведь зачастую сами источники текстов «Тайпин гуанцзи» являются сборниками еще более ранних преданий и легенд, соответственно, рассказы могут относиться к более ранним периодам, нежели сам источник.

«Жуйин бянь» 瑞应編

Единственное упоминание похожего источника, которое нам удалось найти – это «Тайцзы жуйин бэнь цицзин» (太子瑞應本起經, Сутра о жизни принца в соответствии с добрыми предзнаменованиями), переведённая с

санскрита Чжи Цянем (支謙, 222 – 252) в период Троецарствия (三國, 220 – 280)⁹. Данный сборник буддийских сутр¹⁰ состоит из 25 000 иероглифов.

Именно в период Троецарствия переводы буддийских сутр сыграли огромную роль в распространении буддизма. Переводами сутр как раз и занимался Чжи Цянь. Спасаясь от смут, охвативших Поднебесную, он бежал в царство У (東吳, 222 – 280). Местные царствующие особы поддерживали буддизм, потому способствовали переводам Чжи Цяня. Он перевёл порядка сорока девяти сочинений [43, 338].

К сожалению, нам не удалось заполучить данное издание, таким образом, невозможно точно утверждать относятся ли некоторые новеллы из «Тайпин гуанцзи» именно к этому переводу Чжи Цзяня или же речь идет о каком-то другом давно утерянном источнике.

Тем не менее следует отметить, что один из рассказов, относящихся к «Жуйин бянь» является явным переложением практически идентичной части рассказа, появляющейся в первом цзюане «Шань хай цзина»¹¹ (山海經, Каталог южных гор). Подробное сравнение переводов можно найти в главе «Переводы 447 цзюаня с комментариями».

«Сюаньчжун цзи» 玄中記

Сборник рассказов «Записки из мрака» (玄中記) был составлен знаменитым ученым-филологом и комментатором периода Цзинь 晉 (265—

⁹ Период в китайской истории, когда шла ожесточенная борьба между тремя царствами Вэй 魏, У 吳 и Шу 蜀.

¹⁰ В Индии так назывались основные тексты религиозно-философских школ, в которых закреплялось учение основателя той или иной традиции, в буддийской традиции сутры рассматриваются как проповеди самого Будды.

¹¹ Анонимный памятник примерно III – II в. до н.э., он повествует как о географически-биологических фактах древнего Китая, так и о различных бытовавших в те времена мифах и легендах [4, 614].

420) Го Пу 郭璞 (276 — 324). Он родился в семье высокопоставленного чиновника и являлся комментатором ряда основополагающих древних памятников. Говорят, что он обладал обширными знаниями во многих областях, как в культуре древности, так и в современных даосских и алхимических практиках [2, 272].

Самые ранние каталоги, в которых упоминается «Сюаньчжун цзи» это библиографическая глава «Ивэньлюэ» (藝文略) в энциклопедии «Тунчжи» (通志) и «Чунвэньцзунму» (崇文總目), а также в изучаемой нами энциклопедии «Тайпин гуанцзи», датируемых периодом Сун (宋, 960 — 1279). В этих книгах не упоминается автор, но из цитат во многих других книгах можно почерпнуть, что создание «Сюаньчжун цзи» часто приписывается Го Пу, однако, китайский писатель Лу Синь 魯迅 высказывал свои сомнения насчет того, действительно ли под псевдонимом «Мастер Го» (郭氏) скрывался Го Пу [35, 2167].

«Сюаньчжун цзи» включал в себя рассказы о странных событиях, экстраординарных вещах и людях со сверхъестественными и магическими способностями. К сожалению, текст «Записок из мрака» не сохранился полностью. Ученый периода Цин (大清國, 1644 — 1912) — Ма Гохан (馬國翰, 1794 — 1857) собрал уцелевшие фрагменты и включил их в свой сборник «Юйхань шаньфан цзи ишу» (玉函山房輯佚書) — «Коллекция утерянных книг нефритовой пещеры» [35, 2168].

«Соушэнь цзи» 搜神記

«Записки о поисках духов» — единственное полностью сохранившееся сочинение сановника, историка и литератора Гань Бао (干寶, ок. 286 — ок. 336). «Соушэнь цзи» относится к произведениям жанра

чжигуай сяошо, в нем собрано очень многое, начиная от философских заметок и заканчивая фантастическими небылицами о сверхъестественных существах. В наше время он представляет из себя сборник, состоящий из 464 коротких и очень коротких рассказов о чудесах, составленных в 20 цзюаней. Цель, поставленная автором, описывается в предисловии к сборнику – он хотел, опираясь на различные исторические материалы доказать, что «путь духов – не обман» [3, 573-574].

Переводом «Соушэнь цзи» в российской синологии занимался Лев Николаевич Меньшиков (1926—2005) – знаменитый советский востоковед-китаист, переводчик, профессор и доктор филологических наук, окончивший отделение китайской филологии Восточного факультета СПбГУ в 1952 и внёсший неоценимый вклад в развитие отечественного востоковедения, в особенности в дуньхуановедение¹². С 1957 года он руководил группой по описанию Дуньхуанского фонда ЛО ИВ АН, и его исследование способствовало коренному пересмотру представлений о буддизме в Китае, существовавших в то время [47].

«Июань» 異苑

«Сад необыкновенного» – это сборник фантастических историй, составленный писателем периода Лю-Сун (劉宋, 420—479) Лю Цзиншу (劉敬叔, 417—426), родом из Пэнчэна (彭城)¹³.

Книга включает 382 рассказа о странных событиях и сверхъестественных явлениях с древних времен до периода Цзинь (晉朝, 265—420), последний охватывает большую часть историй. Литературное

¹² Наука об исследовании культурного наследия Дуньхуана (敦煌), оазиса и уезда в провинции Ганьсу (甘肅).

¹³ Современный Сюйчжоу (徐州), провинция Цзянсу (江蘇).

качество рассказов сильно различается. Хотя большинство из них и написаны очень простым и грубым языком, встречаются и более изящные.

Как и от предыдущего нашего источника, сохранилось только 10 цзюаней «Июаня», оригинальная же книга утеряна, а полученный текст представляет собой собрание фрагментов, процитированных в период Сун (宋, 960—1279), но предполагается, что не так много информации было утеряно [33, 1167-1168].

«Сяошо» 小說

Указанный в «Тайпин гуан цзи» источник «小說» на самом деле носит полное название «殷芸小說» – «Рассказы Инь Юня» – это сборник рассказов, составленный ученым периода Лян (梁, 502—557) Инь Юнем (殷芸, 471—529), родом из Чэньцзюня (陳郡)¹⁴. Он был известен как человек с необычайно обширными знаниями во всех областях. Благодаря его продвижению по «карьерной лестнице», он стал директором Дворцовой библиотеки (秘書監), а затем и вовсе был назначен на должность в Министерстве образования (司徒左長史).

Его сяошо – один из самых древних сборников рассказов данного жанра, он состоит из 10 цзюаней и, к сожалению, дошел до наших дней только в виде книги под редакцией Лу Синя (魯迅, 1881—1936)¹⁵, вышедшей в 1910 г. В сборнике Инь Юня в своё время были собраны рассказы, которые не были включены в официальные истории по тем или иным (чаще всего политическим) причинам. Но тем не менее Инь Юнь

¹⁴ Ныне город, именуемый Сихуа (西華) в провинции Хэнань (河南).

¹⁵ Известный китайский писатель, основоположник современной китайской литературы, оказавший огромное влияние на ее развитие в XX веке.

решил собрать их в своей книге, охватив период от династии Чжоу (周, XI век — 221 г. до н.э) до Южной Ци (齊朝, 479—502). Рассказы в его сборнике по большей части являлись полностью собранными по стране, Инь Юнь же лишь расширил истории и привел их в литературную форму. Тематики сяошо, представленные в собрании очень обширны: начиная отчетами о местных обычаях и заканчивая интересующими нас рассказами о необычайном. Первоначально сборник состоял из 30 цзюаней, но 20 были утеряны во времена династии Тан. В 1984 году Чжоу Лэнцзя (周楞伽, 1911—1992) опубликовал уже современное издание, основанное на сборнике Лу Синя [35, 2172].

«Лоян целань цзи» 洛陽伽藍記

«Монастыри Лояна» – это сборник, повествующий обо всех буддийских монастырях в Лояне (洛陽)¹⁶, столице династии Северная Вэй (北魏, 386—534). Он был написан китайским писателем и переводчиком середины VI века Ян Сюаньчжи (楊衒之) в 547 году и состоит из 6 цзюаней.

Мотивация автора задокументировать описание столицы заключалась в том, что город был полностью разрушен во время борьбы за престолонаследие. Тем самым он хотел сохранить память о внешнем виде города во время его расцвета при вэйском императоре Сяовэнь-ди (魏孝文帝, годы правления 471—499). В то же время его книгу можно рассматривать как критику щедрости, с которой императорский дом и богатые семьи тратили деньги на религиозные цели вместо того, чтобы вкладывать деньги в экономику и армию.

¹⁶ Один из древнейших городов в Поднебесной, ни раз становившийся столицей многих древнекитайских государств. Провинция (河南) [1, 623].

Ян Сюаньчжи не только описывает монастыри в Лояне и его окрестности, но также предоставляет важную информацию об основании монастырей и, таким образом, сборник является ценным источником не только по истории религии в Китае, но также и по социально-экономической истории Китая «средних веков». Текст содержит многочисленные цитаты из первоисточников. Во многих случаях эта книга – единственное место, где сохранились фрагменты этих текстов [48].

«Фаюань чжулинь» 法苑珠林

«Лес драгоценных камней в саду Дхармы» – это буддийская энциклопедия, написанная монахом периода Тан (唐, 618–907) Дао Ши (道世) в 668 году.

Она состоит из 100 цзюаней, разделённых на 30 частей и 180 тем, цитирует более 400 книг, в основном буддийскую литературу. Данный сборник является частью «Тайсё Трипитака» (大正新脩大藏經) [42, 40-41] – одного из основных источников буддийских текстов Махаяны, собранного в 1924–1935 годах в Японии.

«Усин цзи» 五行記

Один из новых источников, появившийся в 448 цзюане – это «Обширные записи о пяти стихиях», который в самом сборнике Тайпин гуанцзи называется просто «Записи о пяти элементах». Данный сборник рассказов о необычайном, написан чиновником Доу Вэйсянем (竇維滢, ? – 713) во времена Тан (唐, 618–907 гг.). Как и многие источники в нашем списке, оригинальные 30 томов данного собрания были утрачены, но благодаря Ли Цзяньго (李劍國), выдающемуся литературоведу и

профессору кафедры китайской литературы Нанькайского университета (南開大學) в Тяньцзине (天津), удалось собрать и восстановить порядка 180 историй из этого сборника, некоторые из которых были как раз найдены в энциклопедии «Тайпин гуанцзи». В своей книге Доу Вэйсянь не только собирал информацию, касающуюся пяти элементов [54], но также собрал множество различных историй об оборотнях, одними из которых, без всякого сомнения, являются и лисы.

«Чаоэ цянъцзай» 朝野僉載

«Дворцово-народные записки» представляют собой сборник рассказов в стиле бицзи (筆記)¹⁷, написанных писателем периода Тан Чжан Чжо (張鷟, 658? — 730?), родом из Шэньчжоу (深州)¹⁸.

«Чаоэ цянъцзай» включает в себя рассказы о жизни при дворе и в столице во время правления императрицы У Цзетянь (武則天, 690—704). Среди исторических источников можно найти множество историй о привидениях и сообщений о сверхъестественных событиях, что отражает популярность этого типа историй в первом тысячелетии нашей эры. Именно по этой причине «Чаоэ цянъцзай» получил большую критику от писателя периода Сун – Хун Мая (洪邁, 1123—1202), так как он считал это сборной солянкой бестолковых рассказов. Эта критика, конечно же, оказывается совершенно не оправдана, особенно учитывая, что Чжан Чжо записал много историй из первых уст, которые впоследствии легли в основу «Цзи чжи тун цзянь» (資治通鑑), летописи, написанной в 1084 году Сыма

¹⁷ Особая форма авторского сборника, или, по выражению О.Л. Фишман, «наджанровая система» [2, 217].

¹⁸ Современный Шэньсянь (深縣), Хэбэй (河北).

Гуаном (司馬光, 1019—1086)¹⁹. Ко всему прочему «ЧАОЕ ЦЯНЫЦЗАЙ» также является отличным источником популярных рифм и пословиц периода Тан.

«ЧАОЕ ЦЯНЫЦЗАЙ» состоял из 20 цзюаней и имел 3 цзюаня-дополнения. Оригинальная книга утеряна, и ее можно было восстановить только по фрагменту из 2 цзюаней, включенных в «БАОЯНТАН МИЦЗИ» (寶顏堂秘笈) и изучаемую нами энциклопедию «ТАЙПИН ГУАНЦЗИ» [35, 2138].

«ГУАНЬИЦЗИ» 廣異記

«Обширные записи странных историй» – это сборник рассказов о сверхъестественных явлениях, составленный писателем периода Тан – Дай Фу (戴孚, даты жизни неизвестны). Оригинальная книга состояла из 20 цзюаней, но сохранились лишь фрагменты, в основном в «ТАЙПИН ГУАНЦЗИ». [42, 45].

«ЦЗИ ВЭНЬ» 紀聞

«Заметки» также является сборником рассказов об удивительном Танской эпохи под авторством Ню Су (牛肅, ? — 804), жившего в период Чжэньюань (貞元, 785 — 805)²⁰ и умершего в 804 г. Именно ему приписывается написание целых 10 томов «Заметок». Все они, как утверждается, получили свое название именно от того факта, что представляли из себя истории, услышанные лично Ню Су во время своих путешествий по Китаю. Сборник также содержит и личные истории из жизни автора, сильное слияние мира загробного и человеческого в его

¹⁹ Историк, философ, политический мыслитель и государственный деятель империи Сун.

²⁰ Девиз правления танского императора Дэ-цзуна (德宗).

рассказах, как ничто другое показывает, насколько сильно было магическое видение мира раньше [51].

«Цяньцюань цзы» 乾鑿子

«Цяньцюань цзы» – это сборник историй о необычайном, собранный поэтом династии Тан – Вэнь Тинъюнем (溫庭筠, 812—870 г). Название его с трудом поддается переводу и может означать что-то вроде «Неутомимо трудящийся сын». О данном сборнике мало что известно, понятно лишь, что единственные сохранившиеся в нем сведения отражены именно в энциклопедии «Тайпин гуанцзи».

«Чжугун гуши» 渚宮故事

«Старые истории из дворца Чжу», представляют собой сборник рассказов о южном Китае, составленный ученым периода Тан – Юй Чжигу (余知古, IX век), который жил во времена правления императора Вэнь-цзуна (唐文宗, 826—840).

Он очень интересовался историей древнего региона Чу²¹, и поэтому дал своей книге название одного из древних дворцов ванов регионального государства Чу (楚國, 722—223 до н. э.) – Чжугун (渚宮). Оригинальная книга состояла из 10 цюаней, но сохранившаяся версия состоит уже лишь из 5 цюаней, представляющих собой только вторую половину книги с приложением.

История начинается с правления Юйсюна (鬻熊, XI век до н.э.), также известного как Юйцзи или Мастер Юй, ранним правителем древнего китайского государства Чу, и заканчивается временами жизни самого автора. Текст разделен по династиям и по большей части посвящён

²¹ Современные Хубэй (湖北) и Хунань (湖南).

действующим лицам того времени и историям, их окружавшим. Юй Чжигу черпал информацию из множества различных древних источников, многие из которых до наших дней не сохранились, что, несомненно, делает книгу ценным наследием истории Южного Китая [40, 810].

«Сюаньши чжи» 宣室志

«Записки из кабинета Сюань» – это сборник ученого танской эпохи Чжан Ду (張讀, 834—882). Сборник состоял из 10 цзюаней, а название свое он унаследовал от комнаты, где, в свое время, император династии Хань (漢朝, 206 до н.э. — 220 г. н.э) – Вэнь-ди (文帝) слушал истории о сверхъестественном. Сборник «Сюаньши чжи» является образцом классических историй чжигуай сяошо, включая в себя множество различных рассказов о потустороннем на разные тематики, которые написаны образцовым языком и составлены в правильном порядке. Данный сборник также издавался во множестве других энциклопедий [35, 2164].

«Таньшу» 談藪

«Интересные беседы» – книга, написанная Пан Юаньингом (龐元英, XI век) уроженцем Шаньжоу (陝州). Она состояла из одного цзюаня и содержала описание устных преданий и историй о странном [56].

Несмотря на довольно очевидную разницу в периодизации источников 447 цзюане, тут мы должны отметить, что источники, относящиеся к 448 цзюаню очень тяжело поддаются хоть какой-нибудь временной классификации, так как все написаны во времена эпохи Тан. Источники 449 цзюаня, в свою очередь, практически все уже появлялись в более ранних цзюаней.

По результатам, представленным в этой главе, можно сделать вывод о неправдоподобности заявления, что «рассказы в сборнике расставлены в хронологическом порядке», ведь зачастую хронологический порядок источников оказывается совсем иным. Тем не менее мы не имеем полного права утверждать, что хронология рассказов в «Тайпин гуанцзи» ошибочна, так как лингвистическая и сюжетная эволюция рассказов вполне соответствует вышесказанному утверждению.

ГЛАВА 4. ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ 447 ЦЗЮАНЯ С КОММЕНТАРИЯМИ

Рассуждения о лисе 說狐

[Когда] лисице [исполняется] пятьдесят лет. [Она] может превращаться в женщину. В сто лет в красавицу-колдунью. Или в мужчину [и] вступить в отношения с девушкой. Может знать, что происходит за тысячу ли. Хорошо умеет обольщать. [Да так, что] доводит человека [объект своего обольщения] до потери рассудка. Тысячелетняя лиса начинает жить по велению неба. Становится небесной лисой.

[из сборника «Сюаньчжун цзи»]

Данный рассказ из «Сюаньчжун цзи» является одним из самых известных и часто цитируемых рассказов о лисах и даёт весьма интересное и обширное представление об их цикле жизни и особенностях. Естественно, его не обошёл стороной и Игорь Александрович Алимов в своей книге «Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая»: «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя [может] стать мужчиной и вступить в отношения с женщиной. Может знать о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой» [7, 49]. Можно отметить, что перевод имеет различные опущения и обороты, которые, на наш взгляд, были сделаны для того, чтобы текст был более «гладким» и понятным для читателя. Приведённая в данном рассказе информация о лисах находит подтверждение во многих других более поздних произведениях и лейтмотивом проходит через все научные статьи и даже художественные рассказы.

Благие знамения 瑞應

Девятихвостая лиса – [это] божественное животное. Она красного цвета. [У нее] четыре ноги и девять хвостов. Пришла она из страны Цинцю. Издаёт звуки, похожие на [плач] младенца. Съевший ее станет неподвластен бесовскому наваждению, а также неподвластен яду змеи и ему подобным.

[из сборника «Жуйин бянь»]

Аналогичный текст мы находим в «Шань хай цзине» – литературном памятнике конца III – начала II до н.э., что явно не вписывается во временные рамки, охватываемые «Тайпин гуанцзи». Тем не менее текст, хоть и со значительными отклонениями, очень напоминает переведённый нами рассказ из «Жуйин бянь».

Из рассказа, приведённого в «Шань хай цзине», становится понятно, что страна Цинцю, о которой идет речь в переведенном нами отрывке, на самом деле является так называемым Зелёным холмом (青丘) – это мифическое место, где якобы обитали боги и духи, и находился он где-то вне нашего мира, также назывался «царством Зелёных холмов» и еще несколько раз упоминается в «Шань хай цзине», как пристанище девятихвостых лис [14, 136]. «Еще в трехстах ли к востоку [есть] гора под названием Зеленый Холм. На южном ее склоне много нефрита, на северном — много азурита. [Там] водится животное, похожее на лису, но с девятью хвостами; звук его голоса напоминает плач ребенка. [Оно] может сожрать человека. Тому, кто съест его, не [опасен] яд змеи» [14, 29]. При сравнении как переводов, так и оригиналов текста становятся очевидны повторяющиеся предложения, но все же текст, представленный в «Шань хай цзине» является более полным и даёт дополнительную информацию о месте проживания лис, например. Повторы текстов среди китайской литературы – это отнюдь не редкость: в попытках сохранить древние тексты, китайские литераторы переписывали их из раза в

раз, даруя им новую жизнь, именно благодаря этому сейчас мы можем изучать столь древнее наследие великой цивилизации.

Чжоу Вэнь-ван 周文王

Чжоу Вэньван был в заключении в Юли. Сань Ишэн отправился на гору Тушань, добыл голубую лису и подарил ее Чжоу. [Тем самым] спас гегемона Запада от катастрофы.

[из сборника «Жуйин бянь»]

Лиса в данном рассказе не представляет из себя интересного архетипа для исследования, скорее всего, она даже не является оборотнем, в то время как историческим героям данного рассказа стоит уделить куда больше внимания.

Чжоу Вэнь-ван (он же гегемон Запада) – урожденный Цзи Чан, (姬昌 1122 до н.э. — 1050 до н.э.), отец первого правителя китайской династии Чжоу (周朝, XI—III вв. до н.э.). Ваном он был наречён посмертно своими потомками, благодаря чему стал родоначальником династии Чжоу.

Цзи Чан был оклеветан и заточен в тюрьму в городе Юли (羑里)²². Будучи в заключении на протяжении семи лет, он изучал теорию восьми диаграмм (八卦)²³ и, по преданиям, именно тогда он и написал «И цзин» (易經)²⁴. Однажды, занимаясь гаданием, он почувствовал, что в его семье случилось что-то неладное. Тогда-то он и узнал, что его сын встретил

²² Древний город на территории нынешнего уезда городского округа Аньян (安阳) провинции Хэнань (河南).

²³ Особые графические символы (卦, 卦), состоящие из линий (爻, 爻), комбинации трех *яо* образуют восемь триграмм. «...багуа выражают совокупность всех универсальных видов явлений, на которые можно поделить все мировое устройство» [20, 303].

²⁴ «Книга перемен» - один из самых древних китайских памятников, является один из канонических конфуцианского Пятикнижия. Хотя, также ее авторство приписывается и легендарному первому императору Китая Фу Си (伏羲).

жестокою смерть. Вскоре посланник принёс ему три больших пирога с олениной в знак уважения от иньского Чжоу-вана (子紂), и Цзи Чан с радостью съел их, но только потом лишь потом осознал, что он съел плоть своего драгоценного сына, и ему не оставалось ничего, кроме как горько расплакаться. Впоследствии он был помилован за то, что отдал Чжоу-вану территорию Западного Луо (洛西) [32, 47].

Сань Ишен (散宜生, XI век), пришедший на помощь Вэнь-вану, являлся высокопоставленным чиновником во времена династии Западная Чжоу (西周, 1046 г до н.э. — 771 г до н.э.), был советником у Чжоу Вэнь-вана и Чжоу У-вана. Он помогал Чжоу Вэнь-вану, на протяжении семи лет заключенному в тюрьму Инь Чжоу-ваном, и до последнего оставался верен Вэнь-вану [32, 47-48].

Упомянутая в тексте гора Тушань (涂山) также является реально существующей и располагается на юге уезда Цаося (曹县) в провинции Шаньдун (山东). Именно эта гора также упоминается в другом рассказе о лисах, цитируемом в «Мифах Древнего Китая» Юань Кэ: «Однажды, проходя мимо горы Тушань (...), он подумал: «Лет мне уже немало, что-то ждет меня в будущем?» Как раз в это время мимо него пробежала белая девятихвостая лисица, взмахнув своими хвостами, пушистыми, как метелочки. Девятихвостая лисица происходила из страны Цинцю, что недалеко от восточной страны Цзюньцзыго – Страны благородных. Такая лисица, как и дракон, феникс и цилинь, приносила счастье» [26, 174]. Тут же появляется уже упоминавшаяся страна Цинцю, представляющая из себя обитель лис, но, кажется, исключительно девятихвостых, – видимо, простые плутовки не заслуживают места в «царстве Зелёных Холмов». Лису, принесенную с Тушань, Сань Ишен отдает в дар уже ранее упоминавшемуся иньскому Чжоу-вану, который при жизни носил имя Ди Синь и был последним императором династии Инь, а имя его, впоследствии, стало синонимом крайней жестокости

и деспотизма. Таким образом, лиса, вопреки привычным мнениям о ее негативном значении в китайской культуре, спасает чжоуского Вэнь-вана.

Ханьский Ван Гуанчуаня 漢廣川王

Ханьский Ван Гуанчуань любил разрывать курганы. [Однажды он] разрыл гробницу Луань Шу, а внутренний гроб, гроб внешний и ритуальные принадлежности уже полностью все перегнили. Была там лишь белая лисица, завидев людей, она убежала в испуге. Подданные последовали за ней, но нагнать ее не смогли и лишь из цзи попали ей в лапу. Тем вечером Ван во сне увидел мужчину, чьи борода и брови были белы как снег. Он подошел и сказал: «Зачем повредил мне левую ногу?» И посохом ударил он Вана по левой ноге. Когда Ван проснулся, нога его опухла, потому что на ней появился нарыв, который так и не прошел, пока он [Ван] не умер.

[из неизвестного сборника]

Место действия данного рассказа начинается в уезде Гуанчуань (廣川), ныне на месте двух уездов: Цзаоцян и Гуанчуань, существовавших в ханьское время, расположился Цзаоцян (棗強)²⁵. Сама разрытая гробница, упоминающаяся в рассказе, также принадлежит реально существовавшей личности, а именно – Луань Шу (栾枝), воеводе, умершему в 622 году нашей эры. Лис в данном рассказе является «типичным представителем своего времени», так как из истории известно, что уже в словаре «Шовэнь цзецзы» (說文解字), датирующимся где-то 100 г. н.э., образ лисы крепко связан с загробным миром. Со стародавних времен в китайских сяшо встречались рассказы, в которых лисы устраивали себе жилище в старых разрушенных могилах, отчего и появилась в глазах китайцев их мистическая связь с душами

²⁵ Уезд городского округа Хэншуй (衡水) провинции Хэбэй (河北).

умерших [7, 52]. Об этом пишет и Леонид Сергеевич Васильев в своей книге «Культы, религии и традиции в Китае»: «выползающих из старых могил лис считался мистическим воплощением души мертвеца» [10, 140]. При небольшом исследовании и обсуждении с зоологами становится понятно, что обычные лисы не просто так выбирали могилы своим местом жительства. Даже по сей день можно часто увидеть рыжих плутовок, гуляющих среди надгробий, намного чаще, чем любых других хвостатых. Во-первых, присутствие уже готовых гробниц или же просто рыхлая почва на местах захоронений обеспечивали животным более легкий доступ к норам, а подношения, делавшиеся людьми своим предкам, становились отличным средством для пропитания. Также стоит отметить, что кладбища для лисиц представляют из себя идеальный баланс между природой, покоем и относительной близостью к человеческому жилищу, где они могли добывать себе легкое пропитание. Тем самым образ лисы плотно укоренился в головах китайцев, как что-то потустороннее и «околомогильное».

Цзи (戟), появляющееся в данном рассказе – это древнекитайское оружие, начавшее набирать свою популярность в конце династии Чжоу, которое представляло из себя топовидное лезвие с острым наконечником на конце, и все это держалось на длинном древке. Лис, приходящий во сне к Вану, тоже нередкий гость сверхъестественных рассказов. Зачастую, в более поздних рассказах, лисы-старцы или лисы-мужчины не представляли из себя опасности и скорее являлись героям, чтобы стать их мудрыми наставниками, но так или иначе, как мы видим в приведённом рассказе, тем, кто неуважительно относится к лисам-оборотням, мало не покажется.

Чэнь Сянь 陳羨

Во времена периода Цзянь-ань в поздней Хань, Чэнь Сянь из округа Пэй был наместником в области Сихай. Под его началом был надежный человек, которого звали Лин Сяо, и он без повода сбежал. [Чэнь Сянь] хотел его убить.

Через некоторое время, Сяо опять сбежал. Сянь долго его не видел и арестовал его жену, та отвечала честно. Сянь сказал: «Его точно бес попутал, сейчас его отыщем». Он отрядил десяток пехоты и конниц, а также охотничьих собак. Искали его за городом везде – вот так искали и нашли его в пустом кургане. Услышав звуки людей и собак, он удивился и попытался спрятаться, [тогда] Сянь послал человека, чтобы тот привел Сяо. Он же [Сяо] обликом стал совсем похож на лису! От человека практически ничего не осталось, он только и кричал, что «А-цзы!» А-цзы – это имя лисы. Десять дней спустя он потихоньку вернулся в разум, говорит: «Когда лиса впервые пришла, она вышла из угла комнаты, где находился курятник, в облике красивой девушки. Она назвалась А-цзы, поманила меня к себе и такое было ни раз. Однажды я вдруг ушел с ней и тогда она стала моей женой. Каждый раз с заходом солнца мы возвращались к ней домой, когда сталкивались с собаками, они нас не чуяли. Счастье с ней было бесподобно». Даос сказал: «Это горное наваждение. Лисы еще с древних времен умелые оболъстительницы, зовутся они А-цзы, обращаются лисой, потому и с древности такого рода диво все называют А-Цзы».

[из сборника «Соушэньцзи»]

Небезызвестный рассказ о распутнице А-Цзы был не только переведён множество раз на многие языки, но и даже повлиял на современных русских писателей, а именно на роман Виктора Пелевина «Священная книга оборотня», в котором не только приводится сам текст новеллы в переводе Льва Николаевича Меньшикова, но и главная героиня является лисицей-оборотнем. Древняя лиса-оборотень по имени А Хули, перебравшаяся в центр Москвы, даёт весьма яркую оценку и комментарии для этой весьма древней истории, сложенной когда-то «о ней»: «Я помню этого человека. Его голова была похожа на желтое яйцо, а глаза казались двумя наклеенными на это яйцо бумажками. Он не совсем точно передал историю нашего романа, да и

повествователь заблуждается, говоря, что меня звали А-Цзы. Начальник охраны называл меня «А», по имени, а «Цзы» получилось из звука, который он стал произвольно издавать, когда его жизненность пришла в упадок: во время разговора он с шумом всасывал воздух, словно стараясь притянуть на место отвисшую нижнюю челюсть. Кроме того, неправда, что я когда-то была развратной женщиной, а потом превратилась в лису – такого, насколько я знаю, вообще не бывает. Но все равно, перечитывать этот отрывок древнекитайской прозы для меня так же волнительно, как для старой актрисы – глядеть на самую раннюю из сохранившихся фотографий» [18, 10]. Конечно, данный роман не несёт особой научной ценности, но тем не менее, на наш взгляд, он является интересным примером того, как произведение, написанное в III – IV вв. н.э., проходит сквозь века и все еще может заинтересовать современного читателя, дав ему вдохновение на развитие новых сюжетов (пусть порой и весьма спорных) с персонажами, существовавшими еще сотни лет назад.

Что же касается места действия, времени и персонажей, тут практически все исторически достоверно. Дело происходит во времена периода Цзяньань (建安) – это 196 – 219 год в истории династии поздней Хань (後漢), на территории округа Пэй. Некий Чэнь Сянь, уроженец округа Пэй (沛國)²⁶, был воеводой области Сихай (西海) – находившейся на территории нынешней Внутренней Монголии (內蒙古自治區) на месте хошуна²⁷ в аймаке Алашань²⁸ – Эдзин-Ци (額濟納旗). В данном рассказе также прослеживаются две лисьи особенности, присущие лисам скорее как обычному животному, нежели сверхъестественному существу. Первое появление лисы происходит из угла комнаты, где находятся куриные насесты, а, как известно, лисы самые большие охотницы позариться на поголовье куриц, в одном ряду с куницами,

²⁶ Место, где сейчас располагаются провинции Аньхой (安徽) и Цзянсу (江苏).

²⁷ Административно-территориальная единица во Внутренней Монголии. По своим административным функциям соответствуют **уездам**.

²⁸ Административно-территориальная единица во Внутренней Монголии. По своим административным функциям соответствуют **округам**.

ласками и хорьками. Лиса тут представлена со всеми совершенно обычными «лисыими» проблемами, так, например, вражда с собаками, которая также будет упоминаться в еще одном рассказе из этого цзюаня, а также и в последующих. Это совершенно естественно, так как в антропогенном ландшафте лисицы и собаки пересекаются, дикие собаки уже давно вытесняли лис, приближаясь к людям, а ведь у них примерно одинаковые потребности к местам обитания и пище, то отсюда и пошло, что между двумя этими существами образовалась кровная вражда, обусловленная конкуренцией за выживание, потому и немудрено, что многие лисы в китайских рассказах на дух не переносят собак [46]. Горным же наваждением лиса зовётся потому, что это был один из самых распространённых их ареалов обитания – именно в горах чаще всего обитали лисы, сохраняя свою независимость и возвращаясь к людям, лишь чтобы полакомиться остатками пищи или местным ассортиментом курятника, в то время как собаки столетиями подбирались все ближе и ближе к человеческому жилью, чтобы в конце концов стать одомашненными.

Таким образом, на примере этого известного и весьма многостороннего рассказа мы видим, что мистически-потусторонний образ лисы-оборотня в китайской прозе мог тесно переплетаться и брать свои истоки из реальной жизни лисиц, умело маневрируя на грани общедоступной реальности и неизведанных магических миров.

Гуань Лу 管輅

Вэйский Гуаньлу ночью часто видел какое-то маленькое существо, наподобие зверька, который держал в руках огонек и дул на него, желая поджечь дом. Лу приказал своему ученику взять нож и атаковать его [зверька], [ученик] прорезал ему поясницу и увидел, что это была лиса. С тех пор пожаров на этой улице не было.

[из сборника «Сяошо»]

Главный персонаж этого рассказа – Гуань Лу – известный гадатель и учёный эпохи Троецарствия, живший с 209 по 256 г. н.э. Лиса-вредитель – это одна из самых ранних и базовых ипостасей лис, появляющаяся в древних рассказах. В «Демонологии древнего Китая» мы можем найти строчки: «...главная опасность оборотней лисиц заключалась не столько в том, что они, как и прочие призраки, насылали сумасшествие и болезни, иногда выступая в роли демона-мстителя, сколько в том, что чаще всего они поступали так исключительно из собственной ничем не спровоцированной злонамеренности» [11, 58]. Получается, что в данном рассказе мы имеем дело с обычным лисом-вредителем, который, «исключительно из собственной ничем не спровоцированной злонамеренности» желал поджечь дом Гуань Лу.

Си Цзоси 習鑿齒

Во времена династии Цзинь Си Цзоси был главным архивариусом Хуань Вэня. [Он] последовал за Хуань Вэнем на охоту. В то время начался снегопад, на западе города Линьцзян, [они] увидели, что из-под снега и травы пробивается какой-то эфир и почувствовали, что здесь есть кто-то живой. [Кто-то из них] выстрелил, [и существо] умерло, [тогда кто-то из них] поднял это [существо]. Им оказался старый лис, на лапках [его] был надет мешочек малинового цвета.

[из сборника «Чжугун гуши»]

Главные действующие лица данного рассказа – Си Цзоси (習鑿齒) – известный историк династии Цзинь (晉, 265–420), происходивший родом из Сяньяна (襄陽, ?–384), провинция Хубэй (湖北), а также Хуань Вэнь (桓溫,

312—373) – полководец династии Цзинь. Также упоминается город Линьцзян (臨江), и поныне находящийся в провинции Цзилинь (吉林).

У убиенного лиса на лапке главные герои видят мешочек для благовоний малинового цвета. Для чего именно ему мог быть необходим этот мешочек, остаётся лишь гадать, но вполне возможно, что он, как и лис из другого рассказа «Ху Даоцзя», пытался скрыть свой лисий запах, там говорится: «Тело его [всегда] дурно пахло, [оттого] он всегда наносил [на себе] благовония, чтобы скрыть это».

Чэнь Фэй 陳斐

В области Цзюцюань все начальники области, заступавшие на должность, вскоре умирали. Позднее Чэнь Фэй из Бохая был назначен на эту должность, [чем был] очень опечален. Собираясь в путь, он [решил пойти к гадателю, чтобы узнать, что же его ждет] удача или несчастье. Гадатель сказал: «Отдадите чжухоу, отпустите Бо Цю, [если] сумеете сделать это, тогда не тревожьтесь». Фэй был озадачен этими словами, [тогда] гадатель сказал: «Идите, господин, должны [Вы] понять это сами». Как только Фэй стал чиновником, придворным врачом стал Чжан Хоу, другим врачом Ван Гоу, прислужниками – Ши Хоу и Дун Хоу. Фэй в глубине души прозрел: «Это то, что и называют все хоу поэтому [буду держаться] подальше».

[Чэнь Фэй] лежал и размышлял о смысле [слов] «отпусти Бо Цю», [но] не знал, как это понимать. После того как пробила полночь, что-то село на [грудь] Фэя. [Он] поймал [это существо] полог, [как вдруг] это нечто стало подпрыгивать, греметь и издавать всяческие звуки. Люди снаружи сразу слышали это и вошли в комнату с факелами в руках, собираясь убить [существо]. Тогда гуй сказал: «На самом деле у меня нет злого умысла, если начальник области может пощадить меня, тогда я глубоко отблагодарю господина». Чэнь Фэй сказал: «Что ты и почему ты вдруг решил вторгнуться

к правителю области?» Гуй ответил: «я сам по себе [являюсь] тысячетлетней лисой, ныне же много лет я уже зовусь Бо Цю. Ежели начальник области [окажется] в тяжелом положении, то пусть крикнет мое имя, тогда все разрешится само собой. Тогда Фэй радостно воскликнул: «Вот ведь что на самом деле значит «отпусти Бо Цю». И тут же [его] отпустил. Вдруг внезапно в дверь, словно молния, выпорхнул алый [шар] света. На следующую ночь в дверь постучали, Фэй отозвался:

- Кто?

- Бо Цю.

- Зачем пожаловал?

- Доложить, что на севере есть предатели.

Фэй проверил и это оказалось правдой. Каждый раз, когда что-то происходило [Бо Цю] докладывал Фэю, и ни разу не ошибался, все стали считать, какой мудрец был начальник области. Более месяца счетовод Ли Инь прелюбодействовал со служанкой Фэя, вскоре после этого он испугался, что Бо Цю [об этом] доложит [Фэю], потому вместе с чжухоу он запланировал убить Фэя. Подгадав, когда [рядом] никого не было, [Ли Инь] послал чжухоу с палками в руках войти [в дом], желая убить [Фэя]. Фэй в панике закричал: «Бо Цю, приди и спаси меня!» Тут же нечто, [словно] натянулся кусочек шелка вишневого цвета, со звуком «щлеп» влетело [в комнату]. Инь и чжухоу в испуге припали к земле, [тогда] их связали и стали допрашивать, [и они] повиновались. Отвечали: «Ещё до того Фэй стал начальником области, Инь боялся лишиться своей должности, [потому] вместе с чжухоу планировал убить Фэя. Так случилось что чжухоу всех вытеснили и фокус не удался. [Тогда] Фэй убил Инь. Бо Цю простился перед Фэем и сказал: «[Я] не успел донести о том, что он прелюбодействовал, явился по зову начальника области. Хотя я и приложил усилия (очень маленькие), [но] все же испытываю немного стыда перед вашим великолепием». Через месяц, прощаясь с Фэем [Бо Цю]

сказал: «Отныне я должен отправиться на небеса и [больше] не буду общаться с начальником области». После чего [Бо Цю] исчез.

[из сборника «Соушэньцзи»]

Действие данного рассказа происходит в области Цзюцюань (酒泉郡), провинции Ганьсу (甘肅). Чэнь Фэй, родом из Бохая (渤海) – государства тунгусо-маньчжуров, один из немногих персонажей в нашем списке, подтверждение реального существования которому нам не удалось найти. Тем не менее это не лишает рассказ научного интереса, не только с точки зрения лис-оборотней, но и китайского языка. Собственно говоря, главная интрига рассказа строится на словосочетании «фан бо цю», произнесенном гадателем. Так как в китайском языке зачастую недостаточно просто услышать фразу, дабы ее понять, главному герою еще приходится поломать голову, чтобы выяснить, что же значат эти слова. Да и понимает он их только в контексте, когда тот самый «Бо Цю» оказывается перед Чэнь Фэем и просит его помиловать (赦), тогда-то главный герой и осознаёт, что (放) в его предсказании был глаголом «отпустить». Интересная же игра слов возникает и с приближенными Чэнь Фэя, а именно врачами – Чжан Хоу и Ван Хоу, а также с солдатами – Ши Хоу и Дун Хоу. Иероглиф их звания (侯), обозначающий наследственный титул знати, также может быть двуслогом *чжухоу* (諸侯), обозначающем как «высших сановников», так и «всех хоу». Таким образом эту фразу можно воспринять, как то, что он собрал вокруг себя всех хоу. И тогда тут приобретает смысл первая фраза гадателя «отдалите чжухоу», именно потому Чэнь Фэй решает держаться от всех своих Хоу подальше, и не зря, ведь именно они впоследствии попытаются убить главного героя. Другой интересный «ложный друг переводчика» скрывается в имени самого лиса, на первый взгляд нам показалось, что имя 伯裘 может читаться как Бай Цю и в таком случае иметь отношение к другому немало известному

отрывку «Тайпин гуанцзи» из цзюаня под номером 450, в котором говорится: «У тысячелетних лис — фамилии Чжао и Чжан, у пятисотлетних лис — фамилии Бай и Кан». Но как же так, ведь Бо Цю в рассказе представляется тысячелетним лисом, почему же его фамилия Бай, а не Чжао (張) или Чжан (趙). Однако, к сожалению, попытки найти эфемерную связь между двумя рассказами из энциклопедии разбились об написание иероглифа Бай в тексте из 450 цзюаня: «五百年狐, 姓白姓康» [38, 450.2]. Там, как можно заметить, иероглиф 白 предстаёт в своей обычной форме, без ключа «человек» слева. Конечно, совсем другой вопрос, почему же тогда он не зовётся Чжан или Чжао, как полагается уважающему себя тысячелетнему лису, тут, к сожалению, ничего не поделаешь и, как бы нам ни хотелось, очень редки случаи, когда они будут логически связаны между собой.

Бо Цю очень необычный лис, помимо того, что он скорее напоминает шуку, которая приходит на помощь по щучьему велению, из одноименной сказки. Ко всему прочему, безумно интересными оказываются его появления и исчезновения: то он исчезает словно алая шаровая молния, то кусочек шелка вишневого цвета с шумом влетает в комнату. Тем не менее, кажется, Бо Цю все же соответствует описанию из нашего самого первого рассказа «Объяснение о лисе», так как, являясь тысячелетним лисом, в конце рассказа он отправляется на небеса и, «как и завещал» сборник «Сюаньчжун цзи», «...начинает жить по велению неба».

Сунь Янь 孫岩

В Поздней Вэй жил погребальный певец Сунь Янь. [Он] женился три года назад, и [жена его] спала, никогда не снимая одежды. Янь в тайне этому дивился и, [однажды], [он] дождался, пока она уснет, тайком снял ее одежды, а там [под ними] оказался хвост три чи в длину, [хвост этот был] похож хвостом лисицы. Янь в испуге выбежал их дома. Хотел ее выгнать. [Жена]

собиралась отрезать Яню ножом волосы, прогнанная соседями, обернувшись лисой, [и те] не смогли [ее] догнать. После этого в столице 130 людям остригли волосы. [Лисица], едва обернувшись замужней женщиной, разделась в шелка да украшения, и пошла [гулять] по улице. Все, кто ее видел, восхищались ей. Всем, кто оказывался рядом с ней, остригали волосы. В то время всякую замужнюю женщину, которая носила яркие одежды, называли лисой-оборотнем.

[из сборника «Лоянь целань цзи»]

В рассказе о Сунь Яне – персонаже, историчность которого нам не удалось подтвердить, лиса предстаёт перед нами в образе лисы-сожигательницы, но, как зачастую и любое магическое существо, она хочет, чтобы все тайное таковым и оставалось. Потому, когда Сунь Янь догадывается, что с ней что-то не так, она сбегает, попытавшись отрезать своему супругу волосы. Это очень интересное действие, которое никогда не встречалось в подобных рассказах. Считалось ли это аллегорией на лишение чести или хотела ли она сварить приворотное зелье, остаётся только гадать.

Сяхоу Цзао 夏侯藻

Матушка Ся Хоуцзао захворала и [он] собирался обратиться к мудрецу Чунью, [чтобы тот] погадал [ему]. [Увидел, что] у дверей его дома воеет лиса, Цзао не на шутку испугался и [как можно скорее] побежал к мудрецу. Мудрец сказал ему: «Боюсь, это плохое знамение. Господин, поспеши возвратиться, на том месте, [где воеет лиса], горестно плачьте и бейте себя в грудь. Ваша семья [будет] очень удивлена, [но] от мала до велика все [должны] выйти, никто не [должен] бояться, [главное] – не переставать плакать, таким образом несчастья [насланного лисой] можно избежать». Цзао повиновался, даже мать через силу

вышла, все члены семьи собрались. В тот же момент внезапно рухнули пять залов.

[из сборника «Соушэньцзи»]

Лису, появляющуюся в данном рассказе, невольно хочется сравнить с банши – загадочной героиней ирландского фольклора, предстающей перед нами в образе жуткой белой девушки или старухи. Появление банши всегда являлось предвестником смерти, реже – несчастья [15, 7]. Так и в данном рассказе Сяхоу Цзао – художественный персонаж, на пути к мудрецу встречает лисицу, горестно воющую у ворот его дома. С давних времён лиса, появившаяся поблизости, конечно же, если она не обладала девятью хвостами и белоснежным мехом, считалась вестником несчастья. Будь то в Ши цзине (詩經) - древней «Книге песен», датирующейся XI – VI вв. до н.э.:

Край это страшный - рыжих лисиц сторона,

Признак зловещий - воронов стая черна.

(пер. А. Штукина)

Или же в куда более поздних комментариях к ней выдающегося китайского философа Чжу Си (朱熹, конец XII в.): «Лисица - зверь, приносящий несчастье, и люди опасались встречи с нею. И, если в каком-то месте нельзя было увидеть ничего, кроме них, это свидетельствует, что государство подвергается опасности и обречено на смуты» [11, 55]. Интересно, что именно эта цитата отражается в другом, переведенном нами рассказе, под названием «Последний Император Северной Ци».

Но насколько же зловещим является появление лисицы в рассказе «Сяхоу Цзао» – этот вопрос остаётся открытым, так как ведь помимо того, что

лисица предвещала беду, она фактически дала полные «указания к действиям» для литературных героев, которые спасли все семейство. Конечно, вряд ли бы они догадались до этого сами, без трактовки мудреца, но тем не менее явилась ли лиса, чтобы накликать беду или помочь семье – это не столь однозначно. Вполне возможно, что в целом не лиса являлась приносящим несчастье существом, а наоборот лисы всячески старались уберечь людей от грядущих бед, хотя, конечно, зачем им это...

Ху Даоця 胡道洽

Ху Даоця говорил, что родом он сам был из Гуанлина, увлекался он музыкой и врачебным делом. Тело его [всегда] дурно пахло, [оттого] он всегда наносил [на себя] благовония, чтобы скрыть это. [К тому же] он ненавидел злых собак и точно знал день, когда ему предстоит умереть и [заранее] предостерёг своего ученика: «Как только [я] испущу дух, сразу же похорони [меня], не позволяй собакам увидеть мой труп». Умер [он] в Шаньяне. Положили его в гроб [и, когда тот подняли], почувствовали, что гроб пустой. Тут же открыли, чтобы посмотреть, а тела то там и не оказалось. Люди того времени все поговаривали, что он оказался лисом.

[из сборника «Июань»]

Персонаж из рассказа «Ху Даоця» носит, что называется, «говорящую фамилию». Издревле помимо ненависти к лисам в китайском народе несомненно было благоговейное отношение к этим существам, как к посланникам потустороннего мира. И очень часто древние китайцы, во избежание того, чтобы дух насрал на них свою кару, привычный иероглиф лиса 狐 заменяли на созвучный ему 胡 [24, 261], который мы как раз и

наблюдаем в фамилии нашего лиса, родом из Гуанлина (廣陵)²⁹. Лис из данного рассказа, как и его предыдущие сородичи, пользуется благовониями и явно не очень дружен с собаками. Исчезновение лиса после его смерти, конечно, оставляет парочку вопросов. Испарился ли он словно нематериальный дух или же решил начать новую жизнь, инсценировав свою смерть – тут только и остаётся, что гадать. Почему же он так не хотел, чтобы собаки увидели его труп? Скорее всего, охотничий инстинкт заставил бы их разодрать его в клочья, а это как-то не очень уважительно по отношению к мертвым, ну или же, будучи растерзанным собаками, новую жизнь уже не начнёшь. Лисы, испаряющиеся в воздухе отнюдь не редкое явление в литературе, так позднее в рассказах Пу Сунлина они тоже исчезают, правда происходит это зачастую, когда им уже надоел или они разочаровались в главном герое (например, рассказы «Единственный чиновник» и «Как он хватал лису и стрелял в черта»).

Последний Император Северной Ци 北齊後主

Во время правления Императора Хоу Чжу династии Северная Ци эры Упин. У ворот области столицы Шочжоу откуда ни возьмись появлялись отпечатки детских ножек. Вплоть до того, что земля приняла форму городской башенки. Увидели, что, то была лисица-оборотень. В том году Ван Наньань начал войну на севере Шочжоу.

[из сборника «Таньшу»]

В данном рассказе мы наблюдаем ту самую лису, свидетельствующую о том, что «государство подвергается опасности и обречено на смуты». Происходит действие в этот раз во времена династии Северная Ци (北齊, 550

²⁹ Район городского подчинения округа Янчжоу (揚州) в провинции Цзянсу (江蘇).

— 577). Если быть точнее, то в года Упин (武平, 570—576), когда на троне восседал император Гао Вэй (高緯). Годы правления императора были весьма плачевными, страна находилась в разрухе и упадке, вполне возможно, что ещё и этим ознаменовано появление лисы в данном рассказе в этот период времени. Самую большую заговздку вызывает ван Наньань: казалось бы, под этим именем должен скрываться правитель государства Северная Вэй (北魏, 386—535), более известный, как Тоба Юй (拓跋余), но он почил уже в 452 году. Тогда справедливо допустить, что 南 обозначает «южный», так как дело происходит в период Северных и Южных династий (南北朝), только ближайший к необходимым годам император, в посмертном имени которого содержится иероглиф 安 – Ань Дин-ван (安定王, 513—532) умер в 532 году. Так что какой же «южный спокойный ван» напал на городской округ Шочжоу в провинции Шаньси в период Упин, этот вопрос надо еще подробно изучить.

Более подробно этот рассказ дан в Суй Шу (隋書) под названием «Злой дух животного» (毛蟲之孽), но, к сожалению, он не даёт никакой дополнительной информации касаясь именно лисы, появляющейся в рассказе [57].

Сун Дасянь 宋大賢

Во времена династии Суй в западном пригороде Наньяна был павильон, где люди не могли ночевать, а ежели останавливались на ночь внутри, то обязательно приключалось что-нибудь дурное. Горожанин Сун Дасянь зарекомендовал себя таким [человеком], который придерживался истинного пути и однажды [он] все же попробовал остановиться в павильоне на ночлег. Ночью сидел, [когда он сидел там и] играл на цине, по лестнице вдруг поднялся гуй и заговорил с Дасянем. Взгляд его неподвижен, зубы отточены и вид у него в целом был отвратительный. Дасянь же как ни в чем ни бывало

продолжил играть на цине и призрак ушёл. Поблизости отыскал отрубленную голову, вернулся с ней, говорит Дасяню: «Тебе теперь, наверное, спаться не будет». И бросил голову мертвеца перед ним. Дасянь только и ответил: «Прекрасно. Я на закате прилёт, а подушки как раз нет. Ну просто очень хочу это заполучить». Призрак опять ушел, очень долго не возвращался. [Когда вернулся], говорит: «Вряд ли осмелишься силой помериться». Дасянь ему отвечал: «Хорошо». Не успел договорить, [как черт уже] перед ним [оказался]. Дасянь тогда тут же схватил его за поясницу. Гуй тогда быстро произнёс: «Смерть». Дасянь убил его. На следующий день проверил, то был старый лис. С тех пор в павильоне не было наваждения.

[из сборника «Фаюань чжулинь»]

Данный рассказ, на наш взгляд, являющийся весьма колоритным представителем жанра, среди других рассказов, представленных в 447 цзюане рассказывает историю о Дасяне, чьё имя можно перевести как «великий мудрец». Единственный, кто вызвался противостоять страшному наваждению, обитающему в павильоне в западном пригороде Наньяна (南阳), городского округа в провинции Хэнань (河南). Ольга Лазаревна Фишман в своём предисловии к «Новым записям Ци Се» приводит свой пример классификации всех рассказов Юань Мэя, которым и посвящена ее работа. Отдельный пятый пункт в ней посвящён «душам-оборотням»:

«5. Существуют души-оборотни, которые фигурируют чаще всего в облике лисы, реже — тигра и волка, кошки, выдры и других животных.

5а. Лиса-оборотень чаще всего является человеку в виде красавицы, ищущей с ним близости и либо приносящей ему богатство и удачу, либо

причиняющей ему физический вред — истощающей его жизненную энергию, реже — наносящей ему материальный ущерб.

5б. Лиса ведет себя дружелюбно по отношению к человеку, оказавшему ей услугу.

5в. Лиса вредит человеку, причинившему ей вред в этом или прошлом рождении.

5г. Лиса может быть агрессивна по отношению к человеку без видимых на то причин.

5д. Изгнать лису (или другую нечисть) и устранить вред, причиненный ею человеку, могут маги с помощью различных заклинаний и амулетов.

5е. Лиса может быть обуздана смелым (не боящимся ее) человеком.»

[27, 47]

Как мы видим, помимо встретившихся нам уже лисы-красавицы или же мстительного лиса, последний пункт посвящён тому, как лиса может быть изгнана не боящимся его человеком, конечно, Дасянь изгнал лиса вполне материальным способом, а именно — убил его, но тем не менее именно Дасяня лис не смог свести с ума своими зловещими заклинаниями. Стоит отметить также, что лисы, превращающиеся в страшных монстров — это не столь частое явление в подобных рассказах: чаще они все же выбирают более избирательные способы избавиться от людей, чем простые запугивания, а уж «лису-старика» (老狐) таким заниматься, вроде бы, как и вовсе не пристало.

Император Тайцзун даровал красавицу гогуну, своему фавориту Чжансунь Уцзи. [И у них] случилась любовь.

Неожиданно [его возлюбленная] повстречала лису. Лисица называла себя Ван Восьмая. Тело ее было длиной в восемь чи, и она стала часто бывать в покоях красавицы. Красавица, [как] видела Уцзи, [так] всенепременно каждый раз хваталась за длинный нож и его тыкала. [Когда] Тайцзун узнал об этом, призвал всех чернокнижников. Много времени снова и снова [пытались ее прогнать], не смогли прогнать. Потом жрец сказал: «Военный советник Сянчжоу Цуй может вылечить эту напасть».

Когда Цуй был в округе, постоянно говорил своим сослуживцам: «Призовут [меня] письмом предстать перед государем и дня не пройдёт». Через несколько дней призвали и Цуй отправился в путь. Ван Восьмая причитала, говорит красавице: «Военный советник Цуй скоро приедет, что [будем] с ним делать?» В каких местах он останавливался на ночлег, она непременно докладывала. Когда вот уже военный советник Цуй должен добраться до столицы, лиса убежала.

По приезде приказано было пойти в дом семьи Уцзи. В это время Тайцзун сам прибыл в его владения. Цуй поставил столик, сел и начал писать оберег. Тайцзун и Уцзи позади [него]. Вскоре, все, что было внутри жилища: колодец, очаг, ворота, сортир, все двенадцать циклических знаков, все вещи всех родов и видов, длинные и короткие, все они выстроились перед залом. Цуй закричал: «Господа, уважаемые духи дома великого чиновника, ваши служебные обязанности велики, почему позволили лисице поселиться в доме?» Духи выступили вперед и сказали: «Это небесная лиса, наши силы не могут ее остановить, не то, чтобы нас подкупили». Цуй приказал схватить и выдворить лису. Через некоторое время вернулись, каждый с луком и стрелами, говорят: «Были ранены в ожесточенном бою, не заполучить нам [лису]». Повелел им убираться.

Цуй опять написал оберег. Небо и земля внезапно потемнели. Император и Уцзи в испуге убежали в комнату. Неожиданно в воздухе раздался [лай] собак и [топот] конницы. Немедленно появились пять человек, каждый высоченный, подошли к военному советнику Цуй и встали [перед ним] в ряд, чтобы воздать дань уважения. Цуй спустился по лестнице, встал на колени. Позвал императора и Уцзи в зал. Духи только поглядывали [на них], не более того. Цуй сказал: «В доме чиновника живет лиса, осмелился побеспокоить [Вас], чтобы забрать ее». Духи пообещали, а затем они разошлись. Император спросил, что это за духи [это были], Цуй ответил: «Духи пяти свящённых гор».

Услышали снова звук конницы, связанную лису бросили к ступеням. Уцзи был так зол, что ударил ее мечом. Лисица сперва не испугалась. Цуй сказал: «Это уже небесный дух, сам ее возьму и замучаю». Тогда вынесли приговор: «Ты развратничаешь, божественная сила тебя накажет, разъяснить тебе пять раз». Лиса же умоляла сохранить ей жизнь. Цуй отхлестал ее ветвями персикового дерева, кровь была повсюду. Уцзи не считал это веселым, но досадовал. Цуй сказал: «Пять ударов – это пятьсот в человеческом обществе, отнюдь не малое наказание». Так как это отродье служит в небесной канцелярии, нельзя ее убить. Приказал, чтобы лиса с этого момента больше не приходила в дом чиновника, лиса улетучилась. После этого красавица оправилась от наваждения.

[из сборника «Гуаньцзи»]

Один из самых больших рассказов 447 цзюаня, помимо всего прочего, является и одним из самых богатых на содержание. Для начала, как минимум, два героя, представленные в рассказе – это реально существовавшие люди, а именно заглавный герой – Чжансунь Уцзи (長孫無忌, 594—659), являвшийся политиком и историком династии Тан. Что интересно, в тексте его также называют гогуном Чжао, что сразу вызывает соответствующие вопросы, ведь

персонаж подобного звания должен бы был жить еще до н.э., тогда, когда и существовало то самое царство Чжао (趙國, 403 года до н. э. — 222 год до н. э.), но на самом же деле оказывается, что Чжансунь Уцзи был назначен начальником уезда Чжао (肇州), ныне находящийся в провинции Хэйлуцзян (黑龙江) [61]. Именно потому в тексте он и зовётся гогун Чжао (趙國公). Второй персонаж, достоверность которого неоспорима – это император Тайцзун (太宗), он являлся вторым императором династии Тан.

Что же касается лисы, поселившейся у дарованной Уцзи красавице, она предстаёт перед нами с одной стороны типичной лисой-вредительницей, замутнившей рассудок молодой девушки, а с другой стороны, как оказывается позднее, она является небесной лисой (天狐). По идее, лисам такого «ранга» было не свойственно марать руки, издеваясь над простыми смертными, тем не менее, как мы видим в данном тексте, чем-то ей приглянулся дом Уцзи. К сожалению, найти подтверждений существованию Сянчжоу Цуя нам не удалось, но по выполняемым им ритуалам и написанию амулетов, можно предположить, что он являлся даосом, так как заклинательные надписи были одним из самых популярных видов амулетов и одной из главных составляющих даосских магических ритуалов, они именовались *фу* (符) и их предназначений, а уж тем более количества было ни счесть. Таким образом наша лисичка, вполне возможно, встречается не просто с военным советником, но и опытным даосом.

Когда духи дома, а как известно, душа в китайской мифологии есть у всего, проваливают попытку поймать лису, объяснив это тем, что она сущность небесная и им не подвластна, Цуй достаёт «тяжелую артиллерию» и вызывает себе в подмогу не абы кого, а самих Духов пяти священных гор, каждый из которых соответствует определенной горе, вот как об этом пишут в энциклопедии «Духовная культура Китая»: «Дунъюэ (Восточный пик) — гора Тайшань (пров. Шаньдун), Бэйюэ (Северный пик) — гора Хэншань (пров.

Шаньси), Чжуньюэ (Срединный пик) — гора Суншань (пров. Хэнань), Наньюэ (Южный пик) — гора Хэншань (пров. Хунань), Сиюэ (Западный пик) — гора Хуашань (пров. Шэньси). При династии Тан (618–907) гора Хэншань была заменена в этом перечне на гору Хошань (пров. Аньхой)» [3, 638-639]. Культ пяти гор являлся очень популярным именно в даосизме, что ещё раз даёт понять, что Сянчжоу Цуй являлся даосом.

Таким образом, мы видим, что перед нами не самая классическая история про небесную лису, которая, ко всему прочему, еще и рассказывает о методах ее изгнания и, что совсем редко встречается на просторах текстов о лисах-оборотнях, последующего наказания. Именно тут можно почерпнуть, что пять ударов прутом для лисицы будут, что сто для человека. Данный рассказ из «Гуаньши цзи» даёт много пищи для размышлений и неплохо расширяет уже имеющуюся «базу данных» информации о лисах-оборотнях.

Дух лисы 狐神

Со времен ранней Тан многим простой люд служил духам лис. В домах делали им подношения, дабы попросить о милости. Их еда и питье были такими же, как у людей. У тех, кто служил им, не было единого образца мемориальной таблички. В то время была пословица: «Не бывает деревни без лисьего наваждения».

[из сборника «Чаоэ цянцзай»]

В отношении этого текста можно смело заявить, что лисам поклонялись еще за долго до династии Тан, как мы уже упоминали ранее одни из первых упоминаний о лисах, несущих несчастья появляются в «Ши цзине», а, значит, еще даже до нашей эры. По всему Китаю там и тут можно было встретить кумирни, которые уже в первом тысячелетии нашей эры возводились для поклонения лисам [10, 434]. О чем же могло говорить отсутствие единого

образца мемориальной таблички, упоминающийся в тексте? Или для начала, что же представляла из себя сама мемориальная табличка? Обычно это являлось небольшой вертикальной табличкой, на которой писалось имя усопшего, но так как в нашем случае никто не умирал, на ней высекали иероглиф 狐, а точнее, как упоминалось ранее, скорее иероглиф 胡 с таким же чтением, дабы лишний раз не гневить духа. Точно такое же отношение, между прочим, было к имени императора, иероглифы, из которых состояло его имя использовать запрещалось. К тому же зачастую даже этот «безобидный» иероглиф некоторые особо опасливые китайцы предпочитали разделять еще на два 古 и 月, чтобы уж наверняка никого не разгневать [24, 261]. Но о чем же может говорить отсутствие единого образца? Скорее всего это говорит о стихийности сего действия: никто не узаконивал, как именно необходимо поклоняться лисе, оттого таблички и разнились от региона к региону, а может и даже от дома к дому.

Из данного рассказа мы узнаём о лисе как об обязательном «приложении» к деревьям, этакий домашний демон, вроде бы и с ним не очень, но и без него как-то грустно.

Чжан Цзянь 張簡

Доцент «Академии сынов государства» Тан Чжан Цзянь был из рода Гоу в провинции Хэннань. Когда-то в уездном учебном заведении [он] трактовал «Собрание избранных произведений». [Однажды] дух лисы принял облик Цзяня, протрактовал страницу книги и ушёл. Когда вскоре прибыл Цзянь, его ученики были сбиты с толку и спросили его об этом. Цзянь удивился и сказал: «Предыдущий, должно быть, был лисом».

[Цзянь] закончил читать лекцию и вернулся домой, увидел свою младшую сестру, сидит нитки наматывает и говорит Цзяню: «Еда как раз холодная, почему старший брат пришёл так поздно?» Цзянь сел, но, после

долгого ожидания, еды все еще не было. Тогда [он] отругал сестру. Сестра сказала: «Я не видела, как брат приехал, должно быть это лиса. Еще раз увижу – убью!»

Он опять вернулся на следующий день, увидел его младшая сестра сидит нитки наматывает и говорит Цзяню: «Бес только что вышел за дом». Цзянь взял дубину. Увидел свою настоящую сестру, выходящую из туалета, и напал на неё. Его сестра закричала: «Это я!» Цзянь не поверил ей и забил ее до смерти. Хотел обратиться к той сестре, что шелковые нитки наматывала, а она обернулась лисой и сбежала.

[из сборника «Чаоэ цяньцзай»]

Как мы видим на примере большинства рассказов из этого цзюаня в древние времена лисы были куда больше предрасположены к ничем не мотивированной жестокости в отношении людей, и только позднее они начнут становиться обольстительницами или же друзьями для людей. Тем не менее некоторая «продуманность» лисьих шагов уже говорит о ее более высоком ранге среди рыжих бесов.

Соблюдение монашеских правил 僧服禮

Во времена периода Юнхуэй. В Тайюане был человек сам себя называвший Майтреей. И приходившие к нему видели, что его фигура достигает неба. Долго так продолжалось, а со временем [он] стал уменьшаться. [Ростом стал] всего пять или шесть чи. Тело [его] подобало красному лотосу среди листьев. Он людям говорил: «Вы знаете, что у Будды три тела? Самое большое из них – настоящее». Весь город поклонялся ему и уважал. Монахи соблюдали правила поведения, они очень глубоко опирались на внутреннюю доктрину буддизма. Вздыхает. После того как Будда обрёл истинный путь, начинается путь подражания, после пути подражания идет терминальный путь,

а когда постигнут и терминальный путь, то дхармы уже нет. Метод подражания он как раз посередине и как раз длится тысячу лет. Когда учение Будды исчерпается, великая кальпа начнёт свой ущерб. После того, как она придёт в ущерб, Майтрейя покинет Тушиту, спустится в Джвабудвипу. Ныне учение Майтрейи еще не иссякло. Не знаю, почему Майтрейя торопится снизойти. Из-за этого они со всей искренностью стали делать ритуал, словно перед Майтрейей. Вдруг видят, что под ногами старый лис, накрытый цветочным флагом и бунчуком. Все это сделано из ритуальных денег, которые из могил достал. Те, кто осуществляли ритуал, говорят: «Майтрейя, неужто ты такой?» Тогда тот [лис] побежал вниз, погнались за ним, да не догнали.

[из сборника «Гуаньцзи»]

Этот рассказ, без всякого сомнения, является очень интересным и изобилующим буддийскими терминами, отчего в то же время он оказывается весьма сложным для перевода. Речь тут идет о лисе, притворяющемся Майтрейей. Стоит отметить, что подобная сюжетная линия ранее уже встречалась нам в рассказе Юань Мэя «Лиса-бессмертная в течении трех лет выдает себя за Гуань-Инь», где по сюжету лисица, уже прожившая долгую жизнь и перенасытившаяся отношения с людьми не желает больше заниматься таким мелким подбором энергии, и потому она находит новый источник энергии в виде принятия подношений в храме под ликом Гуань-Инь [27, 201-203]. В целом лисы в таких рассказах редко бывают большими вредителями, зачастую они просто паразитируют на подношениях людей и ведут праздную жизнь «божества».

Так как данный текст очень богат на буддийские термины, то нам показалось необходимым разобраться в них поглубже. Главным героем данного рассказа является лис, предстающий перед нами в образе Майтрейи (санскр., кит. Милэфо 弥勒佛), он является и Бодхисаттвой, и Буддой

одновременно, согласно буддийским легендам, обитает на небе Тушита [9, 173]. В буддийской космологии существует множество уровней существования. Валерий Павлович Андросов (1950—2021) в своем словаре «Буддизм» пишет об одиннадцати уровнях существования, среди них как раз и находится Тушита — «царство счастливых небожителей, Будды и Бодхисаттвы пребывают в этом царстве, прежде чем возродиться среди людей, здесь же находится Будда Грядущего мирового периода (Майтрея)» [9, 152-153]. Таким образом, становится понятно, что лис притворился не абы кем, а самим Буддой Грядущего, по всей видимости, недавно «сошедшим» на землю.

Также лис упоминает три Тела Будды. Согласно буддизму Махаяны, данная доктрина сводится к теории Трёх Тел Будды, которые воплощают собой три формы проявления природы Будды на разных этапах его существования. В учении Махаяны Будда представлял из себя не просто земного учителя, который постиг нирвану благодаря усердным монашеским практикам, как это виделось в Хинаяне, а того, кто стал Пробужденным (Буддой) «благодаря обретению им некоей вечной и вневременной сущности пробуждения (бодхи)» [9, 29]. Исходя из этого первое тело Будды – Дхармакая представлялось как некое Тело Учения Будды, позднее став уже рассматриваться как сущность всех дхарм, включающая в себя весь опыт и всю реальность, в целом, являясь «буддийским аналогом Абсолюта как природы истинной реальности» [9, 30]. Дхармакая является неким общим абсолютным телом для всех Будд, другие же два, а именно – Самбхогакая и Нирманакая, являются множественными, у каждого Будды оно своё. Второе Тело – Тело наслаждения является результатом «неисчислимых заслуг «исторических» Будд, в котором они наслаждаются блаженством нирваны» [9, 30], к тому же именно в этом Теле Будда коммуницирует с бодхисаттвами и йогинами, которые уже достигли необходимого уровня раскрытия сознания, дабы их можно было наставлять на путь истинный. Третье же Тело Будды – это Превращенное тело, некое связующее звено между миром высшим и

людьми, именно это Тело является для проповеди Дхармы людям, очень часто оно представлено в виде бхикшу – странствующих монахов. Помимо трёх Тел Будды в тексте также упоминается три пути буддизма. Первый путь – «истинный» (正法, санскр. sad-dharma), второй путь – «подражательный» (像法, санскр. sad-dharma-pratirūpa), третий – «терминальный» (末法, санскр. sad-dharma-vipralopa). Эти три пути отражают эволюцию Буддизма от истинного первоначального, переходящего в подражательный и завершающийся терминальным, который, в последствии приводит к распаду учения.

Именно об этом речь идет и в самом тексте: когда учение Будды исчерпает себя, то великая калпа, представляющая собой «мировой период» [9, 80] начнёт свой путь к разрушению, этакому концу света. Именно тогда, когда нынешнему мировому периоду настанет конец, из Тушиты на Джабудвипу спустится Майтрейя, который в представленном рассказе, на удивление, уже спустился сюда, хотя вроде бы конец всех концов еще не настал. Джабудвипа в свою очередь представляет из себя, согласно буддийской космологии, мир людей, являющийся одним из четырёх материков в мировом океане [9, 210].

А что же во всей этой истории лис? Его находят спящим под «цветочным флагом и бунчуком³⁰», сделанными из могильных денег, что ещё раз отсылает нас к извечному сюжету лисиц, являющихся частыми обитателями могил, ведь именно там он и мог раздобыть все эти «богатства». К сожалению, данный текст не даёт большого количества дополнительной интересной информации о лисах-оборотнях, но тем не менее также ценен в процессе познания этих трикстеров.

³⁰ Бунчук представлял из себя древко, привязанным к нему хвостом коня или яка, он служил символом власти в XV – XVIII веках.

Шангуань И 上官翼

В период Линде династии Тан Шангуань И был военачальником в Цзянчжоу. [У него] был сын двадцати лет, однажды на рассвете он стоял один за воротами. Мимо ворот прошла девушка лет 13-14, бесподобной красоты. Сын был очень этим обрадован и тут же стал заигрывать с ней и искать с ней интиму. Потому спросил, где она живет, [так как] планировал ее навестить. Девушка отвечала: «В семье у меня беды, ты сын помощника начальника округа, не хочу, чтобы об этом люди узнали. Но коли так случилось, что у тебя есть подлинное чувство, [то] когда будет возможность, [я] сама приду». Сын пригласил и с утра до вечера [ждал]. Вначале девушка решительно отказалась, сын Шангуань И хотел ее удержать, потом постепенно она согласилась. После сумерек он остался и бродил, ждал ее.

В результате приходила она к нему каждую ночь. Через несколько дней, когда старая служанка подглядела сквозь окно, стало ясно, что это оборотень. Уведомила И, [он] сделал все возможное, чтобы запретить это, но ничего не смог ограничить. Оборотень приходил все чаще и круглые сутки не уходил. Каждый раз, когда сын ел, оборотень непременно отбирал пиалу, этот оборотень наедался, а сын не получал еды. И часто сам готовил еды и приносил ее своему сыну. Только принесёт, а оборотень уже ее заграбастал. И был достаточно умён, поэтому тайно размельчил яд. Тогда была поздняя осень, масленичная конопля только созрела. И приказал сварить две пиалы и в одну положить яд. Сперва подать хорошую еду, чтобы поела жена, когда она закончит, подать сыну, оборотень первым ее схватит.

Во второй раз подмешанный яд дали сыну, оборотень снова отобрал. Подавали несколько раз, вдруг [оборотень] превратился в старую лису и упал ничком. Его схватили и приказали сжечь – все семья праздновала.

В тот день после сумерек издалека разнесся звук плача, звук постепенно приближался, [какие-то люди (?)] вошли в конец зала, причитали, горько плакали, били себя в грудь, горестно голосили. Среди них был старец, плача

сказал: «Вот так замучили старую лису. Почему ради горла без разбора вины убили тело?»

Дней десять все время к нему [И] приходили домой, постоянно и повсюду видел людей в траурных одеждах и очень беспокоился. Впоследствии их становилось все меньше, в конце концов приходиться перестали и вреда не причинили.

[из сборника «Гуаньцзи»]

Очень интересный и вполне себе классический рассказ предстаёт перед нами под названием «Шангуань И». Дело происходит в Цзянчжоу (絳州)³¹, где молодой человек, сын заглавного героя, встречает девушку, которая оказывается классической лисой-соблазнительницей. Она поселяется у молодого человека и начинает паразитировать на нем, правда, в данном случае лиса предпочитает питаться не его энергией, а отбирает у молодого человека самую обычную еду, эдакая гурманка. С нашей точки зрения, это на самом деле также может считаться своеобразным «забором энергии», ведь без пищи молодой человек начинает постепенно угасать, что, впоследствии приведёт к его смерти, хоть это и не всегда является самоцелью рыжих плутовок, так как нередко они любят просто жить за счёт энергии объектов их оболщания, но зачастую из-за их невозможности контролировать своё «потребление энергии», они сводят людей с ума и доводят до смерти.

Монах Да Ань 大安和尚

Во времена правления У Цзетянь в династию Тан жила женщина, которая называла себя Святой Бодхисаттвой. Где находятся человеческие мысли, женщина всегда знала. Вдовствующая императрица вызвала ее ко

³¹ Ныне уезд Синьцзян (新絳县), известный в древности как Цзянчжоу, расположен в юго-западной части провинции Шаньси (山西).

двору. Все, что она говорила до и после сбылось. Во дворце ей почтительно служили. Спустя несколько месяцев, стали говорить, что она – истинная бодхисаттва.

Затем во дворец пришёл монах Да Ань. Вдовствующая императрица спросила его, видел ли он женщину-бодхисаттву. Ань сказал: «Где бодхисаттва? Хотел бы ее увидеть разок. Величайшим повелением было решено встретиться.

Монах [держался] отстранённо, а позже сказал: «Ты хорошо читаешь мысли, попробуй увидеть, где сейчас мои мысли». Отвечала: «Ваши, учитель, мысли кружатся среди колоколов наверху пагоды». Вновь решил допытаться. Сказала: «Слушают дхарму в храме в царстве Тушита во дворце Майтреи». Спросил в третий раз. «На особом буддийском небе в одном из миров³²». Все так и сказала. Вдовствующая императрица была в восторге. Поэтому Да Ань поместил свои мысли в страну четырёх Святых Архатов. Потому она не смогла догадаться. Да Ань посмеялся над ней: «Когда моя душа была в стране Архатов, [то вот тут-то] ты уже и не узнала. Ежели поместил в место, где находятся все Будды и бодхисаттвы. Откуда же тебе знать?» Ее слова были исчерпаны. Обратилась лисицей-сестрицей, сбежала по лестнице и убежала. Никто не знал, куда пошла.

[из сборника «Гуаньи цзи»]

Тут мы в очередной раз встречаемся с лисицей, выдающей себя за божественное существо, но в данной новелле, ко всему прочему, отчасти отражается содержание первого текста, где лисица «знает все, что происходит за тысячу ли». Казалось бы, все да не все: именно это мы можем почерпнуть из данного рассказа. Заглавный герой рассказа решает проверить «на

³² Речь идет о санскритском термине *naiva-saṃjñā-nāsaṃjñāyatana* — это не двойственный мир, где ничего не существует и ничего не «не существует» одновременно.

вшивость» и спрашивает у нее, где же находятся его мысли. Три раза из четырех лисице удается увидеть, в то время как в четвертый он помещает свои мысли в страну четырех Святых Архатов, куда лиса, не являясь Буддой или бодхисаттвой просто не могла иметь доступа. Но в этом рассказе, точно также, как и в предыдущем лиса в результате просто сбегает.

ГЛАВА 5. ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ 448 ЦЗЮАНЯ С КОММЕНТАРИЯМИ

Ли Сяншэн 李項生

В начале правления Чуйгун династии Тан, названный сын Ли Чуньи – гогуна Цяо – Сяншэн заболел. Его жена и дочь ухаживали за больным. Вдруг из Сяншэна вылезла лиса и тотчас же исчезла. Спустя несколько дней Сян Шэн умер.

[из сборника «Усин цзи»]

Действие рассказа происходит в период Чуйгун (垂拱), именно под этим девизом правления восседал на престоле танский император Жуй-цзун (睿宗, 662—716), но на самом деле фактически управляла страной в тот период его мать, У Цзэтянь (武則天, 624—705) [37, 100]. В данном рассказе, как и в подавляющем большинстве других, главными героями становятся знатные персоны или же их родственники, что, с одной стороны, делает изучение историй о необычайном, происходивших с простым народом более затруднительным, но в то же время, с другой стороны, это придает рассказам большую фактологическую точность, благодаря которой, располагая необходимыми архивами, можно более точно восстановить место и время действия. Например, в данном рассказе речь идет о Ли Сяншэне (李項生) – сыне гогуна Цяо (譙)³³ Ли Чуньи (李崇義), императорский родственник, живший во времена династии Тан 唐 (618—907) [52]. Именно отсюда и берет начало его титул гогун (國公), ведь он давался наследникам сыванов (嗣王) и цзюньванов (郡王), которые, в свою очередь, являлись наследниками братьев и сыновей императора [19, 108]. Несмотря на то, что информацию о Ли Чуньи

³³ 譙县, уезд на территории нынешней провинции Аньхой (安徽).

находится весьма легко, имя его названного сына – Ли Сяншэна фигурирует уже только в сборнике «Тайпин гуанцзи», что сильно усложняет дальнейший поиск информации.

Лисиц, подобных героине данного рассказа, хоть и много в китайских рассказах, но доселе в 447 цзюане они нам не встречались. Лисица-хворь, ее тяжело отнести, как к лисе-шутнице, которая совершает дурные поступки «из собственной, ничем не спровоцированной злонамеренности» [11, 58], так и к лисе-карателю, жизненным призванием которой всегда являлось отмщение главным героям за совершенные ими грехи или же причиненные лисьему роду беды. Данный тип лисы, подобно чуме, сваливает человека в постель и медленно убивает его, вполне возможно, даже не показываясь своей жертве на глаза.

Ван Ифан 王義方

Придворный историограф эпохи Тан Ван Ифан был понижен с должности военного советника Лайчжоу, будучи отстраненным от должности, возвратился в Вэйчжоу, чтобы преподавать. В то время крестьянин Го Увэй был весьма сведущ в магии, научил Ифана заклинать диких лис. Ифан хоть и смог вызывать, но не смог подчинить, толпа лисиц одна за другой приходили его мучить. Каждая кидала черепичку в Ифана. Когда читал вслух, тотчас внезапный удар разрывал его книгу. В воздухе раздался голос: «Какими ты обладаешь магическими свойствами, что захотел заставить меня прийти сюда?» Ифан в конце концов не смог остановить [лисиц]. Вскоре и скончался.

[из сборника «Чаоэ цяньцзай»]

В данном рассказе заглавным героем вновь является реально существовавший министр и педагог династии Тан – Ван Ифан (王義方, 615—

669), именно он положил начало школьному образованию на Хайнане (海南)³⁴ [49]. Вернувшись из Лайчжоу (莱州) в Вэйчжоу (魏州), Ван Ифан встречает крестьянина Го Увэя (郭無為), который, в свою очередь, не имеет задокументированного в истории прототипа. Будучи сведущ в магии, этот крестьянин учит заглавного героя управлять лисами, что у второго не особо то получается. В целом странным является тот факт, что простолюдин умеет повелевать такими сильными существами, как лисы-оборотни. В данном рассказе мы наглядно видим иллюстрацию к выражению «не зная броду, не суйся в воду», а если быть точнее «не будучи даосом, не суйся к лисам». Как показывает опыт многих рассказов о лисьих духах, нередко даже даосы не могут справиться с этими коварными существами, что уж тут говорить о Ван Ифане, который зачем-то решил повелевать ими. Лисиц из данного рассказа можно без сомнения отнести к лисам-карателям, ведь они мстят заглавному герою за то, что тот осмелился их побеспокоить. Так он и умирает, забитый до смерти черепичками озлобленных лисиц, в то время как, причина смерти Ван Ифана в реальной жизни не была задокументирована.

Хэ Жанчжи 何讓之

В период Шэньлун династии Тан Хэ Жанчжи из Луцзяна³⁵ отправился в Лоян. Настал праздник Шансы, собирался взойти к храму Лао Цзы, посмотреть на вышедших полюбоваться на весенние пейзажи служилое сословие. Более чем в двухстах шагах к северо-востоку от храма находятся три или четыре больших холма, называвшиеся гробницами династии Поздняя Хань. Об этом было написано в поэме «Семь печалей» Чжан Мэнъяна: «Преподношу [эти] строфы, издалека смотрим друг на друга, ароматно благоухают превосходные равнины и холмы». Равнины и холмы это и есть Гуанулин.

³⁴ Остров и самая южная провинция Китая.

³⁵ 廬江, уезд городского округа Хэфэй (合肥) провинции Аньхой (安徽).

Росли три–четыре чахлых кипариса, а под ними громоздились камни, на них несколько десятков человек влезли бы посидеть. Увидел старца, облик его необыкновенный. Брови и волосы на висках белые, заметный цунский головной платок, короткая одежда и брюки, тюрбан из тонкого черного шелка, обхватив колени смотрел на юг, читал на распев: «Дикие поля, обросли колючим кустарником по весне, в женских покоях обновились роскошные новые шелка. Появляется и снова исчезают новолуния, жизнь и смерть перед глазами проносятся. Желая узнать, где мой дом, горы Бэйман³⁶ сосны и кипарисы мои подлинные соседи». Вдруг появились высшие чины на украшенных золотом и нефритом экипажах и паланкинах. Несколько десятков прекрасных, словно цветы, служанок, вместе веселятся и выходят из ворот Хуэйань, прибывают в постоянный двор Юйлиня. Вновь покосился на средний мост с севера на юг, ветви плакучей ивы дотягиваются до Млечного пути, пышное ясное цветение в императорском саду. В запретном квартале повсюду душистые запахи. Хэ Жанчжи вздыхал в восхищении и отдыхал душой, прогуливался один по пустынным улицам, увидел вновь впереди идущего старика – нечисть, что декламировал стихи, старик вдруг опять продекламировал: «В Лояне много девушек, почему беспомощные одинокие старики увядают?» Хэ Жанчжи хотел податься вперед, чтобы помочь ему, старик вдруг ускакал в могильник, Жанчжи последовал за ним. Сперва вошел в курган, там было совсем темно, ничего не различишь, старец вернулся в свою прежнюю форму. Затем он увидел, как выскочила лиса с хвостом пламенеющим, словно падающая звезда. Жанчжи выбежал из могильного холма. К востоку от ворот была пустая бамбуковая циновка. Жанчжи увидел письменный стол, а на нем чаша красных чернил, кисть и тушечница и письмо, бумага вся светло-серая, иероглифы невозможно растолковать. Еле различимы краткие примечания. Одно из написанного гласило:

「正色鴻燾，神思化代。

³⁶ Горы в провинции Хэнань (河南).

穹施後承，光負玄設。
嘔淪吐崩，垠倪散截。
迷腸郗曲，霽零霾暄。
雀燬龜冰，健馳御屈。
拿尾研動，袿袿晰晰。
□用秘功，以嶺以穴。
柁薪伐藥，莽櫟萬茁。
嘔律則祥，佛倫惟薩。
牡虛無有，頤咽蕊屑。
肇素未來，晦明興滅。」

Второе вот такое:

「五行七曜，成此閏餘。
上帝降靈，歲旦涪徐。
蛇蛻其皮，吾亦神攄。
九九六六，束身天除。
何以充喉，吐納太虛。
何以蔽蹠？霞袂雲裾。
哀爾浮生，櫛比荒墟。
吾復麗氣，還形之初。
在帝左右，道濟忽諸。」

Название гласило: «По велению неба лисица даёт иное толкование Восьмеричному пути». Текст на обороте был особенно сложен и его трудно поместить со всеми подробностями. Жанчжи взял тетрадь и радостно спрятал ее за пазуху, и вприпрыжку вышел из могильника. Через несколько дней монах Чжицзин из храма Гундэ на северном берегу реки приехал навестить Хэ Жанчжи. Сказал: «Документы, что Вы нашли в могильнике – не те, и оставлять их - сулит несчастьем. Те люди [написавшие эти тексты] близко подошли к

науке верхнего мира и это может много бед принести Китаю. Вы, господин, непременно можете вернуть это, тогда он отблагодарит Вас». Этот человек сказал Чжицзину: «Я приготовил триста шелков, чтобы выкупить эту книгу. Как насчет этого?» Хэ Жанчжи согласился. На следующий день Чжицзин принес Хэ Жанчжи 300 кусков шелка. Получив деньги Жанчжи, сказал тут же Чжицзину, что его книгу кто-то взял взаймы и нужно еще пару дней обождать, тогда можно и вернуть будет. Жанчжи вновь обратился к другу: «Этот монах тоже нечистая сила, как же тогда быть с тем, что он хочет, чтобы я вернул [книгу]? Не признавайте шелк, что он вам принес». Когда Чжицзин пришел, Жанчжи не признал, что знает, о чем тот говорит: «Не знаю о чем ты и книги у меня никакой нет». Чжицзин ушел, ничего не сказав. Больше месяца спустя, в один прекрасный день, пришел младший брат Хэ Жанчжи из Восточного У, были разлучены они больше года. Говорил он с ним о делах семейных внешних и внутренних, речи его были разумны. Ночью братья спали бок о бок вместе. Дней через пять-шесть младший брат вдруг спросил Хэ Жанчжи: «Некогда слышал я, что в этих местах много лисиц бесодействует, так ли это?» Хэ Жанчжи рассказывал об этом случае хвастливо: «Месяц назад я добыл дикой лисы письмена, и оно сейчас со мной». Младший брат ему не поверил, разве ж может такое приключиться? Жанчжи дождался заката дня, открыл коробку, достал эти письмена и показал младшему брату. Младший брат взял их в руки и охнул. Тут же бросил их перед Жанчжи и обратился лисой. Неожиданно показался прекрасный юноша, выглядел как молодой чиновник, сидя на белой лошади, стремительно мчался на юг. Там как раз кстати оказался хусэн Западного края и поздравил его: «Видно, что вечно будешь в окружении небесного!» Молодой человек пожаловался, Жанчжи обманул его, Жанчжи поразился. Вскоре его арестовали, потому что из казны украдено было 300 кусков шелка. Тут же появился чиновник и схватил сумку Жанчжи. И нашел там несколько десятков кусков шелковой ткани. Схватил Жанчжи и обвинили его по закону. Жанчжи не смог оправдаться и упал замертво, как ссохшееся дерево.

[из сборника «Цяньцюань цзы»]

Рассказы 448 и 449 цзюаней «Тайпин гуанцзи» не могут не радовать нас куда большей распространенностью и описательностью, нежели их предшественники из 447 цзюня. В представленном перед нами рассказе Хэ Жанчжи нам удастся повстречать, вполне возможно, даже не одну лису, впутаную в непростые сюжетные перепетьи.

Действие этого рассказа происходит в период Шэньлун (神龍, 705—707) в Лояне (洛陽), формально это является 14 годом правления У Цзэтянь (武则天), но в тот момент сама императрица уже была больна, а в Поднебесной происходил государственный переворот, в результате которого власть перешла ее сыну – Ли Сяню (李顯). Наш заглавный герой, Хэ Жанчжи в день праздника Шансы, который также именуется праздник Двойной тройки, отмечаемый в 3 день 3 месяца по лунному календарю³⁷, совершает восхождение к храму Лао Цзы (老君), одного из самых загадочных китайских философов, мифологизированного и обожествленного основоположника даосизма [5, 221-225].

Как и во многих рассказах о лисах-оборотнях и сверхъестественном, дело не обходится без древних захоронений и гробниц: с высоты горы Лаоцзюнь (老君山)³⁸ нашему герою открывается вид на гробницы династии поздняя Хань 後漢[...]陵³⁹. Далее приводится цитата стихотворных строк из собрания «Две поэмы семи печалей» 《七哀詩二首》, которые были написаны Чжан Цзаем (張載, III—IV в) – писателем династии Западная Цинь (西晉, 266

³⁷ В этот день принято гулять вдоль реки и проводить ритуальные омовения, считается также, что именно в этот день родился мифический Император Хуан-Ди (黃帝) [29].

³⁸ Гора, расположенная в городе Лоян (洛陽), провинция Хэнань (河南).

³⁹ Стоит отдельно обратить внимание, что, конечно же, речь идет о периоде поздняя Хань (後漢), являющийся частью истории империи Хань и относящимся к ее второму периоду с 25 по 220 год, также носившая название Восточной Хань (東漢).

— 316), второе имя которого было как раз таки Мэнъян (孟陽), упоминаемое в тексте. Именно он в своих произведениях на примере постепенного обветшания гробниц императоров империи Хань повествовал о непостоянстве расцвета и необратимости ухода, который ждет каждого из нас [39, 415-417]. О каких же именно гробницах поздней Хань может идти речь в данном отрезке? Ответ на данный вопрос мы находим буквально в следующей строчке: «Равнины и холмы – это и есть Гуанулин (光武陵)». Тут уже становится понятно, что, упоминаемые выше гробницы династии Поздняя Хань – это могильный комплекс Хань Гуанулин (漢光武陵), расположенный на юго-западе деревушки Тесе (铁谢)⁴⁰, представляющий из себя захоронение императора-основателя династии Восточная Хань (東漢, 25—220) – Лю Сю (劉秀, 5—57). Также интересным будет отметить, что в полной версии поэмы Чжан Цзай повествует о том, что «из лисьих и кроличьих нор больше не гонят нечисть»⁴¹. Засилье нечисти, как и появление лисиц-оборотней, несомненно, сулит беду и, наверняка, кончину государства, именно этот смысл и вкладывал автор в данные строки. Похожий исход мы уже видели в рассказе из 447 цзюаня «Последний Император Северной Ци».

Наконец, сквозь кипу исторических фактов и описаний природных ландшафтов к нам пробирается здешний лис и, естественно, как и во многих других рассказах, заглавный герой не сразу узнает, кого именно он повстречал на своем пути. Лис из данного рассказа предстает перед читателем в образе старца, на распев декламирующего стихи. В тексте подчеркивается, что вид у него был необыкновенный, на голове его повязан был цунский платок. Нельзя не отметить, что Хэ Жанчжи повстречал этого старика на кургане времен поздней Хань и в представлении данного персонажа нам встречается иероглиф цун (賚), указывающий на его принадлежность к племенам инородцев, проживавших во времена эпох Цинь и Хань на территории нынешних

⁴⁰ Гора в уезде Мэнцзинь (孟津), Лоян (洛陽) в провинции Хэнань (河南).

⁴¹ 狐兔窟其中，蕪穢不復掃。

провинций Хунань (湖南) и Сычуань (四川). Такая информация вполне может указывать на его принадлежность к потустороннему или некую «отсталость от жизни», ведь действие происходит спустя практически 500 лет после существования последней из этих империй. Сюжет с нечистью, не вписывающейся во временные рамки того или иного рассказа, отнюдь не нов и именно этот факт, зачастую, раскрывает настоящую личность этих существ. Похожий сюжетный поворот мы можем наблюдать в рассказе «Монах Да Ань», относящемся к 447 цзюаню. Там лисица, притворявшаяся бодхисаттвой, выдает свое истинное происхождение, не сумев отправиться за мыслями монаха в страну четырех Святых Архатов. Впрочем, без проведения глубоких исторических и культурных отсылок уже вскоре в тексте напрямую упоминается, что старик не так прост, как могло бы показаться на первый взгляд: автор рассказа уже буквально через пару строк называет его никем иным как «нечистью» (非人). Именно с этого момента начинается в рассказе и вся чертовщина. Как и многие лисы из рассказов, встречавшихся нам до «Хэ Жанчжи» и после, этот лис-старец также проживает в могильном кургане. Тут в первый раз видим мы описание лиса «с хвостом пламенеющим, словно падающая звезда», невольно напрашивается параллель с лисом из рассказа «Чэнь Фэй», там мы также впервые лицезрим непривычную форму лисьего духа, который то принимает форму алой шаровой молнии, то словно кусочек шелка вишневого цвета проносится он по комнате. Несомненно, общей чертой этих трикстеров является то, что описательные конструкции, используемые для их появлений всепременно связаны с огнем или оттенками красного, что, должно быть, навеяно исконным рыжим цветом лисиц. В данном эпизоде лис-старец пропадает из рассказа. Нельзя сказать, что его образ типичен для данного типажа, так как зачастую, в более поздних рассказах, лис-старец играет роль наставника и учителя, здесь же он появляется в весьма эпизодической роли.

В кургане Хэ Жанчжи находит письма, строчки, написанные с двух сторон бумаги напрямую связаны с отрывками, которые ранее декламировал лис-старец. При попытках отыскать эти строки в других источниках нами было обнаружено, что в китайской сети интернет данное произведение фигурирует везде под названием «Элегия старика Юаньлина» или же «Элегия старика холмов и равнин» (原陵老翁吟) под авторством самого Юаньлина (原陵老翁), коим, можно предположить, является сам лис. Данное поэтическое произведение в других источниках также относят к танской эпохе и, судя по всему, нигде, кроме сборников «Цяньцюань цзы» и «Тайпин гуанцзи», оно не встречается. Интересно, что название поэмы, встречающейся в других источниках, – «Элегия старика Юаньлина», в то время как в нашем тексте указано, что именовалось оно совсем иначе, а именно: «По велению неба лисица даёт иное толкование Восьмеричному пути». Художественный перевод и понимание данной элегии, без всякого сомнения, заслуживает отдельной исследовательской работы, но заглавие, представленное в тексте, позволяет нам предполагать, что в стихотворной форме старик Юаньлин, являющийся, скорее всего, нашим лисом-старцем, истолковывает на свой манер понимание Восьмеричного пути. Восьмеричный путь (八正道, санскр. арья-аштанга-марга; пали арья-аштанга-магга) [13, 134] – это одна из доктрин буддизма, включающая в себя три основных компонента «культуру поведения (правильные мысль, слово, действие), культуру медитации (правильное осознание и концентрация) и культуру мудрости (правильные взгляды)» [16, 228 – 229], именно этот путь должен привести людей к прекращению страдания и освобождению от круговорота рождения и смерти, называемого сансарой [17, 9]. Таким образом, мы видим, что лисы более высокого уровня, к каким, без всякого сомнения, можно отнести архетип лиса-старца, куда более склонны к философским размышлениям, из чего, наверняка, впоследствии и следует их роль наставников и учителей для главных героев других произведений.

Другими немаловажными персонажами в данном рассказе являются монах Чжицзин из храма Тундэ (同德)⁴² и младший брат Хэ Жанчжи, родом из Восточного У (東吳). Тут стоит задаться вопросом: либо брат был на самом деле намного старше, а не младше и родом он был из династии Восточная У, существовавшей с 222 по 280 года нашей эры, что, конечно, вполне было бы объяснимо его лисьим происхождением, либо же речь тут идет о городе Сучжоу (苏州), находящемся в провинции Цзянсу (江苏), так как именно Дуну (東吳) было одним из его старых названий [50]. Монах, пытаясь заполучить письма, которыми незаконно завладел Хэ Жанчжи, забрав их из могильного кургана, предлагает тому сделку, но, так как Жанчжи прознал, что монах тот тоже был нечистой силой, он отказывается ему в обмене писем на шелка. Тогда, по удивительному стечению обстоятельств, на следующий же день объявляется младший брат Хэ Жанчжи. От Сучжоу до Лояна пешком идти порядка восьми дней, на попутных переправах в виде колесниц выйдет немногим быстрее, так что появление братца так невзначай могло бы насторожить Хэ Жанчжи, особенно если учесть, что тот сразу начал расспрашивать про дикую лисицу, обитающую в этих краях. Но Хэ Жанчжи, не будучи человеком суеверным и осторожным, в первую же ночь показывает письма лису, притворившемуся его братом. Тут же перед нами предстает прекрасный молодой чиновник на белом коне, он обвиняет Хэ Жанчжи в краже трехсот кусков шелка из казны, которые, словно по мановению волшебной палочки, оказались в сумке у Жанчжи, из-за чего он был обвинен в краже и впоследствии скоропостижно скончался, даже не отбыв своего наказания.

Лисы в данном рассказе, несомненно, предстают в нескольких своих ипостасях. Тут мы встречаем и классический трюк с переодеванием в знакомого главного героя и лиса-мужчину, который обычно не имеет свойства

⁴² Упоминания храма с таким названием нам удалось найти только в стихотворении танского поэта Вэй Инью (韦应物, 737 – 792) «Павилион храма Тундэ» (同德寺阁集眺).

вредить заглавному персонажу, но, тем не менее, для Хэ Жанчжи заканчивается эта история весьма плачевно. Этот факт позволяет нам полагать, что наш заглавный герой имеет дело с лисом-старцем и его подмастерьем, которые, возможно, не по своей воле, оказываются в позиции лиса-карателя, который издевается над персонажем или и вовсе убивает главного героя во имя отмщения за причиненный лисьему роду вред, коим в рассказе «Хэ Жанчжи» является кража, принадлежащих им писем.

Шэнь Дунмэй 沈東美

Живший во времена Тан Шэнь Дунмэй был юаньвайланом. В семье была служанка, умерла она много лет назад. Но внезапно вернулась домой и говорит: «Я умерла, стала духом, ныне вспомнила хозяйку и хозяина, потому пришла встретиться, но я голодна, пожалуйста, нельзя ли попить тут у вас?» Потому пригласили ее есть, как прежде приготовил пищу. Служанка досыта наелась и напилась, и ушла. После захода солнца, прислужник рылся под копной сена, и вдруг нашел мертвецки пьяную лису. Как вдруг лиса проблевалась, вся пища та была, что девушка съела и тут же убил ее.

[из сборника «Цзивэнь»]

Вполне безобидная, но плохо закончившая лисица встречается заглавному герою рассказа юаньвайлану (員外郎)⁴³ Шэнь Дунмэйю (沈東美), который является реально существовавшей личностью, однако информации о нем очень мало. Лисица, явившаяся в виде духа его бывшей служанки, решила потрапезничать в доме бывших хозяев покойницы, правда, ничем хорошим это для нее не заканчивается, то ли алкоголь, то ли стресс от встречи с прислужником сыграли с ней злую шутку, и вся съеденная еда вышла наружу, тем самым выдав лисицу. Данного трикстера нельзя наверняка отнести к той

⁴³ Сверхштатный помощник чиновника.

или иной категории лис, так как эпизод, представленный в рассказе, слишком короткий для собрания цельного образа.

Ян Бочэн 楊伯成

Ян Бочэн в начале периода Кайюань был помощником начальника уезда Чанъань. Однажды пришёл человек, представился он У Наньхэ. Бочэн увидел [его], лет тридцать с небольшим, ростом он был семь чи, вид роскошный. Пригласил его подняться и сесть, Наньхэ был неповторимым по своей изысканности и культурности, беседовал без усталости. По прошествии долгого времени, попросил слуг уйти, хотел посеCRETничать. Тогда сказал: «Слышал, что дочка господина прекрасна, прошу ее руки». Бочэн опешил, говорит Наньхэ: «Дабы ее замуж выдать, нужна сваха. Либо же случайно с ней столкнуться, разве можно такой момент подгадать?» Наньхэ сильно разозлился, накричал на Бочэна как на раба: «Я выбрал твою дочь, как ты смеешь перечить?» Начали браниться, Бочэн был в недоумении. Наньхэ разделся и пошёл во внутренние покои, дошёл до женских покоев и там сел среди бумажных загородкой. По прошествии долгого времени, вдвоём вместе с девушкой вышли. Девушка сказала, что выйдет замуж в семью У, зачем браниться. Бочэн знал, что это лиса-оборотень, приказал родственникам бить его больше 10 раз, а с ними со всеми разделались и всех вбили в грязь по уши. Бочэн потому попросил передохнуть дней на 20. Спрашивали, почему Ян Бочэна не видно? Все говорили, что его семья лисицу разгневала. Призвал даоса Е который был магом в десяти поколениях прийти к нему домой. Бочэну было стыдно [за произошедшее]. И ему был пожалован отпуск, вся семья вернулась в деревню. Все, кто бранили лиса в деревне, их всех приструнили. Потому не осмеливались ни слова произнести. Бочэну делать было нечего, сам пошел в поле, смотрел на людей, собирающих пшеницу, отдыхающих под деревьями. Как вдруг перед ним возник даос, видом совсем худой и

изнеможенный, у Бочэна попросил кислый солодовый напиток⁴⁴. Бочэн ему приготовил еды. После еды даос спросил: «Почему тебе грустно?» Бочэн остерегался Наньхэ, на ухо ему прошептал [даосу]. Даос рассмеявшись сказал: «Я небожитель, по приказу Всевышнего императора должен выследить четыре-пять подобных [ему] особей». Потому он попросил бумагу и ручку. Ян Бочэн приказал молодому слуге принести. Однако испугался своего предчувствия, негромко приказал. Получив перо и бумагу, даос написал три иероглифа, подобных древним чжуаням⁴⁵. Приказал молодому слуге отнести это Наньхэ и сказать ему: «Уважаемый наставник зовёт вас». Когда слуга вошёл в комнату, увидел Наньхэ, который забавлялся с девушкой. Наньхэ увидел записку и на четвереньках пополз к дереву. Даос воскликнул: «Старый дикий лис не боится принимать человеческий облик!» После чего превратился в дефективно-шелудивую лису. Даос сказал: «Небесная канцелярия послала меня по душу этой твари, нельзя его убить. Однако из-за Вас, господин, не могу в точности исполнить [их приказ]». Палками избили его до крови, нанеся сто ударов. Бочэн сокровищами расплатился, даос не взял. Погнали лису и за ней следом. Пройдя более ста шагов, он добрался до опушки ивовой рощи, медленно вознесся к небу и через некоторое время образ его исчез. Бочэн был очень счастлив, вся семья его праздновала. Дочь его проснулась спустя недолгое время. Испуганно спросила: «Изначально я была в городе, как я тут оказалась?» Многие люди только тогда узнали, что, когда поработаны лисой они, душа их находится в глубоком сне.

[из сборника «Гуаньши цзи»]

⁴⁴ 漿水, готовится с использованием горчицы, капусты, сельдерея, осота полевого, редьки и соевых бобов. Все это варится на малом огне с небольшим добавлением муки, а затем ферментируется. В результате чего получается бледно-белый кисловатый напиток, в который нередко добавляют сахар для придания кисло-сладкого вкуса, он очень богат питательными веществами и отлично утоляет жажду) [55].

⁴⁵ Так называемые «иероглифы печати», делящиеся на большой и малый чжуань. В широком смысле большим чжуанем называли надписи до династии Цинь (秦朝, 221 до н. э. — 206 до н. э.), в циньскую эпоху (大篆), в свою очередь, после объединения Поднебесной в III веке до н.э. в единую империю, которая повлекла за собой унификацию иероглифики и появления стиля малый чжуань (小篆) [21, 10 – 11].

В рассказе «Ян Бочэн» дело происходит во времена правления танского императора Сюань-цзуна (玄宗, 712–756), а именно в период Кайюань (開元, 713–741). Этот период считается настоящим расцветом Поднебесной, когда она достигла наивысшей точки политической и экономической стабильности, а также культурного развития. Заглавный герой является помощником начальника уезда Чанъань (长安) тогда именовавшийся Цзинчжао (京兆)⁴⁶.

Лис перед нами здесь предстает, что ни на есть роскошный, так же считает и сам заглавный герой. Ростом У Наньхэ, а именно так представился лис, 7 чи, что составляет 2 метра 33 сантиметр, поистине исполинский размер и для современных реалий. Подобная лисья аномалия нам уже ранее встречалась в рассказе «Чжансунь Уцзи», где лисица стала навещать жену заглавного героя, и там рост ее достигал 8 чи, что в пересчете дает нам девушку-красавицу ростом около 2 метров 66 сантиметров. Если эти лисы не хотели выдавать себя людям, то им определенно стоило бы лучше маскироваться.

Если же опустить столь выдающиеся физические черты трикстера именно в этом рассказе, то можно заметить, что и сам сюжет является вполне нетривиальным для таких новелл. В роли лиса-соблазнителя у нас первый раз выступает мужчина, хотя в целом, даже соблазнителем его тут назвать нельзя: он не приходит к девушке в виде наваждения и не питается ее энергией, напротив, У Наньхэ приходит сразу к ее отцу, просить руки. Конечно, методы завоевания сердца девушки у него отличаются особой оригинальностью: угрожая ее отцу, он избивает его, а всех остальных членов семьи приказывает «вбить в грязь по уши», и остается только надеяться, что будущей супруги среди них не оказалось.

⁴⁶ Во времена Тан это был главный округ, который образовался из округа Юн (雍州) в 713 году. Границы его пролегали на севере горного хребта Циньлин (秦岭), являющегося восточным продолжением хребта Куньлунь (昆仑山脉), центром данного региона являлся древний город Чанъань (长安) на месте которого сейчас располагается Сиань (西安). Сам город был разрушен вместе с падением династии Тан.

Как нам известно из предыдущих рассказов энциклопедии «Тайпин гуанцзи», посвященных лисам-оборотням, нет лучшей управы на них, чем опытный маг-даос. Именно с одним из них сводит счастливый случай Ян Бочэна. Даос пишет для Бочэна защитные талисманы, подробнее про которые мы упомянем в комментарии к рассказу «Е Фашань», и приказывает отдать их лису. Видимо, могущество этого даоса столь велико, что лис приползает к тому на коленях и возвращается в свой истинный облик плешивого старого лиса, что явно делает тип лиса-старца все менее и менее однозначным в наших глазах. Даос объясняет, что Небесная канцелярия не разрешает убивать этих существ, но можно избить его палками сто раз. Этот сюжет очень сильно перекликается с уже известным нам сюжетом в рассказе «Чжансунь Уцзи», там даос Цуй также приказывает отхлестать лисицу, так как убить ее нельзя, ведь она служит в Небесной канцелярии. Интересен тот факт, что лисе в «Чжансунь Уцзи» достается лишь пять ударов плетьюми, так как для них один удар равен ста в человеческом обществе, выходит, что на участь бедного У Наньхэ тогда придется десять тысяч ударов в лисьем эквиваленте? Либо же один за сто ударов считается только если он нанесен персиковой ветвью, далее в рассказе из 449 цзюаня «Госпожа Ли» лис-оборотень также посоветует повесить табличку из персикового дерева, дабы семью больше не беспокоила нечисть. В то время как происхождение палок, которыми избит лис в рассказе «Ян Бочэн» не уточняется. Персиковое дерево в Китае широко известно своим сакральным значением: помимо того, что оно является символом бессмертия, персиковому дереву также приписывались свойства охранительной магии [22, 452], способной изгонять нечисть, чем, скорее всего и обусловлено стократное усиление последствий удара от ветвей персикового дерева.

Очень интересная деталь открывается нам в самом конце этого рассказа, когда могущественный даос прогоняет лису и наконец в семействе Ян воцаряется спокойствие и счастье. В широко известном рассказе «Чэнь Сян», где повествуется о лисице А-цзы, одурманившей разум заглавного героя, он

также не контролирует свои действия, полностью отдаваясь во власть лисице, но впоследствии ему не составляет труда вспомнить произошедшие с ним события, в то время как дочь Ян Бочэна словно просыпается от долгого сна и даже не понимает, как оказалась там, где находится. Этот отрывок, несомненно, свидетельствует о способности лис-оборотней при помощи своей магии заставлять своих жертв забывать о происходящих с ними событиях, что является очень интересным фактом, делая этих трикстеров еще более коварными охотниками.

Е Фашань 葉法善

Даос Е Фашань был родом из Коцана. Владел даосской магией, которая помогала изгонять духов. Танский император Чжунцзун ценил его. В начале эпохи Кайюань, служил при дворце, дослужился до титула Великого мастера церемониймейстера⁴⁷ из Приказа придворного этикета с золотой печатью и пурпурной лентой⁴⁸. В то время был начальник из известного рода, который был назначен губернатором одного места на юге реки Янцзы и собирался добраться туда на лодке. Его родственники и друзья устроили банкет у Восточных ворот, чтобы проводить его. Начальник попросил жену, детей и телегу с родственниками подождать его на берегу реки Сюйси⁴⁹. В сумерках начальник подошел к лодке, кушанья были накрыты, но жены его не было. Начальник вернулся домой, чтобы отыскать ее, ему сказали, что она уехала. Начальник испугался и был в недоумении. Он вышел, чтобы расспросить прохожих. Человек сказал: «Доселе, когда я ел, увидел я брахмана, несущего буддийский стяг и цветы из цветного шелка. Вышел [он] за ворота города, с телеги сошли женщины к брахману, в один голос заявили, что они Будды,

⁴⁷ Чиновник третьего ранга, являвшийся в период Тан также «свободным чиновником», не имевшим определенных обязанностей.

⁴⁸ Данная должность (鸿胪卿) обозначала чиновника, что должен был заниматься вопросами приемов при дворе иностранных гостей, а также другими важными ритуалами.

⁴⁹ Также именуемая река Уянь (伍堰) берет свое начало в озере Гучэн (固城湖), что расположено в городе Нанкин (南京), уезда Гаочунь (高淳), провинции Цзянсу (江苏). Эта река является древнейшим искусственным каналом, вырытым в период Весны и Осени (春秋时期, 771 г. до н.э. – 476 г. до н.э.).

потому и идут на север». Начальник сразу же нашел следы телеги и дошел до входа в руины гробницы у горы Бэйман. Была большая могила, увидел, что его колесница и лошади стоят рядом. Его жена и родственники, человек двадцать, вместе с буддийским монахом, молитвенно сложив руки, стояли вокруг кургана, повторяя имя Будды. Начальник окликнул их, все они разозлились. Начальник схватил [жену], она начала его ругать: «Я только вот следовала за святым, и теперь на небесах. Ты, маленький человек, как смеешь ты этому помешать?» Что касается слуг, то было то же самое, они не согласились с ним разговаривать, и они вместе ходили вокруг могилы. Потому начальник попытался схватить хусэна, а тот исчез. Итак, начальник снова связал свою жену и всех женщин, они все кричали. Они всю ночь кричали, не проронили ни слова. На рассвете начальник пошел спросить у учителя Е. Учитель отвечал: «Это небесная лиса. Она познала законы неба, ее можно изгнать, но убить нельзя. Эта лиса непременно явится во время поста⁵⁰, тогда приходи с ней». Начальник сказал: «Да». Учитель Е дал ему амулет, приказал повесить его на двери дома. После того как прикрепил талисман, жена и другие люди очнулись. Сказала начальнику: «Я видела, вчера приходил Будда, вел сонм святых, и всех нас привел на небеса. Там так радостно, что не опишешь словами. Будда, держа в руках цветок, шли мы все вместе, после молились, неожиданно повстречали тебя, я потому ругалась, что не знала, что была под чарами». Во время трапезы, пришел брахман и постучал в дверь, попросил еды. Услышав голос монаха, жена и дамы выбежали за дверь и громко закричали: «Будда снова здесь!» Начальник не смог остановить его. Тогда поймал он хусэна и бил его плетьюми до крови, пока тот не сознался, затем взвалил на плечи и отнес его к учителю Е. По дороге встретил начальника округа Лоян. Монах громко кричал от обиды. Начальник Лояна напротив порицал начальника. Начальник объяснил причину, снова и снова просил увидеть учителя Е. Начальник Лояна не поверил словам, неохотно пошел с ним. Постепенно приближаясь к

⁵⁰ Буддийский термин, обозначающий время от рассвета до полудня, когда надо поститься [60].

монастырю Святой Истины, выражение лица монаха было подавлено, он молчал. Добрались до дверей, [хусэн] попросил о сохранении жизни. Когда он вошел во двор, учитель Е попросил развязать веревку с хусэна, так как тот все еще был монахом. Учитель сказал: «Быстро восстанови свою первоначальную форму!» Оборотень умолял о пощаде. Учитель сказал: «Нет». Оборотень сбросил кэсу⁵¹ на землю и обратился старым лисом. Учитель приказал бить его плетью сто раз. Вернулся в свою рясу и обратился вновь брахманом. Обусловились, что он уйдет на тысячу ли. Хусэн поклонился до земли и ушел, выйдя, упал замертво.

[из сборника «Цзивэнь»]

По уже сложившейся традиции речь в рассказе «Е Фашань» пойдет о даосе Е Фашане (葉法善, 616–722 г), биография которого известна достаточно хорошо. Е Фашань, второе имя Даюань (道元), был весьма известной личностью в истории династии Тан, даос Е Фашань фигурирует не только в представленном в «Тайпин гуанцзи» рассказе, но также и во многих других рассказах о необычайном [53]. Родился он в 616 году в уезде Коцан (括州)⁵². Принадлежал к даосской школе Фулу (符箓派), также известной как Фушуй (符水道教). Практики данной школы были основаны прежде всего на древней практике связи с потусторонним при помощи письменных амулетов/талисманов *фулу* (符箓), которые использовались для отвода беды, излечения болезней и даже избавления от смерти [34, 546–547]. Традиция письменных талисманов весьма широко отображена во многих произведениях, связанных с нечистью и противоборствующими с ней даосами, что, несомненно, дает нам понять, как глубоко практики школы Фулу были вплетены в повседневную жизнь китайцев. Занятие даосизмом в роду Е было

⁵¹ 袈裟, монашеская ряса из разноцветных лоскутов.

⁵² Ныне находится в провинции Чжэцзян (浙江省), уезде Сунъян (松阳县), в древней деревне Маошаньхоу (卯山后村), что в одном километре к востоку от горы Маошань (卯山).

семейным делом на протяжении пяти поколений, потому и сам монах с раннего детства перенял многие даосские практики [41, 95]. Действия рассказа происходят в период правления императора Чжун-цзуна (中宗 654 — 710), умер в Лояне, будучи отравлен своей женой – императрицей Вэй (韦皇后). Чжун-цзун был императором династии Тан, фактически он сумел дважды побывать на троне. Первый раз он взошел на императорский трон в 684 году после смерти своего отца, но быстро столкнулся с амбициями своей матери У Цзэтянь и был свергнут с престола, вернувшись к роли императора лишь в 705 году он правил всего 5 лет. В связи с этим он является 4-ым и 7-ым императором династии Тан. Данный факт его биографии позволяет сильно сузить временной промежуток, в который происходит действие рассказа.

Что же касается лиса-оборотня, который появляется в данном рассказе, он скорее относится к типу лисы, притворяющейся святой или же лис-«псевдосвятых». Подобные архетипы данного трикстера уже встречались нам в рассказах из 447 цзюаня – «Соблюдение монашеских правил» и «Монах Да Ань», где лисы притворились Майтреей и бодхисаттвой соответственно. В рассказе «Е Фашань» лис избирает для себя более скромную роль, притворяясь хусэном.

Этот рассказ, как и оба предыдущих, связанных с «псевдосвятыми» лисами, изобилует буддийской лексикой, которую мы, конечно же, не можем оставить без внимания. В древние времена так принято было называть монахов из западных и северных областей, а также прибывших из других стран [59], но нельзя не отметить, что в контексте нашего рассказа термин хусэн (胡僧), состоящий из двух иероглифов: ху (胡) со значением «чужеземец» и сэн (僧), имеющий значение «буддийский монах», приобретает свой собственный, весьма интересный оттенок. Ведь, как нам известно из работы Чарлза Уильямса «Китайская культура: мифы, герои, символы», именно данным иероглифом ху (胡), в связи с фонетическим созвучием,

заменяли привычный нам иероглиф ху (狐), имеющий значения «лиса», дабы не разгневать лисий дух [24, 261], что дает основание нам сразу полагать о потустороннем происхождении встретившегося главному герою ху-сэна⁵³. В свою очередь горожанин, который видел процессию во главе с хусэном, употребляет другое слово для его описания – брахман (婆羅門)⁵⁴. Упоминается также, что брахман нес в руках своих буддийский стяг и цветы из цветного шелка. Скорее всего тут имеется в виду две из Восьми Благих Эмблем буддизма, также называемых Аштамангала (санскр. Ashtamangala, ashta–восемь, mangala–священный), – данные атрибуты очень часто сопровождают буддистские изображения и процессии. В данном случае упоминаемый «цветочный флаг» (幡花), скорее всего представляет из себя сочетание двух атрибутов – цветков лотоса (санскр. padma) и знамени победы (санскр. dhvaja) [58]. Цветок лотоса, воплощенный в нашем рассказе из шелковых лент, символизирует собой чистоту и отречение, он находится выше всего мирского, ведь, несмотря на то что корни его уходят глубоко в водные глубины, сам цветок лежит на поверхности воды, прекрасный, словно произрастает он из небес, а не смеси ила и грязи [28, 197]. В то время как знамя победы, исконно являясь воинственным символом в буддизме, также символизирует победу Будды над четырьмя марами (санскр. māra, «смерть, разрушение» кит. упр. 魔罗), а именно «марой смерти, марой беспокоящих эмоций и состояний ума, марой совокупных факторов познания и Марой – сыном богов» [45] – именно они олицетворяли собой препятствия на пути просветления Будды) [28, 198–199]. Помимо того, что лис, встречающийся в этом рассказе, притворяется святым, он также, по заверению учителя Е, является небесным лисом, познавшим законы неба, а значит, в теории и на опыте предыдущих рассказов,

⁵³ Использовано авторское написание, дабы выделить двоякость слога «ху» в данном контексте.

⁵⁴ Брахманами называли членов одной из высших сословных групп (варн) индуистского общества, относившийся к жрецам, они занимались обучением людей, а также различными церемониями и жертвоприношениями [6, 180].

его не должны интересовать мирские развлечения вроде высасывания жизненной энергии из людей.

Когда главный герой приходит вслед за своей женой и родственниками в могильный курган, он видит сцену, в которой они все вместе, во главе с буддийским монахом, повторяют имя Будды. В данном эпизоде мы наблюдаем одну из главных религиозных практик буддистской школы Чистой земли (淨土宗), суть которой заключалась в «помятовании о Будде» *няньфо* (念佛) и тем самым «обретении рождения в Чистой Земле» [23, 204]. Хотя начальник и пытается отловить хусэна, тому удается сбежать, но все присутствовавшие на той церемонии женщины стали сами на себя не похожи, кричали всю ночь и слова вымолвить не могли, – классический пример лисьего наваждения, похожий сюжет встречается в рассказе «Чэнь Сянь». В нем единственное, что мог произносить главный герой – это имя своей лисы-соблазнительницы – А-цзы. Могущественный даос Е Фашань, к которому приходит за советом начальник, дает ему письменный амулет фулу, чтобы он повесил его на дверь дома и тем самым избавил свою семью от лисьего наваждения. В тот же день все женщины в доме очнулись от лисьей магии. Как оказывается, замороженные женщины и вовсе принимали хусэна за Будду, но, когда он явился во второй раз, начальнику удалось связать нечистую силу раньше, чем тот успел кому-нибудь навредить.

При встрече с могущественным даосом Е Фашанем лис предстает перед нами в весьма жалком виде, умоляя сохранить ему жизнь. Его избili сто раз плетью и велели уйти за тысячу ли, но только выйдя из владений Е Фашаня он тут же упал замертво, что, несомненно, выглядит странно, ведь лисы весьма могущественные существа и убить их обычно не так уж и просто, а тут выходит, что он умер от простой порки, которую мы могли не единожды наблюдать во множестве других рассказов.

Люй Цзя 劉甲

В танский период Кайюань, уроженец Пэнчэна Люй Цзя был начальником уезда Хэбэй⁵⁵. В будущем собирался пойти на службу. Проезжая через постоянный гор посреди гор, он остановился там на ночлег. Люди видели, что жена Цзя была очень красива и говорили: «Здесь есть дух, любящий красть красивых замужних женщин. Рано или поздно многих заберет. Следует остерегаться его». Цзя вместе со своими домашними остался, глаз не смыкал всю ночь, все ходил вокруг жены. Снова и снова обмазывал туловище и голову жены мукой. После того как пробила пятая стража⁵⁶, Цзя радостно сказал: «Бесы и божества таковы, [появляются] ночью и все тут. Сейчас скоро уж рассвет, что они могут мне сделать?» Потому он немного вздремнул. В одно мгновение жена его исчезла. Цзя с помощью шелка нанял деревенских жителей, все вместе с дубинами в руках пошли искать следы муки. Сперва выйдя из окна, постепенно вышла за восточную стену, был там один старый курган, а на нем большой тутовник, под ним небольшая норка, а вглубь уходила мучная [дорожка]. Потому раскопал. Где-то через чжан⁵⁷, наткнулся на большое дупло, похожее на комнату, а там старый лис, сидит на ящиках, украшенных нефритом, перед ним два ряда красавиц, человек десять, все ведающие вокальной музыкой. Все украденный из семей женщины. Рядом сотни маленьких лисят, всех убили.

[из сборника «Гуанъи цзи»]

Лис-соблазнитель – похититель женских сердец – это уже известный нам архетип, но что насчет лиса-похитителя? В целом, большинство лис являются похитителями, такова уж их лисья натура: они похищают кур, блестящие вещи и, в нашем китайском случае, жизненную энергию своих возлюбленных. Только вот лис из рассказа Люй Цзя не так прост, как может показаться на

⁵⁵ 河北, провинция на востоке Китая с административным центром в Шицзячжуане (石家莊).

⁵⁶ Время с 3 до 5 часов утра.

⁵⁷ Примерно 3, 33 метра.

первый взгляд: или – он первым в нашем сборнике похищает душу не одной жертвы, а создает себе целый гарем из деревенских девушек, которые вынуждены прозябать вместе с ним в его норе. Помимо прекрасных дев и ящичков с богатствами в его пещере также находят сотни маленьких лисят, что говорит о том, что лисы могут с человеческими женщинами делать потомство и, выходит, они рожают потом лисят. Непонятным остается лишь то, передаются ли им оборотнические способности, но, основываясь на рассказах, где у лис появляется явная семейная иерархия и родственные связи, следует предположить, что способность к обращению передается по наследству.

Следует также отметить весьма оригинальное действие, которым в данном рассказе заглавный герой пытается защитить свою жену от лисьего наваждения – обмазывая ее мукой. В Китае есть обычай, когда люди заподозрят в доме что-то неладное, посыпать пол или же тело предполагаемой жертвы мукой, дабы на ней остались следы лапок, ножен или рожек, хоть чего-нибудь, что сможет указать на присутствие потусторонней силы в доме. Что же касается заглавного героя нашего рассказа, он, возможно, не только воспользовался древним обычаем, но и был весьма смыслёным потому, дабы затем смочь найти свою жену по мучному следу, проделывал эти манипуляции с ее телом.

Цаньцзюнь⁵⁸ Ли 李參軍

Во времена династии Тан цаньцзюнь Ли из Янчжоу⁵⁹ отправился в место, куда его назначили, на ночлег остановился он в постоялом дворе в округе Синьчжэн⁶⁰. Встретил там старика, который читал «Ханьшу»⁶¹. Ли заговорил

⁵⁸ 參軍, должность, близкая к военному советнику, но все же отличающаяся от нее, в данную эпоху имеется в виду человек, работавший в министерстве военных дел.

⁵⁹ 揚州, городской округ в провинции Цзянсу (江苏).

⁶⁰ 新鄭, городской уезд городского округа Чжэнчжоу (鄭州) провинции Хэнань (河南).

⁶¹ 漢書, «История Ханьской династии» - официальная история династии Западная Хань (206 до н.э. – 8 н.э.), составленная придворным историографом Бань Гу (班固), жившим в 32-92 годах.

с ним о делах любовных. Старик спросил на чьей дочери он женился? Ли сказал, что ещё не женат. Старик сказал: «Сын благородной семьи, суждено хорошо жениться. Слышал, ныне Тао Чжэньи заправляет этим округом, если вынудит благородного мужа жениться на его дочери, откажется ли благородный муж? Тао и Ли если поженятся, как сильно взволнуется общественность. И даже такой заурядный и никчемушный человек как я, и то за это будет считать вас ущербным. Ныне пройдешь пару ли, там будет Сяо Гун - родственник министра чинов Сюаня, тоже знатное семейство. Увидишь нескольких девушек, лицом очень красивы». Ли услышал это и обрадовался, потому попросил старика познакомить его с семьей Сяо. Он пообещал. Ушел куда-то, спустя долгое время вернулся. Сказал, что Сяо Гуну это понравится, он любит гостей. Ли отправился туда вместе со слугой. Добравшись до семьи Сяо, залы тихи и отделаны по высшему стилю. Высокие софоры, бамбук заполонили все, представляя из себя бесподобный пейзаж. Вначале два слуги, принесли золотой стул и, поставив его у кровати, пригласили [Ли] присесть. Вскоре Сяо вышел, в пурпурной сычуаньской рубашке, опираясь на трость, украшенную горлицей, рукава халата и штанины он придерживал с обеих сторон, белоснежная борода его выражала Божественную мудрость, а каждое движение его было безупречно. Ли боготворил его и неоднократно выражал свою благодарность. Сяо сказал: «[Я] старец после отставки [живу] в этом месте, людей тут давно не было. Можно ли было надеяться, что пожалует благородный муж». Пригласил Ли войти в зал. Обиходные предметы и украшения перекрывали одни другие, в наше время редко такие можно было отыскать. Деликатесы, которые были поданы, морские и наземные твари перемешались, много было неизвестных вещей. После трапезы выпили. Старик сказал: «Цаньцзюнь Ли хочет попросить [руки моей дочери], уже было дано обещание». Сяо продолжал говорить, чувствовались [в речах его] сильно нравы чиновничества. Написал он начальнику уезда, попросил придворного гадателя назначить день. Тут же явился придворный гадатель и сказал: «Выбрал день, как раз сегодня ночью». Сяо еще раз написал начальнику уезда,

попросил взаймы шпильки для прически и тонкий шёлк, рабочую силу. Этим вечером, начальник уезда приехал чтобы помочь с [проведением церемонии]. Радость была в мире невиданная. Вошел [Ли] в синий шатёр для брачной церемонии, увидел, что жена его еще красивей. Ли еще больше обрадовался. На рассвете Сяо Гун сказал: «Господин Ли получил срочное повышение, не может жить [здесь]». Отослал свою дочь следовать за ним. Пять телег с быками, украшенными драгоценностями, более тридцати слуг и лошадей. А также другие вещи для зрелищ и развлечений – бесчисленное множество. Все, кто видел их, все думали, что молодожены – это люди, одного сорта с императорской семьей, не было того, кто бы им не завидовал. Ли был назначен на высшую должность, после двух лет получил назначение, отправиться в Лоян, оставил свою жену. Служанки и все остальные были очень соблазнительны и смущали мужчин. Приходящие мужчины часто сталкивались с этим. На другой день цаньцзюнь Ли и Ван Юн охотились с собаками. Служанки Ли увидели псов и испугались, убежали далеко и спрятались в доме. Юн всегда подозревал их соблазнительность, в этот день был очень удивлен, привел собаку в его [Ли] дом. Вся семья отказывалась [пускать собаку], не осмеливались даже вздохнуть, собака залаяла. Жена военного советника Ли кричала в дверях: «Служанок недавно укусила собака, и они до сих пор боятся. Почему же Ван Юн ведет собаку в дом? [Вы оба] сослуживцы-чиновники, неужели не знаешь, что это дом военного советника Ли?» Юн решил в своем сердце, что она лиса, поэтому он решил открыть окно и засунуть туда собаку, дабы убить лису. Жена его умерла, тело человеческое, а хвост не изменился. Юн рассказал Чжэньи, Чжэньи пошел осмотреть. Увидел всех мертвых лис, долго вздыхал. Время было холодное, всех вместе зарыли. Спустя более чем десять дней, тесть цаньцзюня Ли, Сяо Гун пришел. Вошел и заплакал навзрыд, когда вошел в дверь, все перепугались. Через несколько дней пришел к Тао пожаловаться. Его слова были точны и правдивы, а его внешний вид и одежда были благородны, и Тао принял его с большим уважением. Итак, Ван Юн был арестован и отправлен в тюрьму. Он упорно

настаивал, что это лисы, приказал привести собаку, чтобы та укусила Сяо. В то время Сяо с Тао трапезничали, после того как собака подошла, Сяо притянул ее голову к себе на колени, погладил ее руками, а затем дал поесть, собака не хотела его кусать. Через несколько дней Ли Цаньцзюнь тоже вернулся. Плакал навзрыд много дней, сходил с ума, грыз тело Вана с головы до ног до опухания. Сяо сказал Ли: «Слуги сказали, что все трупы – это лисы, от чего же так страдать? Я хотел откопать их в тот день, боялся, что вы ошиблись, не поверил. Ныне нужно откопать, посмотреть и выяснить правду». Выкопали, посмотрели, увидели, что облик человеческий. Ли Цаньцзюнь был еще более убит горем. Чжэньи заключил Юна под стражу на время расследования. Юн сказал по-секрету: «Уже послал [человека] с 100 000 в Дунду⁶², чтобы тот привел собаку, кусающую лисиц, через десять дней прибудет». Чжэньи добавил к этому делу еще денег из государственной казны. Когда собаку привели, пошли к Сяо на допрос. Чжэньи стоял в главном зале и ждал. Сяо вошел во дворец, выглядел он подавленным и очень нервничал, что очень отличалось от обычного [его состояния]. Вдруг снаружи зашла собака, Сяо обратился в старого лиса, пробежал всего пару ступенек, и собака загрызла его насмерть. Чжэньи попросил людей проверить, все ли умершие были лисами. Юн был спасен от этой катастрофы.

[из сборника «Гуаньи цзи»]

В комментариях к предыдущему рассказу мы уже затронули тему лисьей семейственности и вот в рассказе «Цаньцзюнь Ли» она раскрывается перед нами в новых подробностях. В этом рассказе появляется лисья семья, куда приходит свататься заглавный герой. Лисье семейство Сяо, кстати, фамилия весьма нетипичная для них, ведь зачастую у лис и фамилии вполне лисьи (например, Ху Даоця из одноименного рассказа), является зажиточным, мы

⁶² 東都, «Восточная столица», в разные времена так именовали разные города, являвшиеся столицей той или иной династии, но в данном случае речь идет о городе, основанный третьим императором Тан Гаоцзунем 高宗 (628 – 683 гг.

видим, что отец семейства Сяо Гун производит хорошее впечатление на заглавного героя, стол его ломиться от яств, а в дома полно всяческих ценных редкостей. Данных лис можно смело отнести к типу лиса-человек, так как во всем рассказе мы не видим никакого негативного влияния их темной энергии на военного советника Ли. Можно сказать, что Ван Юн, сослуживец Ли, сам намеренно провоцирует лис, приводя в дом собаку, их давнего врага. Много случаев противостояния лис и псов встречается нам и в рассказах 447 цзюаня, как нам уже известно, все это обусловлено издревле враждой их биологических родов.

Хоть в конце истории Ван Юн и «был спасен от катастрофы», сочувствовать ему удастся с трудом, ведь, как известно нам на опыте рассказов из сборников Пу Сунлина, счастливое сожителство лис с людьми вполне возможный исход, поэтому вопрос того, насколько была необходима эта кровавая расправа, остается открытым. Интересную деталь можно подметить в рассказе «Цаньцзюнь Ли», если сравнить его с рассказом «Ху Даоця», заглавный герой которого был лисом и также ненавидел собак, только вот он после своей естественной кончины, что, кстати, не очень свойственно лисам-оборотням, исчезает из собственного гроба, словно тело лисы после смерти пропадает, чего не бывало в других рассказах, из чего можно сделать вывод, что он мог фальсифицировать свою смерть, дабы начать новую жизнь в другом месте. Тела же убиенных девушек из рассказа «Цаньцзюнь Ли» не оборачиваются лисами, как это отчасти случилось с женой Ли, у которой после смерти показался хвост. Но все же нельзя наверняка сказать были они лисами или нет, ведь они боялись собаки, и собака их загрызла, а также в тексте упоминается их чарующая соблазнительность. Из чего мы можем сделать вывод, что происходящее с телом лисы после смерти – это непостоянное явление и меняется от рассказа к рассказу, не всегда позволяя определить после кончины точно ли действующее лицо рассказа принадлежало к нечистой силе. Сяо Гуну же, в свою очередь, хоть и удастся обмануть пса при помощи

угощений единожды, на второй раз его судьба все же настигает его, и он принимает смерть от собачьих клыков.

ГЛАВА 6. ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ 449 ЦЗЮАНЯ С КОММЕНТАРИЯМИ

Чжэн Хунчжи 鄭宏之

В Тан, начальник округа Динчжоу⁶³ Чжэн Хунчжи стал чиновником. Чиновничье государственное жилище уже давно было необитаемым. Постройка разрушилась, пустынный [двор] заполонила трава. После того как Хунчжи вступил в должность, он искоренил всю траву, починил жилище и стал там жить. Мелкий чиновник отчаянно спорил, просил Хунчжи не жить там. Хунчжи отвечал: «Поступки мои праведны, от чего должен бояться я нечистой силы? Мой характер упрям, этого не изменить». Прожил там два дня, поздно ночью Хунчжи спал один в передней. Во дворе возник огонь, там появился знатный человек с более чем сотней всадников, остановился во внутреннем дворе. Сердито сказал: «Что за наглец осмелился расположиться здесь?» Приказал притащить. Хунчжи не отвечал. [Посланный] притащить [Хунчжи] не осмеливался приблизиться. Хунчжи тогда встал. Знатный человек приказал одному верзиле схватить Хунчжи, здоровяк поднялся по лестнице, проскочил у стены и задул огонь. Практически все огни [погасил], только тот, что был перед Хунчжи еще остался. Великан хотел и его потушить, Хунчжи ударил великана мечом, кровь пролилась на землю, верзила ушел. Знатный человек постепенно приблизился. Хунчжи рассмотрел парадное одеяние чиновника, пригласил присесть рядом. Беседовали всю ночь, между ними возникли дружеские чувства. Хунчжи знал, что он не готов, потому схватил меч и ударил его, знатный человек был ранен. Его приближенные подхватили его: «Говорят, Ваше величество только что ранили, как нам быть?» Тогда увели. Вскоре Хунчжи приказал ста слугам разыскать его [по следам] крови. Дойдя до подножья северной стены, наткнулись на небольшую норку в

⁶³ 定州, городской уезд городского округа Баодин (保定) провинции Хэбэй (河北).

один квадратный цунь, в ней была кровь. Хунчжи приказал копать. Выкопав на чжан, обнаружили около десятка различных лисиц. Хунчжи почти всех поймал. Прокопал еще на чжан и наткнулся на большую нору, в ней сидел старый лис голый без шерсти сидел на кровати из земли, ему прислуживало более десяти лисиц. Хунчжи схватил их. Старый лис сказал: «Не причиняйте мне вреда, я вас благословлю». Хунчжи приказал сложить хворост во внутреннем дворе, развел огонь и бросил в него лис, сжег их заживо. Когда настала очередь старого лиса, он ударил по лицу [Хунчжи] и взмолил: «Мне уже тысяча лет, я познал законы неба. Убить меня – навлечь на себя несчастья, что плохого в том, чтобы меня отпустить?» Хунчжи тогда не убил, приковал его во дворе к софоре. В первую ночь, пришли навестить [лису] много духов, называвшие себя духами гор и лесов, рек и озер, а также заброшенных храмов. Дважды поклонившись, сказали: «Не знали, что Великий государь попал в такую беду. Хоть и хотим спасти государя, но, к сожалению, нет способа [спасти]». Старый лис понял это. На следующую ночь вновь все духи земли обратились к нему, сказали то же, что и горные духи. Еще через ночь, пришел дух, представившийся Хуанцзюэ, [привел] много последователей, дошел до лиса и сказал ему: «Старший брат, как такое внезапно приключилось?» Потому он взял рукой цепь и разорвал ее. Лис обратился человеком, и они вместе ушли. Хунчжи кинулся в погоню, не догнал. Хунчжи предполагал, что Хуанцзюэ – это прозвище собаки. У кого здесь есть собака, что зовется Хуанцзюэ? Уже на рассвете позвал мелких чиновников, чтобы расспросить их об этом. Чиновник сказал: «В уездном амбаре есть старый пес, не знаю, где он. Так как у него нет хвоста, все зовут его Хуанцзюэ⁶⁴». Неужто этот пес нечистая сила? Хунчжи приказал поймать его. Когда привели его, связали и собирались сварить живьем. Пес молвил словно человек: «Я действительно дух Хуанцзюэ. Господин, не вредите мне, я часто следую за господином, какие господина ждут радости и горести, обо всем предостерегу господина, разве не

⁶⁴ 黄撮, что можно перевести как «Желтый оборванец», иероглиф 撮 jiē обозначает «выдирать, вырывать», что явно указывает на судьбу хвоста этой «собаки».

замечательно?» Хунчжи уединился поговорить, только тогда отпустил его. Пес обернулся человеком, говорил с Хунчжи, только поздно ночью ушёл. Хунчжи заведовал отловом бандитов. Внезапно десятки разбойников проникли в царство, остановились в постоялом дворе. Дух Хуанцзюэ пришел доложить Хунчжи: «Где-то есть разбойники, собираются грабить, [если] их схватить можно получить повышение». Хунчжи внезапно напал на них и поймал. Так его повысили в чиновничьей должности. Затем Хунчжи получал одну должность за другой, дух непременно сообщал ему. Что касается бедствий, часто избегал их, не случалось с ним ничего плохого. Хунчжи добился много, был вознагражден. [Когда] Хунчжи был назначен начальником округа Нинчжоу вместо Динчжоу, дух распрощался с ним. Потому, люди говорят, служебное благополучие Хунчжи исчерпало себя. Спустя два года после того, как он прибыл в округ, он потерял должность, так как сошел с ума (захворал).

[из сборника «Цзивэнь»]

Сюжет о смельчаке, решившем жить в заброшенном и давно необитаемом доме встречался нам двумя цзюанями ранее. В 447 цзюане, где заглавный герой Сун Дасян поселяется в заброшенном павильоне и противостоит лисе-оборотню. Там хорошо проиллюстрирован один из пунктов классификации рассказов о лисах-оборотнях Ольги Лазаревны Фишман, а именно: «Лиса может быть обуздана смелым (не боящимся ее) человеком» [27, 47]. Заглавный герой нашего рассказа – Чжэн Хунчжи также проявляет свою смелость, и, хоть лис и не докучает ему, наш герой все же ранит его мечом, прознав, что тот нечистая сила. По следам крови они находят укрытие лисьего «Вана», ведь именно так его зовут слуги, что может говорить о его более высоком месте в лисьей иерархии. В его норе сперва обнаруживается около сотни лисиц, а затем и прислужницы, что, несомненно, отсылает нас к рассказу «Люй Цзя» из 448 цзюаня, в котором у лиса была сотня

лисят и прекрасные дамы во служении, только вот они были людьми, а тут мы видим лишь лисиц. После убийства всего лисьего потомства и слуг Чжэн Хунчжи пленяет их Вана.

На следующую ночь мы можем наблюдать, как духи гор и лесов, рек и озер, земли, все приходят навестить схваченного лиса, в то время как в рассказе «Чжансунь Уцзи» духи дома, а также духи пяти священных гор были на стороне призвавшего их даоса. Либо же факт призыва даосом повлиял на них, и они были вынуждены исполнять его поручения, либо более могущественные духи и духи дома имеют более негативное отношение к лисицам-оборотням, в отличие от духов природы, к которой лисы непосредственно принадлежат. Весьма оригинальным персонажем, которому не удалось найти аналогов в других источниках, является дух-собака Хуанцзюэ. Именно он спасает старого лиса из плена, что, конечно, выходит за рамки привычного нам понимания взаимоотношений лисиц и собак, но, стоит предположить, что это касается только обычных собак, а не нечисти в собачьем облики. К сожалению, на этом сюжетная линия лисьего Вана обрывается, оставляя за собой некую недосказанность, ведь мы не можем четко отнести этого лиса ни к какому уже известному нам типу лисиц-оборотней. Можно лишь с некой долей условности отнести его к лисе-человеку, который, вполне возможно, обитал в заброшенном доме, на который позарился Хунчжи и тем самым разгневал лиса.

Начальник уезда Цяньян 汧陽令

Во времена династии Тан в уезде Цяньян⁶⁵ был начальник, имя которого неизвестно. Он был при исполнении служебных обязанностей, как вдруг сказал: «Хочу уйти от мира». Со всей искренностью читал [он] молитвы. Чуть больше, чем через месяц у его дома появились разноцветные облака

⁶⁵ 汧陽, уезд городского округа Баоцзи (宝鸡) провинции Шэньси (陝西).

(счастлирое знамение). Увидел Бодхисатву верхом на льве, [Бодхисатва] позвал начальника, вздохнув, сказал: «Данный [Вами] обет велик, можете достичь прямого воздаяния. Должны быть стойкими в сохранении себя, не отступать и только». И тот [Бодхисатва] улетел. Начальник сел медитировать, заперся, не ел дней шесть или семь. Семья [его] очень тревожилась, боясь, что такими упорствами [он] подорвет свое здоровье. Встретились с даосом Ло Гуньюанем, который из Шу направлялся в столицу, остановился на ночлег в Луншане. Сын начальника хотел спросить его причины [того, что отец так увлечен религией]. Гуньюань ответил, смеясь: «Это все из-за девятихвостой лисы, ничего мудреного». Потому написал несколько амулетов, для выздоровления. Сын начальника бросил амулеты в колодец. Тогда открыл дверь, увидел изнеможенного голодом отца. Заставил [его] проглотить талисманы, как вдруг [начальник словно] очнулся, уж больше не рассуждал о делах, [касающихся] пути самосовершенствования. Через несколько лет, ушел с должности и воротился домой. Его семья жила за городом, равнина [там] раскинулась на тысячу ли. Начальник в свободное время, опираясь на трость, вышел за ворота [дома], вдалеке увидел под сенью тутового леса с юга идет благородный человек. Впереди него и за ним с десятков всадников, похож [он] на государя. Начальник спрятался за дверь. Всадники подъехали к дверям. Сказали: «Лю Чэн наносит визит начальнику». Начальник очень испугался. Никогда знакомы друг с другом не были, почему же он пришел? Уже встретившись, прошли в зал. Сказал начальнику: «Обманете меня насчет согласия на этот брак, не видать [Вам] назначения на должность». Когда начальник был на посту, у него была незамужняя дочь десяти лет, ныне уже шестнадцать. Начальник сказал: «Совсем друг друга не знаем, какой тут брак?» Чэн ответил: «Не разрешите заключить брак, [тогда] дело [будет] легче и только». Правой рукой зажал рот и встал, дом начальника в один миг пришел в движение, колодец и туалет перетекли друг в друга, все вещи поднялись в воздух. У начальника не было выбора, кроме как согласиться [на брак]. На следующий день [была назначена] свадьба, принес [лис] много подарков,

[чтобы] вступить в брак. После свадьбы долго жили дома. Подарки были весьма богаты, [Чэн] был зажиточный, у членов семьи он не вызывал подозрения. На другой день сын начальника отправился в столицу, просил приема у Гунъюаня. Гунъюань сказал: «Этот ли раньше был бездарным, теперь же овладел фулу. Я не могу с ним сравниться, что же поделать?» Сын начальника умолял. Гунъюань согласился пойти [с ним]. Прибыли к жилищу, [Гунъюань] в шагах десяти от дома начальника установил жертвенный алтарь. Чэн, опираясь на посох, подошел к алтарю, отругал даоса: «Что ты здесь делаешь, ничего не опасаясь?» Гунъюань успешно завершил заклинание, пригласил [с ним] сразиться. Чэн сел у дверей [дома] начальника, Гунъюань сел у алтаря, тогда чем-то ударил Чэна, Чэн упал ничком на землю. По прошествии долгого времени поднялся, и с помощью какой-то вещи ударил Гунъюаня, Гунъюань упал ничком, подобно Чэну. И так еще пару десятков раз. Гунъюань вдруг сказал своему ученику: «Он избил меня до смерти, ты должен плакать и скорбеть, я с помощью магии свяжу его». [Чэн] ударил его, Гунъюань упал на землю, ученик громко заплакал. Чэн обрадовался, не был готов к этому. Гунъюань тут же ударил его с помощью магии. Чэн дрожал от страха, сказал, что силы его иссякли, обратился старым лисом. Гунъюань уже поднялся, с помощью стула огрел лиса, [засунул] его в большой мешок, и на повозке вернулся в столицу. Сюань-цзун посмотрел на [лиса], посчитал это забавным. Гунъюань выступил вперед и сообщил: «Это небесный лис, убить его нельзя. Нужно сослать на окраину Востока и все тут!» Написал амулет, сослал его в Силлу, лис вместе с амулетом улетел. Ныне в Силле есть дух Лю Чэн, и местные жители почтено ему служат.

[из сборника «Гуанъи цзи»]

Персонажи рассказа «Начальник уезда Цяньян», как и многие в разделе о лисах из сборника «Тайпин гуанцзи» попадают в лисо-буддийскую перепетью. В первом эпизоде рассказа заглавному герою – начальнику уезда,

является бодхисаттва, верхом на льве, и речь тут, скорее всего, идет о бодхисаттве высшей мудрости – Манджушри (文殊師利), ездовым животным которого (ваханой) является именно снежный лев [12, 54]. Тем не менее мы имеем полное право подвергнуть сомнению истинность бодхисаттвы, который является перед начальником, ведь впоследствии помешательство заглавного героя на буддизме пропадает, как только даос дает его сыну амулеты фулу, уверяя, что это все наваждение девятихвостой лисы. Выходит, тут мы вновь встречаем девятихвостую или же небесную лису, которая выдает себя за святого, как и в рассказе «Е Фашань». Конечно же, основываясь лишь на двух рассказах нельзя предполагать, что к такому «богохульничеству» склонны лишь лисы наивысшего ранга – небесные лисы, но такая тенденция кажется нам весьма интересной.

Необычный лис-оборотень приходит свататься к дочери заглавного героя, после того как тот только оправился от наваждения, предположительно, псевдосвятой лисицы. Лю Чэн – главный лис данной новеллы не просто является представителем типа лиса-человек, пожелавшего взять себе в жену смертную девушку, как и лис У Наньхэ из рассказа «Ян Бочэн», но и, ко всему прочему, в конце рассказа оказывается сослан во вполне конкретное географическое место, о котором мы поговорим чуть позже. Лисы, подобные Лю Чэну и У Наньхэ весьма частые гости в «Тайпин гуанцзи», их практически можно выделить в отдельную категорию лисов-женихов, ведь они приходят свататься к дочерям заглавных героев по-честному, практически как это сделал бы обычный человек. Конечно, у лис не обходится без угроз и шепотки магии, но кто бы иначе захотел выдать свою дочь за нечистую силу? А ведь вполне возможно, что намерения их были чисты, но ни в одном рассказе мы не встречаем сюжетного развития счастливой жизни молодоженов.

Возвращаясь к теме места, куда был сослан представленный в рассказе лис, им является Силла (新羅) – одно из Трех древних корейских королевств. Этому эпизоду уделяется большое внимание как в работах китайских

исследователей лис-оборотней, например, в книге «Культура китайских лис» Ли Цзяньго ссылается на данный рассказ из «Гуанъи цзи» как один из знаковых примеров распространения образа лисы-оборотня в другие азиатские страны [36, 128], так и в некоторых работах корейских ученых, связанных с китайской литературой, мы можем найти рассуждения о лисе Лю Чэне, примером тому служит работа корейского ученого-китаиста Кан Чжоним (강종임), в которой описывается теория, по которой китайцы ссылали своих демонов в другие страны, дабы оградить от них Поднебесную, а там «за стеной» сами как-нибудь разберутся. Несмотря на то, что настроение данной работы можно вполне считать антикитайским, тем не менее, не стоит оставлять без внимания тот факт, что корейские исследователи предполагают, что Лю Чэн был сослан в Японию, опираясь на тот факт, что там он почитается в качестве божества куда больше, чем на территории бывшей Силлы [44, 59—82].

Тем не менее, куда бы ни был отправлен лис Лю Чэн, нам кажется чрезвычайно важным, что впервые в рассказах, посвященных лисам-оборотням, нам встретился яркий пример возможного распространения лисьего культа в другие азиатские страны.

Ли Юаньгун 李元恭

Танский министр из министерства личного состава и аттестаций Ли Юаньгун и его внучка от дочери Цуй Чжи пятнадцати иль шестнадцати лет, красавица, каких свет не видывал, подверглись лисьему наваждению. По прошествии долгого времени, лис обратился юношей, величал сам себя господин Ху. Одного за другим просили знахарей-гадальщиков о помощи, но не смогли избавиться [от лиса]. Сын Юаньгуна был хорошо эрудирован и очень умен, часто спрашивал господина Ху учиться ли он? Лис тогда начал рассуждать и не было такого в этом мире, что он бы не затронул [в своих

рассуждениях]. [Сын Юаньгуна] много вопросов лису задавал, очень сблизился [с лисом]. Спустя долгое время сказал Цуй Чжи: «По жизни нельзя не учиться». Тогда привел старика, [чтобы] тот обучил Цуй каноническим книгам и историческим сочинениям. Всего за три года [Цуй] вполне познала великие истины каждой семьи. [господин Ху] привел еще одного человека, [чтобы тот] обучил ее каллиграфии. Через год, [Цуй] уже прославилась своими работами по каллиграфии. Опять сказал: «Госпожа почему не умеет музицировать? Кунхоу и пипа – это все обычные музыкальные [инструменты], не сравнятся с цинем». Вновь привел человека и [тот] сказал: «Я хорош в игре на щипковых и клавишных инструментах». Сказал, что фамилия его Ху. Это доктор династии Суй из уезда Янчжай. Научил [Цуй] всем мелодиям. Полностью [показал] их красоту. А также других известных мелодий бесчисленное множество. Сам сказал, что был хорош в [игре] «Поэмы Гуанлина». Неоднократно встречался с Цзи Каном, [но тот] не позволял передавать другим [знания как играть «Поэмы Гуанлина»]. Особенно хорош он [Ху] был в выражении красоты «Крика в черной ночи». Ли затем спросил: «Почему же Ху Лан не привел в дом молодую жену и не вернулся домой?» Лис очень обрадовался и с благодарностью сказал: «Я тоже долго думал об этом. Причина по которой не осмеливался в том, что я мелкий человечиска, вот и все тут». В этот день он кланялся семье и был в высшей степени рад. Ли спросил господина Ху, повстречав девушку, где он будет жить? Лис ответил: «Перед тем жилищем есть два больших бамбука». В то время перед домом Ли был бамбуковый сад. Ли тогда отправился искать это место, заметил, что между двумя большими бамбуками есть небольшое отверстие, оказывается, то была лисья нора. Залил ее водой, сперва вылезли длиннорылые барсуки и десятки других лисиц. Наконец из норы вышел старый лис, одетый в зеленое, в своем обычном костюме, семья радостно сказала: «Господин Ху показался!» Убили его, положили конец нечисти.

[из сборника «Гуанъи цзи»]

Нельзя наверняка утверждать, но вполне возможно, что в данном рассказе нам встречаются два лиса-оборотня. Первый – вновь лис-жених, сперва представший перед семьей заглавного героя лишь в виде наваждения, а затем, как и лисы-женихи из других рассказов, решивший прийти свататься к дочке заглавного героя. Второй же – один из учителей, которого лис привел, дабы тот обучал его невесту музицированию, фамилия его была такая же, как у главного лиса – Ху (胡), вновь отсылающая нас к иероглифам, использовавшимся для того, чтобы избежать частого употребления иероглифа «лиса». Помимо того, лис-учитель заявляет, что он самолично встречался с Цзи Каном (嵇康, 223 – 263), известным китайским писателем и поэтом, жившим с 223 по 262 года. Если учесть, что время действия данного рассказа – династия Тан, то лис этот должен быть в крайне преклонном возрасте, будь он человеком.

Несмотря на то, что главного лиса в результате все равно убивают, данных трикстеров мы можем все же отнести к недавно возникшему в нашей терминологии лису-жениху, а также лису-мужчине, который выступает в роли наставника для невесты, не причиняя ей никакого вреда.

Цзяо Ляньши 焦練師

В эпоху Тан в период Кайюань жил даос Цзяо Ляньши, совершенствовавший путь даосизма, собрал он много учеников. Была [у него в ученицах] замужняя женщина в желтом платье, называвшая себя А Ху и обучавшаяся у Цзяо даосской магии. Спустя три года познала все искусство Цзяо и настаивала на своем уходе. Цзяо настойчиво пытался ее удержать. А Ху сказала: «Я дикая лиса, изначально пришла учиться искусству [даосизма]. Ныне изучать мне больше нечего, по справедливости, не могу остаться». Цзяо хотел использовать колдовство, чтобы задержать [лису]. Ху, в случае

необходимости, могла и ответить, Цзяо не мог с ней сравниться. Тогда на вершине Суншань⁶⁶ установил алтарь, известил Владыку Лао. Сам про себя сказал пусть и бездарен, все же он ученик даосской школы. Демон-лиса [его] оскорбила, боится, что разрушит [она] Великое дао. Сказал это очень серьезно. Из четырех углов алтаря вдруг повалил дым, неожиданно образовав фиолетовое (благовещее) облако высотой в несколько десятков чжанов. В облаке том был Владыка Лао. Помолится и сообщил: «Справедливый закон уже изучен демоном-лисой, нужно найти другой способ подчинить ее». Владыка Лао тогда в облаке сотворил заклинание. Глава духов прямо в облаке ножом перерезал лисице поясницу. Цзяо был очень рад. Владыка Лао вдруг спустился с облака, превратился в замужнюю женщину в желтом платье и ушел.

[из сборника «Гуаньши цзи»]

Очень интересный своей новизной рассказ встречается нам в 449 цзюане. Тут вновь фигурирует лисица с говорящей фамилией Ху. В нем мы, с одной стороны, в первый раз встречаем лису, которая, под видом человека, обучается даосской магии, а с другой стороны она оказывается также и лисой-псевдосвятой, притворяясь не кем бы то ни было, а самим Лао Цзы. Интересно, что в этом рассказе, как и в рассказе «Начальник уезда Цяньян» и в последующем «Госпожа Ли», лисицы не только обучаются даосской магии, но и по силе могут превосходить некоторых даосов, что сильно контрастирует с восприятием лисиц-оборотней как недалеких трикстеров-обольстителей, которое нередко фигурирует в современном обществе.

Госпожа Ли 李氏

⁶⁶ 嵩山, это один из пяти священных горных пиков, находящийся в провинции Хэнань (河南), такое же название использовалось для обозначения жилища небожителей.

Во времена династии Тан в эпоху Кайюань, жила [девушка] из рода Ли, рано осиротела, была отдана дяде по материнской линии. Когда было 12 лет ей, лис попытался ее обольстить. Этот лис, хоть и не показывался в своем истинном облики, [но] речи его и умение общаться были очень хороши. Один месяц сменял другой, [по прошествии некоторого времени] этот лис вернулся, только голос его немного переменялся. Родственник, смеясь сказал: «Это другая дикая лисица». Лиса, рассмеявшись ответила: «Откуда ты это знаешь? Тот, что раньше приходил, то был мой четырнадцатый старший брат, сам я младший. Недавно я хотел заполучить девушку из семьи Вэй, сделал из красного шелка безрукавку. А мой старший брат без всякого повода украл [ее], сделав мой брак невозможным, долго хотел я отомстить ему, потому ныне и пришел сюда». Семья Ли поблагодарила, умоляла как-нибудь избежать такой беды. Лис сказал: «Завтра благоприятные дни для моего старшего брата, непременно придет сюда. Очень будет встревожен, но Ваша названная дочь может подержаться за кончик безымянного пальца и таким образом избежать беды». Сказав это, ушел. Пришел старший лис, как раз в то время, когда женская сторона трапезничала. Девушка, послушав слова младшего лиса, взяла себя за кончик пальца. Лис пилюль шесть-семь, похожих на плоды познания, попытался бросить девушке в пиалу с рисом, да вот только один за другим мимо. [Он] даже удивился, громко сказал: «Это я добыл, когда ездил на гору Суншань, изучать даосизм». Сидевшая [там] старуха, подобрала эти пилюли, боялась, что вновь [лис] бросит их [в пиалу]. Кто-то спросил, зачем она так. Ответила: «Дикий лис меня околдовал». Лис высокомерно отругал: «Такая старуха, разве ж есть кто-то, кому ты сдалась!» После того как лис ушел, младший лис вернулся: «Как все прошло? Мои слова оказались правдой?» Родственники все отблагодарили. Сказал: «Дней через десять, мой старший брат вернется, [вы] должны быть осторожны. Этот человек уже был в Небесной канцелярии, может писать магические амулеты с заклинаниями, ничего нельзя [с ним] поделывать. Только я могу подчинить его. Когда [он] соберется прийти, тогда вернусь сюда». Приближался этот день, маленький

лис опять пришел, дал пилюли, подобные сосновым цветам, девушке и сказал: «Мой старший брат завтра непременно придет. Завтра утром можно на колесницы погрузить женщин и увести их на северо-восток. Всадники будут гнаться, необходимо разбросать пилюли за колесницей, тогда избежите беды». Ли подождали до завтра, как и сказал лис. В повозке девушку увезли на пять-шесть ли⁶⁷, конных латников гналась толпа, хотели догнать, тогда разбросали пилюли [за колесницей]. Когда преследователи увидели пилюли, остановились и не осмелились двинуться вперед. После захода солнца маленький лис вновь пришел. Рассмеявшись, сказал: «Ну как вам моя сила? Есть еще один способ, должно навсегда избавить [вас] от беды, я больше не вернусь». Госпожа Ли раскланялась, настойчиво просили [не оставлять ее]. Лис тогда приказал взять персиковую ветку с восточной стороны, красной краской написать на доске написать «Ху Чо Ху Мяо». Этот амулет разместить на главных и средних воротах, никогда духи больше [вас] не побеспокоят. Лис больше не появлялся. Девушка в то время все еще была юной, не успела еще выйти замуж. Через несколько лет, вопреки ожиданиям, пропала.

[из сборника «Гуанъи цзи»]

Тип лис-жених является одним из самых часто встречаемых нами в рассказах 448 и 449 цзюаней, этот лис притягателен своей новизной, ведь мотивы его нам мало понятны, а действия не сходятся с общепринятым образом типичного лиса-соблазнителя. В рассказе «Госпожа Ли» мы, к тому же, не только встречаем лиса-жениха, но и знакомимся с его братом, у которого, помимо лисьей личины, имеется еще и печальная история любви, вполне возможно, тоже с человеческой девушкой. Несомненно, нельзя наверняка заявлять, что в какой-либо из попыток жениться на прекрасной деве речь идет о светлых любовных чувствах, но, тем не менее, очень интересным является данный сюжетный поворот, который не встречался нам в

⁶⁷ 2,5 – 3 км.

предшествующих текстах. Младший брат-лис решается отомстить старшему, рассказав семье, как защититься от лисьего наваждения, а, следовательно, и от самого себя.

Крайне интересные способы борьбы с лисьими наваждениями встречаются нам в данном тексте. Во-первых, при следующей встрече со своим «женихом», девушке предлагается взять себя за безымянный палец. Чем именно это действие может оказаться помощь, остается только гадать, например, в китайском традиционном массаже воздействие на безымянный палец помогает усилению энергии ци, что, в теории, может помочь противостоять лисьим чарам. После того, как девушка проделывает это, мы тут же видим результат, как лису не удается подбросить ей в пищу какие-то пилюли. Сложно наверняка утверждать, о каких пилюлях тут может идти речь, но стоит отметить, что довольно странным и необычным является тот факт, что лису-оборотню, для порабощения ума своей «возлюбленной» необходим какой-то дополнительный инструмент в виде волшебных пилюль, формой напоминающих «плоды познания (совершенствования)» (菩提子) – это косточки растений с неровной поверхностью, которые использовались для создания четок.

Второй способ, встречающийся нам в данном рассказе – это пилюли, по форме напоминающие сосновые цветы, их дает девушке младший лис, наказав раскидать их за повозкой, когда прислужники его старшего брата бросятся в погоню за колесницей с невестой. Найти никаких сакральных или магических значений у цветов сосны нам не удалось, но то, что против слуг старшего лиса они сработали безотказно – этот факт отрицать нельзя. Жаль, что мы можем только догадываться, что же это были за волшебные пилюли, а также почему в данном рассказе лисы так часто прибегают к помощи какой-то «гомеопатии».

Третьим и самым действенным способом одолеть лис становится табличка из персикового дерева с написанными на ней иероглифами 齊州縣鄉

里胡綽, что можно перевести как «в деревнях Цичжоу лис более чем достаточно, лисы держитесь подальше». Памятуя о магических свойствах персикового дерева, о которых говорилось в комментарии к рассказу «Ян Бочэн» можно смело предположить, что этот способ является отличным оберегом, но, видимо, спустя несколько лет, другие лисы решили проверить, насколько много лис-оборотней в округе Цичжоу и все же забрали девушку.

Анализ данного текста позволяет определить нам образы двух лисов, присутствующих в нем, как лис-жених и лис-мужчина с явными ответвлениями к лису-соблазнителю и лису-помощнику соответственно.

Вэй Минфу 韋明府

В эпоху Тан в период Кайюань пришел к Вэй Минфу свататься некий, сам звавший себя так, Цуй Цаньцзюнь. Семья Вэй была напугана, знали, что это демон-обольститель. Все же с уважением [попросили] его уйти. [Он не ушел], лиса этого нашли в гареме, заявил он [девушке], что он теперь ее муж, та от горя расплакалась, наговорил [лис] необдуманных речей. Семья Вэй неоднократно приглашала мага. Лис же говорил все более самонадеянные речи, никак его было не прогнать. Прознали, что на горе Эмэй есть даос, который умеет истреблять нечистую силу. Пошел искать его к начальнику уезда Шу, надеялся, что его способностями он сможет отвести беду. Уже прибыв [на место], даос установил алтарь, дабы прогнать лиса. Вскоре, лис пришел к алтарю, поймал даоса и подвесил на дереве, крепко связав. Семья Вэй пришла в сад и поинтересовалась у даоса, как он там оказался. Лис ответил: «[Он] осмелился применить запрещённые заклинания, вот так и получилось, что пришлось связать его кое-как». Семья Вэй тогда все-таки согласилась отдать их дочь [замуж за лиса], надежды больше не было. Родственник сказал: «Ежели хотите стать мужем, тогда за помолвку принесите две тысячи связок монет (чохов)». Цуй тогда приказал под карнизом поставить кресло, подготовиться веревку для нанизывания денег, и деньги с карниза как

посыпались, толпа служанок нанизывала их на нить, и впрямь насчитали две тысячи связок. По прошествии долгого времени состоялась помолвка. Приказал семье Вэй просить об освобождении от работы и приносить дары, и еще к тому же встретиться с родственниками. Когда [автор] пришел, [увидел] блестящие колесницы, слуги снуют туда-сюда, больше тридцати человек. Приехав к семейству Вэй, [лис] подарил пятьдесят отрезков пестрого шелка, пятьдесят отрезков красного и другие вещицы. [Господин] Вэй тогда отдал ему [свою] дочь. Год спустя его сын заболел. Родители приказали позвать господина Цуй. Ответил [он]: «Младшая сестра по линии восьмого дядюшки уже достигла совершеннолетия, дядя приказал пойти служить в богатую и знатную семью. Причина, по которой он болен заключается в том, что младшая сестренка вхожа в его дом». Мать отругала: «Чертовы лисы-оборотни, ты нагло околдовал одну из моих дочерей, так тебе и этого недостаточно, теперь ты еще и до моего сына добрался! Мы уже в преклонном возрасте, рассчитывали на этого сына, отдать его Вам, лисам, в мужья – это значит прервать наш род!» Лис ничего не ответил, а только весело рассмеялся. Родители денно и ночью уговаривали [его]. Обманывали: «[Если] ты сможешь вылечить моего сына, [тогда мы] о своей дочери больше не заговорим». Спустя долгое время тогда [лис] сказал: «Болезнь то вылечить легко, только вот боюсь, обещания [своего] не выполните!» Мать неоднократно клялась, что не обманет. На другой день тогда Цуй из-за пазухи достал письмена, приказал матери переписать, а также взял гнездо сороки, сжег его перед комнатой сына, вместе с тем, держа голову сороки, защищал сам себя, это должно вылечить болезнь. Господин Вэй сделал по его указаниям и через несколько дней сын выздоровел. Девушка сделала то же самое, и развратник-лис ушел. Ругался лис: «Теща и впрямь нарушила уговор, как я мог рассказать [им], теперь [должен] уйти». Прошло пять дней, господин Вэй был на частной аудиенции, как вдруг перед залом [почувствовал] невыносимую вонь, из ниоткуда появился вихрь, и в нем лис Цуй. Одежда его была порвана, он истекал кровью. Сказал господину Вэй: «Ваша жена бесчестная, иероглифы ее слишком очевидные. Небесная

канцелярия прознала об этом, палками чуть не забили меня до смерти». Ныне долго [буду вынужден] скитаться по пустыне, не смогу прийти! Вэй закричал: «Бедный старый оборотень, отчего же ты не сгинешь, еще и осмеливаешься задерживаться здесь?» Лис сказал: «Разве не помнишь [ты] моих богатств? Я украл их из дворцовой сокровищницы, ныне вернуть их мне нечем, за то и наказан я был. Как господин может не смилиться?» Вэй был глубоко тронут был его словами и высказал много слов благодарности. Он [лис] поколебался, вновь обратился вихрем и исчез.

[из сборника «Гуанъи цзи»]

Рассказ «Вэй Минфу» вновь повествует нам о лисе-женихе и не слишком удачливом даосе, пытавшемся с ним совладать. Даос, представленный в данном рассказе проживает на горе Эмэй⁶⁸. В реальной жизни гора Эмэйшань является местом паломничества буддистов, но вот ее литературный образ, пусть и в весьма современных произведениях весьма подходит контексту нашей новеллы. В произведении китайского писателя Цзинь Юна (金庸, 1924—2018) «Небесный меч и драконья сабля» (倚天屠龙记) говорится о том, что даосская школа Эмэй имела в своем распоряжении огромное количество сильных женщин-даосов, в то время как мужчины уступали им. Похожая информация про эту школу находится и в других источниках, например, знаменитым оружием школы Эмэй являются эмэйские иглы, также называемые «шпильки небожительницы» [62]. Конечно же, это все не может являться причиной неудачливости даоса, представшего перед нами в рассказе «Вэй Минфу», но вполне может иметь под собой некие исторические подоплеки. Тот факт, что упоминаемая в тексте гора Эмэйшань – это именно та гора, на которой располагается даосская школа Эмэй, помогает нам определить то, что за помощью в поиске даоса с горы Эмэйшань

⁶⁸ 峨嵋 – гора в провинции Сычуань, также именуемая 峨眉山.

заглавный герой обратился к начальнику уезда Шу, что является сокращенным названием Сычуани, где и располагается эта гора.

Хоть свадьба с лисом у дочки и состоялась, на этом беды не покинули семейство Вэй, и через год захворал их сын, как оказалось, младшая сестра лиса-жениха достигла совершеннолетия (или же стала человеком) и стала захаживать к сыну семейства Вэй. Можно предположить, что под так называемым «совершеннолетием» лисицы имеется в виду тот возраст, когда она начинает очаровывать мужчин и, если руководствоваться первым рассказом из цикла лисьих цзюаней, ей должно было исполниться сто лет, ведь именно тогда они наконец могут обращаться в девушек-чаровниц. Неожиданным является эпизод, в котором старший лис, как и младший лис из предыдущего рассказа, вызывается помочь семейству Вэй избежать лисьей напасти, только вот в этот раз все оборачивается против него, так как его супруга решила использовать те же письма, что он дал дабы изгнать свою сестрицу, против него самого. Нельзя оставить без внимания, что оба лиса из рассказов «Госпожа Ли» и «Вэй Минфу» имеют связи с Небесной канцелярией и, в отличие от других лисиц, связь которых с Небом также упоминалась, умеют писать защитные письма подобно даосским монахам, отчего становятся еще сильнее.

Не до конца понятным остается эпизод расправы над лисом со стороны Небесной канцелярии, с одной стороны, он обвиняет мать семейства Вэй в том, что ее иероглифы слишком очевидны и Небесная канцелярия, видимо прознав, что он помогает колдовать людям, наказала его, а с другой стороны он украл все свои богатства из дворцовой сокровищницы, чем также подставил себя.

Таким образом, типажи лисиц с каждым цзюанем становятся все менее однозначными и их все сложнее подставить в рамки уже имеющейся классификации. С одной стороны, без всякого сомнения тут мы наблюдаем лис-людей, вроде бы пытающихся вести более или менее мирную жизнь вместе с людьми, но они встречаются со страшными предрассудками и

ненавистью со стороны простых горожан, из-за чего зачастую заканчивают плохо. С другой стороны, нельзя также и умалять их роли лис-соблазнительей, ведь ни о каких теплых чувствах между лисами и их избранниками и речи не идет (хотя речи об этом в древние времена зачастую не шло и между людьми). Из чего можно сделать вывод, что эволюционный образ лисы-мужчины, превратившийся в лиса-жениха оказывается куда более сложным и многогранным, нежели видение древними китайцами образа женщины лисы-оборотня.

Лин Цзинсюань 林景玄

Живший во времена Тан Лин Цзинсюань был родом из Чаньани. Но проживал он в Яньмэне⁶⁹, зарабатывал себе на жизнь тем, что охотился верхом из лука. Начальник области очень радовался его способностям, потому назначил его генералом ямэня. Однажды он с десятком своих товарищей скакал на лошадях, держа в руках лук и стрелы, [да еще и] холодное оружие, на одной руке у него сидел сокол, а за другую тасил его пес, все мчали через поля, охотились на оленей, лис да кроликов, которые было невероятное количество. С тех самых пор начальник области, куда его отправит, туда он и шел, самому выбирать ему уже не приходилось. Однажды охотился он в уездном городе на высокой горе. Как вдруг из густых зарослей кустарника выскочил заяц. Цзинсюань стегнул лошадь и погнался за ним. Пробежав всего десять ли, заяц скрылся в могильной яме. Цзинсюань спешился, тут же приказал двум солдатам встать около [входа] в грот, сам же расседлал коня и решил отдохнуть. Как вдруг из могилы послышался голос: «Доля моя предопределена стихией земли, а побеждает землю дерево. Когда солнце будет под знаком И, Мао перейдет в Чэнь. Два дерева вместе вознесутся и от этого я должен ли помереть?» После чего долго вздыхал. И вновь молвил: «Кто-то

⁶⁹ 雁門, в давние времена это был уезд и стратегический перевал через горы Хэншань (衡山) в провинции Шаньси (陝西).

придет с востока, я не могу этого избежать». Цзинсюань, услышав его слова, удивился. Потому решил заглянуть в пещеру, увидел в ней старца в белом одеянии, усы и борода его белые и длинные, в руках книга, а перед ним лежало много мертвых сорок. Цзинсюань тотчас спросил его. Этот человек испуганно ответил: «Конечно же, причинивший мне вред пришел!» Тотчас начал бранить, Цзинсюань спокойно поразмышлял и сказал: «Эта пещера очень мала и старик в ней живет, часом не злой дух ли? Коли нет, значит просто грабитель, укрывающийся здесь». Тотчас разрушил его грот. Старик тут же превратился в старого лиса и смиренно склонил голову к земле. Цзинсюань взял, да и убил его выстрелом из лука. Посмотрел книгу, что была [у старика] в руках, написана она была весьма причудливо, походила на сутры, но написано было не на санскрите, а сам свиток сделан был из белого шелка длиной всего лишь в пару десятков чи. Цзинсюань сжег его.

[из сборника «Сюаньши чжи»]

Очевидно, что нельзя мерить рассказы, датируемые 500 годами нашей эры мерками нынешних воззрений на мир, но тем не менее не может не поражать то, насколько рассказы 448 и 449 цзюаней наполнены немотивированной ненавистью по отношению к лисам-оборотням. На наш взгляд, это помогает весьма точно отследить эволюцию образа лисицы, ведь в более ранних рассказах из 448 цзюани мы намного чаще видим, как, именно лисы, причиняют вред человеку в рассказах «Чэнь Сян», «Гуань Лу», «Сунь Янь», «Сун Дадянь», «Чжансунь Уцзи», «Чжан Цзянь», «Шангуань И» лисицы-оборотни причиняют настоящий, ничем не мотивированный вред людям, это происходит в семи рассказах из девятнадцати. В свою очередь в 448 цзюане рассказами, где лисы вредят людям являются лишь рассказы: «Ван Ифан», «Е Фашань», «Люй Цзя», их количество и злостность уже значительно меньше, нежели в предыдущем цзюане. А в 449 цзюане данный феномен и вовсе

отсутствует, уступая место куда более комплексным и хитросплетениям проблемам лисиц-оборотней и их сожительства с людьми.

Интересными являются слова, доносящиеся из пещеры: речь в данных строках идет о небесных символах (天干) и земных ветвях (地支) – основных операторах в классической китайской метафизике. В тексте мы встречаем небесный символ И (乙) – второй знак, стихия дерева, Восток. Земные ветви же представлены двумя другими знаками – Мао (卯) – четвертый знак, стихия дерева и Чэнь (辰) – пятый знак, стихия земля. Вполне вероятно, что лис такими замысловатыми речами предрекает свою собственную кончину, и, возможно, заглавному герою стоило бы задуматься и не убивать столь образованное существо, но не тут-то было.

Таким образом, в рассказе «Лин Цзинсюань» мы явно встречаем лиса-старца, который может быть весьма образован, ведь читает нечто, похожее на сутры на непонятном языке и оказывается бесчестно убит заглавным героем Лин Цзинсюанем.

Се Хуньчжи 謝混之

В эпоху Тан в период Кайюань жил глава уезда Дунгуан – Се Хуньчжи, прославился он в провинции Хэнань (к югу от реки) тем, что правил он жестоко и безжалостно. Хуньчжи часто охотился в восточной части уезда, убивал очень много лис и волков. В том году зимой двое людей пришли в приказ, дабы донести на Хуньчжи, который убил их отца и старшего брата, а также украл нажитое имущество. Главный секретарь государственной канцелярии Чжан Цзюлин приказал императорскому цензору Чжан Сяо разобраться с этим делом, два доносчика были связаны и пошли вместе [с ним]. Изначально Сяо и Хуньчжи были хорошими друзьями, [он] заранее сообщил об этой ситуации, приказал ему самому попытаться разобраться. Хуньчжи

опросил всех деревенских старост, все они ответили: «Не знаем, что это за люди». Хуньчжи полагал, что [те двое] лгут. Каждая ложь в обвинении была обличена. Сяо собирался отправиться в Цанчжоу и перво-наперво отправил официальный документ, дабы посадить Хуньчжи в тюрьму. Хуньчжи приказал мелким чиновникам, подготовить посланника, чтобы тот ждал Сяо. Один деревенский староста проходил перед дверьми буддийского храма, за закрытыми, что находились под охраной Ваджры⁷⁰, кто-то был. Услышал, что под ваджрой человек разговаривает. Плечом подперев дверь, чтобы никто не мог войти. Староста тогда прильнул к двери и прислушался. Услышал, как кто-то молиться: «Начальник уезда непочтителен, убил моего отца и старшего брата. Ныне я со своим вторым младшим братом пошел в приказ, донести на эту беду, посланник скоро должен прибыть, прошу Владыку покровительствовать нам, сделать так, чтобы справедливость восторжествовала». Вскоре увидел, как сын в трауре вышел из щели. Староста прознал, что он не человек и отправился на его поиски. Этот человек увидел старосту, испугался и скрылся в храме, пройдя вдоль [стены], потерял его след. Воротился и сообщил об этом Хуньчжи. Хуньчжи долгое время был напуган. Сказал: «Весной я убил много лис и волков, может ли это быть из-за этого?» Когда прибыл Сяо вместе с пришедшими донести [на Хуньчжи], не было человека, который бы их узнал. Они оба яростно спорили, но никак не шли на попятную. Хуньчжи не знал, что их привело сюда. Мудрец посоветовал начальнику привести охотничью собаку. Когда та пришла, увидев тех двух незнакомцев, тут же набросился на них. Те два мужчины тут же заскочили на крышу, обратились лисами и сбежали.

[из сборника «Гуанъи цзи»]

⁷⁰ 金剛, является не только названием ритуального мифологического оружия в буддизме, но также отсылает нас к Силачам ваджры (執金剛神), два существа, охраняющие вход в буддийские храмы.

Действие заключительного рассказа 449 цзюаня происходит в уезде Дунган, заглавный герой – Се Хуньчжи – начальник этого уезда прославился своим жестоким правлением и жестокой охотой. Главных лиса в данном рассказе два, их отца и старшего брата убил Се Хуньчжи. Интересна эта история тем, что вновь лисы предстают перед нами практически «рядовыми гражданами», которые страдают от рук жестоких людей. Лисы в данной новелле не только просят у высших чинов справедливости за их убиенных отца и брата, но и, что совершенно ново для данного типа трикстеров, молятся в буддийском монастыре, из чего мы можем сделать вывод, что божества едины, как для лис, так и для людей.

К счастью, лисам из данного рассказа удастся спастись от участи быть убитыми собакой. Двух данных персонажей можно отнести к типу лис-человек, ведь тут мы видим, как и совершенно человеческие обычаи, в виде прихода в приказ дабы донести жалобу или молитвы в буддийском храме, так и семейную привязанность, которая ранее не была так выражена у данной категории нечисти.

ГЛАВА 7. ОБЩИЙ АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Несомненно, стоит отметить, что рассказы сборника «Тайпин гуанцзи» с каждым цзюанем словно обрастают новыми подробностями и сюжетными линиями, что соответствует высказыванию Игоря Александровича Алимова о том, что «фрагменты [собранные в энциклопедии внутри цзюаней] расположены в хронологическом порядке» [8, 91]. Несмотря на то, что данное утверждение не подтверждается проведенным нами анализом временного происхождения источников. Проведенный анализ все же нельзя считать полностью достоверным, так как он основывается не только на датах написания того или иного сборника, тексты из которого также представлены в «Тайпин гуанцзи», но зачастую и просто на датах жизни автора, что, конечно же, не позволяет досконально точно определить время написания того или иного рассказа, не говоря уже о том, что и в сборники рассказы очень часто попадали из пересказов людей, слышавших о произошедшем в другие эпохи.

Тем не менее, отсутствие возможности наверняка установить время написания рассказа не делает новеллы 447, 448 и 449 цзюаня непригодными для изучения. Уже на примере лишь этих трех цзюаней мы можем наблюдать, как развивался и эволюционировал образ лисы, в глазах китайского народа, становясь все более неоднозначным. Уже при переходе от 447 цзюаня к 448 мы можем наблюдать, как лисы, прежде лишь вредившие людям ради забавы, теперь вступают с ними в отношения, молятся и порой ищут простой мирской жизни, в то время как китайское общество, негативный образ лисы в котором укоренился на века, не хочет принимать этих существ и борется с ним даже в моменты отсутствия как таковой конкретной опасности со стороны трикстера.

Стоит отметить, что, после анализа 448 и 449 цзюаней мы поняли, что пункт в нашей классификации «лис-мужчина» больше не может вместить все многообразие образов оборотней мужского пола, открывшегося нам. Если же в новеллах Пу Сунлина и Юаньмэя мы могли довольствоваться типами лис-старец

и лис-мужчина, то теперь оборотней подобных им стало куда больше, а их функции разнообразней, что привело к упразднению старого типа и созданию нескольких новых, о которых мы поговорим дальше.

Проведя сопоставительный анализ лисиц, встречающихся нам в свитках «Тайпин гуанцзи» мы можем определить некоторых из них в уже имеющиеся типы:

- «Рассуждение о лисе» (447), «Благие знамения» (447) — **лиса-фея** или же, небесная лиса, вид «просветленных лис», которым зачастую чуждо все мирское, они представляют из себя куда более магическое существо в отличии от своих лисичек-сестричек.
- «Ханьский Ван Гуанчуаня» (447), «Хэ Жанчжи» (448), «Ван Ифан» (448) — в этих трех рассказах перед нами предстает тип **лис-каратель**, который мстит людям за причиненный ему вред.
- «Ху Даоцзя» (447), «Цаньцзюнь Ли» (448), «Чжэн Хунчжи» (449), «Се Хунчжи» (449) — **лис-человек**, несильно отличающемся от простых смертных.
- «Чэнь Сянь» (447), «Чжансунь Уцзи» (447), «Шангуань И» (447), «Сунь Янь» (447), «Ян Бочэн» (448), «Люй Цзя» (448) «Госпожа Ли» (449) — рассказы из 447 цзюаня – это классические новеллы о **лисах-соблазнительницах**, в то время как рассказы «Ян Бочэн», «Госпожа Ли» уже начинают приближаться к новому типу, выведенному нами лис-жених, несмотря на то, что лисы в данных рассказах все еще отчасти одурманивают своих жертв, они все же стараются строить с ними семейные отношения и даже официально просят руки и сердца. Лис же из рассказа «Люй Цзя» стоит немного особняком, он хоть и является соблазнителем, уманив с собой жену заглавного героя, но тем не менее, отличается от типичной лисы-соблазнительницы женского пола, имея право на полноценный гарем из своих жертв, этокое гендерное неравенство под древнекитайским мистическим соусом.

- «Гуань Лу» (447), «Сун Дасянь» (447), «Чжан Цзянь» (447) — лисы из данных новелл являются довольно-таки типичными представителями **лис-шутников**, хотя конечно, лисица из новеллы «Чжан Цзянь» не просто шутя вредит, а по-настоящему способствует убийству.
- «Хэ Жанчжи» (448), «Лин Цзинсюань» (449) — тут мы встречаем **лисов-старцев**, умудренных опытом и интеллектуально развитых стариков, зачастую дающих напутствия главным героям и поучающих их.

Помимо уже существовавших разновидностей лис-оборотней в данных рассказах обнаруживаются, на наш взгляд, 3 новых типа лисиц. Один из них — это издревле известный архетип лисы, которая предзнаменует несчастья, назовем ее **лиса-вестник**, ее мы встречаем в новеллах «Сяхоу Цзао» (447) и «Последний император Северной Ци» (447).

Ко всему прочему очень интересный тип лиса можно встретить в новелле «Чэнь Фэй» (447) — это этакий **лис-помощник**, за спасенную жизнь он остается в долгу у главного героя и впоследствии помогает ему в различных делах и даже спасает ему жизнь. Похожий лис встречается нам и в рассказе «Ли Юаньгун» (449), в котором младший из братьев-лисов помогает роду Ли, страдающему от наваждений его старшего брата, избавиться от того и от всех лисиц в целом.

Также нам показались интересными образы лис из новелл «Соблюдение монашеских правил» (447), «Монах Да Ань» (447), «Е Фашань» (448) и «Начальник уезда Цяньян» (449). Подобные виды лисиц уже встречались в других рассказах, но до этого мы относили их к лисам-феям, в то время как они, кажется, могут выделиться в отдельную категорию **лис-псевдосвятых**, лисиц, которые притворяются святыми или священнослужителями, дабы околдовать своих жертв или паразитировать на подношениях.

Довольно часто встречающимся и крайне интересным типом лиса, который весьма четко выделяется среди всех остальных является **лис-жених**, его представителей мы можем встретить в рассказах «Ян Бочэн» (448), «Начальник

уезда Цяньян» (449), «Ли Юаньгун» (449), а также «Вэй Минфу» (449). Отличительной чертой данного типа лис является то, что он приходит в дом к семье заглавного героя, дабы просить руки и сердца его дочери, что сильно отличает его от привычных нам лисиц-соблазнительниц, пусть это даже на самом деле является лишь способом для заполучения жизненной энергии (ци) его супруги, но тем не менее способ это весьма элегантный и позволяющий выделить этих лисов в отдельный пункт.

Двумя оставшимися и еще пока лишь теоретическими типами хули-цзин являются лиса-хворь из рассказа «Ли Сяншэн» (448), которая убивает заглавного героя, появляясь в рассказе лишь раз (ее можно также отнести к лисе-вестнику, как предзнаменованию скорой кончины заглавного героя, ведь, вполне возможно, что это не она его убила) и лиса-нахлебница, что приходит полакомиться ужином к семье заглавного героя рассказа «Шэнь Дунмэй» (448) в образе их почившей служанки. Естественно, два столь сомнительных появления не дают основания нам выделять этих лисиц в отдельный тип.

Из всего вышесказанного мы наверняка можем выделить новую классификацию лисиц-оборотней, включающую девять типов лисиц и два подтипа:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проделанные нами переводы и анализы, хоть и не претендуют на универсальность и всеохватность темы, все же имеют право на существование. Глобальная цель нашего исследования, заключающаяся в переводе трех цзюаней сборника «Тайпин гуанцзи», посвященных лисам оборотням, а также классификация, представленных в рассказах трикстеров и их сопоставление с уже имеющимися типами хули-цзин была достигнута. В процессе исследования были выделены новые типы лисиц и упразднен один из старых типов.

Тем не менее стоит отметить, что некоторые из наших теорий потерпели неудачу, так как оказалось очень сложным доказать эволюцию образа лисы, основываясь лишь на указанных в сборнике источниках.

Глубокий анализ этих таинственных существ и всесторонний небезразличный подход к их историям – всегда являлся основной целью наших работ. Неоднозначность образов лисиц, появляющихся в новых рассказах, доказывает, что деление их на «плохих» и «хороших» уже теряет свою актуальность, уступая дорогу более глубинному пониманию образа данного трикстера в истории китайской культуры и литературы, превращая его в многогранного персонажа некоторых новелл.

Несмотря на то, что о лисах пишут многое, тем не менее мы все еще видим лишь верхушку лисьего айсберга, которая так и манит глубже погрузиться этот магический лисий мир, посвятив им и более серьезную работу, ведь образ этих существ, который красной нитью пролегает через всю китайскую историю и культуру, как и многие другие, заслуживает должного внимания и изучения.

Список использованной литературы

Литература на русском языке:

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 2006—. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. — 2010. — 1031 с.
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 —. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л. Титаренко и др. — 2008. — 855 с.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. — 2006. — 727 с.
4. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 —. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко, Б.Л. Рифтин, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов, Д.Г. Главева, С.М. Аникеева. — 2007. — 869 с.
5. Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. — М.: Вост. лит., 2009. — 502 с.
6. Алаев Л. Б. // Большой Кавказ – Великий канал. – М.: Большая российская энциклопедия, 2006. – С. 180. – (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004—2017, т. 4)
7. Алимов, И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И.А. Алимов; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб: Наука, 2008. – 284 с.
8. Алимов, И.А. Заметки о сяошо: «Тай пин гуан цзи» / И.А. Алимов // Письменные памятники Востока: Историография и источниковедение. — 2018. — том 15, № 4 (вып. 35) — С. 87-97
9. Андросов В.П. Индо-тибетский буддизм: Энциклопедический словарь. М., 2011. — 210 с.

10. Васильев, Л.С. Культы, религии, традиции в Китае / Л.С. Васильев. — М: Ломоносовъ, 2015 г. — 517 с.
11. Де Гроот, Ян Якоб Мария. Демонология Древнего Китая // О призраках гор и лесов/ Пер. с англ. Котенко Р.В. — СПб. «Евразия», 2000 г. — 352 с.
12. Елихина Ю. И. Некоторые произведения современного буддийского искусства в коллекции Эрмитажа / Ю. И. Елихина // Современное буддийское искусство: традиции и инновации: сб. ст. междунар. науч. симп. Улан-Удэ, 25-26 июля 2013 г. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 51-58
13. Жуковский В. И., Копцева Н. П. Искусство Востока. Индия: Учеб. пособие. — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. — 402 с.
14. Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / пер. Э.М. Яншиной — М: «Наука», 1977 г. — 233 с.
15. Лайсафт, Патриция. Банши: фольклор и мифология Ирландии // Лайсафт Патриция, Татьяна Михайлова; пер. с англ. Нины Чехонадской — М: «ОГИ», 2007 г. — 184 с.
16. Лысенко В. Г. Восьмеричный путь // Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М. Т. Степанянц;. — М.: Вост. лит.,ИФ РАН, 2011. — С. 228—229. — 1045 с.
17. Лысенко В. Г. Ранний буддизм: религия и философия. Учебное пособие. — М.: ИФ РАН, 2003. — 246 с
18. Пелевин, В. О. Священная книга оборотня / В. О. Пелевин — «ФТМ», 2004 — 416 с.
19. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Часть 1.: Генезис и структура. — Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2009. — 512 с.
20. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций [Текст] / С.Ю. Рыков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 2012. — 312 с.;
21. Сторожук, Александр Георгиевич/ Введение в китайскую иероглифику: учебно-справочное издание. — Изд. 4-е, доп. и испр. / А. Г. Сторожук. — Санкт-Петербург: КАРО, 2017. — 592 с.

22. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. — 496 с.
23. Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. — Санкт-Петербург: С.-Петербур. филос. о-во, 2000. — 303 с.
24. Уильямс, Чарлз. Китайская культура: мифы, герои, символы / Чарлз Уильямс. — М.: Центрполиграф, 2011 г. — 478 с.
25. Флуг, К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X – XIII вв. / К.К. Флуг. — Ленинград: Ленинградское отделение Издательства АН СССР, 1959. — 398 с.
26. Юань Кэ. Мифы Древнего Китая / Кэ Юань; пер. с кит. Б.Л. Рифтина — М: «Наука», 1987 г. — 528 с.
27. Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй)/ Пер. с кит. Фишман О.Л. — М. «Наука», 1977 г. — 504 с.

Литература на английском языке:

28. Huuhtiainen, Tiina. "The Eight Auspicious Symbols". In Saloniemi, Marjo-Riitta (ed.). *Tibet: A Culture in Transition*. Vapriikki. — 198 p.
29. Nedostup, R. *Superstitious Regimes: Religion and Politics of Chinese Modernity* Harvard University Press: Cambridge 2009. — 459 p.
30. Tak-hung Chan, Leo. *The Discourse on Foxes and Ghosts*. — Hong Kong: The Chinese University of Hong Kong, 1998. — 316 p.
31. Twitchett D, Loewe M. *The Cambridge history of ancient China the Chi'in and Han Empires 221 B. C.- AD220*, London, 1986 — 743 p.
32. Xu Zhonglin. *Investiture of the Gods (Feng Shen Yanyi)*. Translated by Gu Zhizhong — Beijing: New World Press, 1992 г. — 257 p.

Литература на китайском языке:

33. Бай Хуавэнь [白化文]. «И Юань», Чжунго Да Байкэ Цюаньшу. Чжунго Вэньсюэ [«異苑», 中國大百科全書. 中國文學: Июань, Большая китайская энциклопедия, Китайская литература.), 1986 – 1567 с.
34. Жэнь Цзюй [任繼愈]. Чжунго Даоцзяо Ши [中國道教: история даосизма в Китае]. Шанхай Жэньминь Чубань Шэ [上海人民出版社], 1990 – 1019 с.
35. Ли Сюэцин [李學勤], Люй Вэньюй [呂文鬱]. Сы Ку Да Цыдянь [四庫大辭典: Большой словарь четырех книгохранилищ], vol. 2. Цзилинь Дасюэ Чубаньшэ [吉林大学出版社], 1996 – 2168 с.
36. Ли Цзяньго [李劍國]. Чжунго Ху Вэньхуа [中國狐文化: Китайский культ лисы]. Жэньминь Вэньсюэ Чубань Шэ [人民文學出版社], 2002, – 395 с.
37. Ли Чунчжи [李崇智]. Чжунго Лидай Нянь Хао Као [中國歷代年號考: Исследование китайских исторических периодов]. Чжунхуа Шуцзюй [中華書局], 1985 – 252 с.
38. Тайпин гуан цзи [太平廣記: Обширные записи годов Тайпин], т.5. Жэньминь Вэньсюэ Чубань Шэ [人民文學出版社], 1959. Т. 5 – 4106 с.
39. У Сяожу [吳小如]. Хань Вэй Лючао Ши Цзяньшан Цыдянь [漢魏六朝詩鑑賞辭典: Словарь одобренной поэзии династий Хань, Вэй и Лючао]. Шанхай Цышу Чубань Шэ [上海辭書出版社], 1992 – 1705 с.
40. У Фэн [吳楓]. Цзяньмин Чжунго Гуцзи Цыдянь [簡明中國古籍辭典: Краткий словарь древних китайских книг]. Цзилинь Дасюэ Чубаньшэ [吉林大学出版社], 1987 – 1124 с.
41. Ху Фучэнь [胡孚琛]. Чжунхуа Даоцзяо Да Цыдянь [中華道教大辭典: Китайский даосский словарь]. Чжунго Шэхуэй Кэсюэ Чубань Шэ [中國社會科學出版社], 1995 – 2207 с.
42. Чжао Ханькунь [趙含坤]. Чжунго Лэйшу [中國類書: Китайская энциклопедия]. Хэбэй жэньминь чубаньшэ [河北人民出版社], 2005 – 596 с.

43. Чжэн Юньбо [鄭雲波]. Чжунго Гудай Сяошо Цыдянь [中國古代小說辭典: Словарь древнекитайских сяошо]. Наньцзин Дасюэ Чубаньшэ [南京大学出版社], 1992 – 1061 с.

Литература на корейском языке:

44. Кан Чжоним [강종임] (2013). Статья о вымышленном духе Лю Чэне из Силлы в «Тайпин гуанци» [《太平廣記》속의 허구적 新羅—‘劉成神’을 중심으로]. Китайская литература, №62 [중국어문학], 2013, С. 59-82

Электронные ресурсы:

45. Берзин, Александр. Демонические силы – четыре Мары // Study Buddhism
URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyu-uroven/lamrim/sansara-i-nirvana/demonicheskie-sily-chetyre-mary> (дата обращения: 05.05.2022)
46. Горбунова, Елена. Взаимоотношения лисиц и собак в природе // Журнал «Охота». URL: <http://pravo-zoozahita.ru/vzaimootnosheniya-lisic-i-sobak-v-prirode/> (дата обращения: 03.05.2021)
47. Попова И.Ф. Лев Николаевич Меньшиков (1926—2005) // Письменные памятники Востока, 1(4), 2006. С. 1—15. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=917 (дата обращения: 20.05.2021)
48. Luoyang qielan ji // ChinaKnowledge.de - An Encyclopaedia on Chinese History, Literature and Art (Лоян цзелань цзи // Энциклопедия китайской истории, литературы и искусства) URL: <http://www.chinaknowledge.de/Literature/Religion/luoyangqielanji.html> (дата обращения: 25.04.2021)

49. 王義方 // 百度百科 (Ван Ифан // Байду байкэ) URL: <https://baike.baidu.hk/item/%E7%8E%8B%E7%BE%A9%E6%96%B9/4558067> (дата обращения: 11.10.2021)
50. 苏州市 // 维基百科 (Город Сучжоу // Китайская Википедия) URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%8B%8F%E5%B7%9E%E5%B8%82#cite_ref-1 (дата обращения: 04.02.2022)
51. 紀聞 // 百度百科 (Заметки // Байду байкэ) URL: <https://baike.baidu.hk/item/%E7%B4%80%E8%81%9E/2489863> (дата обращения: 04.02.2022)
52. 李崇义 // 百度百科 (Ли Чуньи // Байду байкэ) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%9D%8E%E5%B4%87%E4%B9%89/4078046>
53. 得道真人葉法善顯各種神通曾救過唐玄宗一命 // 希望之声 (Настоящий Е Фашань используя различные магические силы спас жизнь Тан Сюань-цзуна // Звук надежды) URL: <https://www.soundofhope.org/post/356146?lang=b5> (дата обращения: 11.10.2022)
54. 廣古今五行記 // My Book One (Обширные древние записи о пяти элементах // Май Бук Уан) URL: https://www.mybookone.com.hk/static/detail_w/YWxsLnNhbGVJZC4xMzY3MTU3ODYzMTIzMDA5NTM3.html (дата обращения: 04.02.2022)
55. 漿水 // 百度百科 (Солодовый напиток // Байду байкэ) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%B5%86%E6%B0%B4/2794170> (дата обращения: 04.02.2022)
56. 谈薮 // 百度百科 (Таньшу // Байду байкэ) URL: <https://m.zhangyue.com/readbook/10131973/2?p2=108231> (дата обращения: 25.04.2021)
57. 房玄齡。隋書// Google Play, 2015 (Фан Сюаньлин. Суй Шу // Гугл Плэй) URL:

- https://play.google.com/store/books/details?id=9uNjCgAAQBAJ&rdid=book-9uNjCgAAQBAJ&rdot=1&source=gbs_vpt_read&pcampaignid=books_books_earch_viewport (дата обращения: 09.05.2021)
58. 幡花 // 在线汉语词典 (Фаньхуа // Онлайн-словарь китайского языка) URL: <http://xh.5156edu.com/html5/213806.html> (дата обращения: 07.02.2022)
59. 胡僧 // 词典网 (Хусэн // Интернет-словарь) URL: <https://www.cidianwang.com/cd/h/huseng216936.htm> (дата обращения: 07.02.2022)
60. 斋时 // 在线汉语词典 (Чжайши // Онлайн-словарь китайского языка) URL: <http://xh.5156edu.com/html5/29104.html> (дата обращения: 07.02.2022)
61. 长孙无忌 // 百度百科 (Чжансунь Уцзи // Байду байкэ) URL: https://www.baike.com/wikiid/8476207226563853368?prd=mobile&view_id=1pvhvc3bjrz400 (дата обращения: 30.05.2021)
62. 峨眉派 // 百度百科 (Школа Эмэй // Байду байкэ) URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B3%A8%E7%9C%89%E6%B4%BE/3550099> (дата обращения: 25.05.2022)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Помимо перевода текстов, оригиналы которых представлены в Приложении 1, 2 и 3. Мы также составили карту, отражающую места действия новелл (Приложение 4) и добавили к ней таблицу (Приложение 5). Также в приложениях можно ознакомиться с иллюстрациями к 8 новеллам из энциклопедии нарисованными нами лично под вдохновением от прочитанных новелл. Стоит также отметить, что стили рисунков к 447 цзюаню отличаются от 448 и 449, так как относятся к диджитал-арту, в то время как иллюстрации 448 и 449 цзюаней были выполнены на бумаге. Помимо всего прочего в иллюстрациях к этим цзюаням была опробована теория использования в потенциальной будущей книге черных и белых страниц, как отражение иньской и янской

энергии соответственно. Также из-за смены формата претерпела изменения и стилистика, так как нам пока что не удалось найти идеально варианта, отражающего наше восприятие данных рассказов.

Приложение 6 – «Благие знамения»

Приложение 7 – «Чэнь Сянь»

Приложение 8 – «Гуань Лу»

Приложение 9 – «Сунь Янь»

Приложение 10 – «Сун Дасянь»

Приложение 11 – «Чжансунь Уцзи»

Приложение 12 – «Чжан Цзянь»

Приложение 13 – «Шангуан И»

Приложение 14 – «Люй Цзя»

Приложение 15 – «Ли Юаньгун»

Приложение 16 – «Цзяо Ляньши»

Приложение 17 – «Вэй Минфу»

Приложение 18 – «Лин Цзинсюань»

Приложение 19 – «Начальник уезда Цяньян»

Приложение 1.

說狐

狐五十歲，能變化為婦人。百歲為美女，為神巫，或為丈夫與女人交接，能知千里外事，善盅魅，使人迷惑失智。千歲即與天通，為天狐。（出《玄中記》）

瑞應

九尾狐者，神獸也。其狀赤色，四足九尾。出青丘之國。音如嬰兒。食者令人不逢妖邪之氣，及盅毒之類。（出《瑞應編》）

周文王

周文王拘羑里，散宜生詣塗山得青狐以獻紂，免西伯之難。（出《瑞應編》）

漢廣川王

漢廣川王好發塚。發樂書塚，其棺柩盟器，悉毀爛無餘。唯有白狐一頭，見人驚走。左右逐之不得，戟傷其足。是夕，王夢一丈夫鬚眉盡白，來謂王曰：「何故傷吾左足？」以杖叩王左足。王覺腫痛，因生瘡，至死不差。

陳羨

後漢建安中，沛國郡陳羨為西海都尉。其部曲士靈孝無故逃去，羨欲殺之。居無何，孝復逃走。羨久不見，囚其婦。其婦實對，羨曰：「是必魅將去，當求之。」因將步騎數十，領獵犬，周旋於城外求索。果見孝於空塚中，聞人犬聲怪避。羨使人扶以歸，其形頗象狐矣。略不復與人相應，但啼呼索阿紫，阿紫雌狐字也。後十餘日，乃稍稍了寤。云：「狐始來時，於屋曲角雞棲間作好婦形，自稱阿紫，招我。如此非一，忽然便隨去。即為妻，暮輒與共還其家。遇狗不覺。雲，樂無比也。」道士云：「此山魅。狐者先古之淫婦也，名曰阿紫，化為狐。故其怪多自稱阿紫也。」（出《搜神記》）

管輅

魏管輅常夜見一小物狀如獸，手持火，向口吹之，將爇舍宇。輅命門生舉刀奮擊，斷腰，視之狐也。自此裡中無火災。（出《小說》）

習鑿齒

晉習鑿齒為桓溫主簿，從溫出獵。時大雪，於臨江（城西，見草雪上氣出。覺有物，射之，應弦死。往取之，乃老雄狐，腳上帶絳繒香囊。（出《渚宮故事》）

陳斐

酒泉郡，每太守到官，無幾輒死。後有渤海陳斐見授此郡，憂愁不樂。將行，卜吉凶。日者曰：「遠諸侯，放伯裘。能解此，則無憂。」斐不解此語。卜者曰：「君去，自當解之。」斐既到官，侍醫有張侯，直醫有王侯，卒有史侯、董侯。斐心悟曰：「此謂諸侯。乃遠之。即臥，思放伯裘之義，不知何謂。夜半後，有物來斐被上。便以被冒取之，物跳踉訇訇作聲。外人聞，持火入，欲殺之。鬼乃言曰：「我實無惡意，但府君能赦我，當深報君耳。」斐曰：「汝為何物，而忽干犯太守？魅曰：「我本千歲狐也，今字伯裘有年矣。若府君有急難，若呼我字，當自解。」斐乃喜曰：「真『放伯裘』之義也。」即便放之。忽然有光赤如電，從戶出。明日，夜有擊戶者。斐曰：「誰。」曰：「伯裘也。」曰：「來何為？」曰：「白事。北界有賊也。」斐驗之果然。每事先以語斐，無毫髮之差，而咸曰聖府君。月餘，主簿李音私通斐侍婢。既而懼為伯裘所白，遂於諸侯謀殺斐。伺旁無人，便使諸侯持杖入，欲格殺之。斐惶怖，即呼「伯裘來救我！」。即有物如曳一疋絳，剗然作聲。音、侯伏地失魂，乃縛取考訊之，皆服。云：「斐未到官，音已懼失權，與諸侯謀殺斐。會諸侯見斥，事不成。」斐即殺音等。伯裘乃謝斐曰：「未及白音姦情，乃為府君所召。雖效微力，猶用慚惶。」後月餘，與斐辭曰：「今後當上天，不得復與府君相往來也。」遂去不見。（出《搜神記》）

孫岩

後魏有輓歌者孫岩，取妻三年，妻不脫衣而臥。岩私怪之。伺其睡，陰解其衣，有尾長三尺，似狐尾。岩懼而出之。甫臨去，將刀截岩發而走。鄰人逐之，變為一狐，追之不得。其後京邑被截發者一百三十人。初變為婦人，衣服淨妝，行於道路。人見而悅之，近者被截發。當時婦人著彩衣者，人指為狐魅。（出《洛陽伽藍記》）

夏侯藻

夏侯藻母病困，將詣淳于智卜。有一狐當門，向之嗥叫。藻愕懼，遂馳詣智。智曰：「禍甚急，君速歸！在嗥處，拊心啼哭，令家人驚怪，大小畢出。一人不懼，啼哭勿休。然其禍僅可救也。」藻如之，母亦扶病而出。家人既集，堂屋五間，拉然而崩。（出《搜神記》）

胡道洽

胡道洽，自云廣陵人，好音樂醫術之事。體有臊氣，恒以名香自防。唯忌猛犬。自審死日，戒弟子曰：「氣絕便殯，勿令狗見我屍也。」死於山陽，斂畢，覺棺空。即開看，不見屍體。時人咸謂狐也。（出《異苑》）

北齊後主

北齊後主武平中，朔州府門，無故有小兒腳跡，及擁土為城雉之狀。察之乃狐媚。是歲，南安王，起兵於北朔。（出《談藪》）

宋大賢

隋南陽西郊有一亭，人不可止，止則有禍。邑人宋大賢以正道自處，嘗宿亭樓，夜坐鼓琴。忽有鬼來登梯，與大賢語。睜目磋齒，形貌可惡。大賢鼓琴如故，鬼乃去，於市中取死人頭來還，語大賢曰：「寧可少睡耶？」因以死人頭投大賢前。大賢曰：「甚佳。吾暮臥無枕，正欲得此。」鬼復去，良久乃還。曰：「寧可共手搏耶？」大賢曰：「善。」語未竟，在前。大賢便逆捉其腰。鬼但急言死。大賢遂殺之。明日視之，乃是老狐也。自此亭舍更無妖怪。（出《法苑珠林》）

長孫無忌

唐太宗以美人賜趙國公長孫無忌，有殊寵。忽遇狐媚。其狐自稱王八。身長八尺餘，恒在美人所。美人見無忌，輒持長刀斲刺。太宗聞其事，詔諸術士。前後數四，不能卻。後術者言：「相州崔參軍能愈此疾。」始崔在州，恒謂其僚云：「詔書見召，不日當至。」數日敕至，崔便上道。王八悲泣，謂美人曰：「崔參軍不久將至，為之奈何？」其發後止宿之處，輒具以白。及崔將達京師，狐便遁去。既至，敕詣無忌家。時太宗亦幸其第。崔設案幾，坐書一符。太宗與無忌俱在其後。頃之，宅內井灶門廁十二辰等數十輩，或長或短，狀貌奇怪，悉至庭下。崔呵曰：「諸君等為貴官家神，職任不小，何故令媚狐入宅？」神等前白云：「是天狐，力不能制，非受賂也。」崔令捉狐去。少頃

復來，各著刀箭，云：「適已苦戰被傷，終不可得。」言畢散去。崔又書飛一符。天地忽爾昏暝。帝及無忌懼而入室。俄聞虛空有兵馬聲。須臾，見五人，各長數丈，來詣崔所，行列致敬。崔乃下階，小屈膝。尋呼帝及無忌出拜庭中。諸神立視而已。崔云：「相公家有媚狐，敢煩執事取之。」諸神敬諾，遂各散去。帝問何神，崔云：「五嶽神也。」又聞兵馬聲，乃纏一狐墜砌下。無忌不勝憤恚，遂以長劍斲之。狐初不驚。崔云：「此已通神，擊之無益，自取困耳。」乃判云：「肆行奸私，神道所殛，量決五下。」狐便乞命。崔取東引桃枝決之，血流滿地。無忌不以為快，但恨杖少。崔云：「五下是人間五百，殊非小刑。為天曹役使此輩，殺之不可。」使敕自爾不得復至相公家，狐乃飛去。美人疾遂愈。（出《廣異記》）

狐神

唐初已來，百姓多事狐神。房中祭祀以乞恩。食飲與人同之。事者非一主。當時有諺曰：「無狐魅，不成村。」（出《朝野僉載》）

張簡

唐國子監助教張簡，河南緱氏人也。曾為鄉學講《文選》。有野狐假簡形，講一紙書而去。須臾簡至，弟子怪問之。簡異曰：「前來者必野狐也。」講罷歸舍，見妹坐絡絲，謂簡曰：「適煮菜冷，兄來何遲？」簡坐，久待不至，乃責其妹。妹曰：「元不見兄來，此必是野狐也。更見即殺之！」明日又來。見妹坐絡絲，謂簡曰：「鬼魅適向舍後。」簡遂持棒。見真妹從廁上出來，遂擊之。妹號叫曰：「是兒。」簡不信，因擊殺之。問絡絲者，化為野狐而走。（出《朝野僉載》）

僧服禮

唐永徽中，太原有人自稱彌勒佛。禮謁之者，見其形底於天，久之漸小，才五六尺，身如紅蓮花在葉中。謂人曰：「汝等知佛有三身乎？其大者為正身。」禮敬傾邑。僧服禮者，博於內學。歎曰：「正法之後，始入像法。像法之外，尚有末法。末法之法，至於無法。像法處乎其間者，尚數千年矣！釋迦教盡，然後大劫始壞。劫壞之後，彌勒方去兜率，下閻浮提。今釋迦之教未虧，不知彌勒何遽下降？」因是虔誠作禮，如對彌勒之狀。忽見足下是老狐，幡花旛蓋，悉是塚墓之間紙錢爾。禮撫掌曰：「彌勒如此耶？」具言如狀，遂下走，追之不及。（出《廣異記》）

上官翼

唐麟德時，上官翼為絳州司馬。有子年二十許，嘗曉日獨立門外。有女子，年可十三四，姿容絕代，行過門前。此子悅之，便爾戲調，即求歡狎。因問其所止，將欲過之。女云：「我門戶雖難，郎州佐之子，兩俱形跡，不願人知。但能有心，得方便，自來相就。」此子邀之，期朝夕。女初固辭，此子將欲便留之，然漸見許。昏後徙倚俟之。如期果至。自是每夜常來。經數日，而舊使老婢於牖中窺之，乃知是魅。以告翼，百方禁斷，終不能制。魅來轉數，晝夜不去。兒每將食，魅必奪之杯碗，此魅已飽，兒不得食。翼常手自作啖，剖以貽兒。至手，魅已取去。翼頗有智數，因此密搗毒藥。時秋晚，油麻新熟。翼令熬兩疊，以一置毒藥，先取好者作啖，遍與妻子，末乃與兒一啖，魅便接去。次以和藥者作啖，與兒，魅亦將去。連與數啖，忽變作老狐，宛轉而僕。擒獲之，登令燒燬訖，合家歡慶。此日昏後，聞遠處有數人哭聲，斯須漸近，遂入堂後，並皆稱冤，號擗甚哀。中有一叟，哭聲每云：「若痛老狐，何乃為喉嚨枉殺腔幢？」數十日間，朝夕來家，往往見有衣衰經者，翼深憂之。後來漸稀，經久方絕，亦無害也。（出《廣異記》）

大安和尚

唐則天在位，有女人自稱聖菩薩。人心所在，女必知之。太后召入宮，前後所言皆驗，宮中敬事之。數月，謂為真菩薩。其後大安和尚入宮，太后問見女菩薩未？安曰：「菩薩何在？願一見之。」敕令與之相見。和尚風神邈然。久之，大安曰：「汝善觀心，試觀我心安在？」答曰：「師心在塔頭相輪邊鈴中。」尋復問之。曰：「在兜率天彌勒宮中聽法。」第三問之，在非非想天。「皆如其言。太后忻悅。大安因且置心於四果阿羅漢地，則不能知。大安呵曰：「我心始置阿羅漢之地，汝已不知。若置於菩薩諸佛之地，何由可料！」女詞屈，變作牝狐，下階而走，不知所適。（出《廣異記》）

Приложение 2.

李項生

唐垂拱初，譙國公李崇義男項生染病。其妻及女於側侍疾。忽有一狐，從項生被中走出。俄失其所在。數日，項生亡。（出《五行記》）

王義方

唐前御史王義方黜萊州司戶參軍，去官歸魏州，以講授為業。時鄉人郭無為頗有術，教義方使野狐。義方雖能呼得之，不伏使，卻被群狐競來惱。每擲瓦礫以擊義方。或正誦讀，即襲碎其書。聞空中有聲云：「有何神術，而欲使我乎？」義方竟不能禁止。無何而卒。（出《朝野僉載》）

何讓之

唐神龍中，廬江何讓之赴洛。遇上巳日，將陟老君廟，瞰洛中遊春冠蓋。廟之東北二百餘步，有大丘三四，時亦號後漢諸陵。故張孟陽七哀詩云：「恭文遙相望，原陵鬱膻膻。」原陵即光武陵。一陵上獨有枯柏三四枝，其下盤石，可容數十人坐。見一翁，姿貌有異常輩。眉鬢皓然，著寶幪巾襦褲，幘烏紗，抱膝南望，吟曰：「野田荊棘春，閨閣綺羅新。出沒頭上日，生死眼前人。欲知我家在何處，北邙松柏正為鄰。」俄有一貴戚，金翠車輿。如花之婢數十，連袂笑樂而出徽安門，抵榆林店。又睇中橋之南北，垂楊拂於天津，繁花明於上苑。紫禁綺陌，軋亂香塵。讓之方歎棲遲，獨行踽踽，已訝前吟翁非人，翁忽又吟曰：「洛陽女兒多，無奈孤翁老去何？」讓之遽欲前執，翁倏然躍於丘中，讓之從焉。初入丘，曠黑不辨，其逐翁已復本形矣。遂見一狐跳出，尾有火燄如流星。讓之卻出玄堂之外。門東有一筵已空。讓之見一几案，上有朱盞筆硯之類，有一帖文書，紙盡慘灰色，文字則不可曉解。略記可辨者。其一云：「正色鴻燾，神思化代。穹施後承，光負玄設。嘔淪吐萌，垠倪散截。迷腸郗曲，霽零霾曠。雀燬龜冰，健馳御屈。拿尾研動，袿袿晰晰。□用秘功，以嶺以穴。拖薪伐藥，莽櫟萬茁。嘔律則祥，佛倫惟薩。牡虛無有，頤咽蕊屑。肇素未來，晦明興滅。」其二辭曰：「五行七曜，成此閏餘。上帝降靈，歲旦涓徐。蛇蛻其皮，吾亦神攄。九九六六，束身天除。何以充喉，吐納太虛。何以蔽蹠？霞袂雲襦。哀爾浮生，櫛比荒墟。吾復麗氣，還形之初。在帝左右，道濟忽諸。」題云：應天狐超異科策八道。後文甚繁，難以詳載。讓之獲此書帖，

喜而懷之，遂躍出丘穴。後數日，水北同德寺僧志靜來訪讓之。說云：「前者所獲丘中文書，非郎君所用，留之不祥。其人近捷上界之科，可以禍福中國。郎君必能卻歸此，他亦酬謝不薄。其人謂志靜曰：「吾已備三百緜，欲贖購此書。如何？」讓之許諾。志靜明日，挈三百緜送讓之。讓之領訖，遂話志靜，言其書以為往還所借，更一兩日當徵之，便可歸本。讓之復為朋友所說，云：「此僧亦是妖魅，奈何欲還之？所納絹，但諱之可也。」後志靜來，讓之悉諱，云：「殊無此事，兼不曾有此文書。」志靜無言以退。經月餘，讓之先有弟在東吳，別已逾年。一旦，其弟至焉。與讓之話家私中外，甚有道。長夜則兄弟聯床。經五六日，忽問讓之：「某聞此地多狐作怪，誠有之乎？」讓之遂話其事。而誇云：「吾一月前，曾獲野狐之書文一帖，今見存焉。」其弟固不信，寧有是事？讓之至遲旦，揭篋，取此文書帖示弟。弟捧而驚歎。即擲於讓之前，化為一狐矣。俄見一美少年，若新官之狀，跨白馬，南馳疾去。適有西域胡僧賀云：「善哉，常在天帝左右矣！」少年歎讓之相給，讓之嗟異。未幾，遂有敕捕，內庫被人盜貢絹三百匹，尋蹤及此。俄有吏掩至，直挈讓之囊檢焉。果獲其緜，已費數十匹。執讓之赴法。讓之不能雪，卒斃枯木。（（出《乾鑿子》））

沈東美

唐沈東美為員外郎。家有青衣，死且數歲。忽還家曰：「吾死為神，今憶主母，故來相見。但吾餓，請一餐可乎？」因命之坐，仍為具食。青衣醉飽而去。及暮，僮發草積下，得一狐大醉。須臾，狐乃吐其食，盡婢之食也，乃殺之。（（出《紀聞》））

楊伯成

楊伯成，唐開元初，為京兆少尹。一日有人詣門，通雲吳南鶴。伯成見，年三十餘，身長七尺，容貌甚盛。引之升座，南鶴文辨無雙，伯成接對不暇。久之，請屏左右，欲有密語。乃云：「聞君小娘子令淑，願事門下。」伯成甚愕，謂南鶴曰：「女因媒而嫁。且邂逅相識，君何得便爾？」南鶴大怒，呼伯成為老奴：「我索汝女，何敢有逆。」慢辭甚眾，伯成不知所以。南鶴逕脫衣入內，直至女所，坐紙隔子中。久之，與女兩隨而出。女言今嫁吳家，何因嗔責。伯成知是狐魅，令家人十餘輩擊之，反被料理，多遇泥塗兩耳者。伯成以此請假二十餘日。敕問何以不見楊伯成？皆言其家為狐惱。詔令學葉道士術者

十餘輩至其家，悉被泥耳及縛，無能屈伏。伯成以為愧恥。及賜告，舉家還莊。於莊上立吳郎院，家人竊罵，皆為料理。以此無敢言者。伯成暇日無事，自於田中，看人刈麥，休息於樹下。忽有道士，形甚瘦悴，來伯成所求漿水。伯成因爾設食。食畢，道士問：「君何故憂愁？」伯成懼南鶴，附耳說其事。道士笑曰：「身是天仙，正奉帝命，追捉此等四五輩。」因求紙筆。楊伯成使小奴取之。然猶懼其知覺，戒令無喧。紙筆至，道士書作三字，狀如古篆。令小奴持至南鶴所放前云：「尊師喚汝。」奴持書入房，見南鶴方與家婢相謔。奴以書授之。南鶴見書，匍匐而行，至樹下。道士呵曰：「老野狐敢作人形！」遂變為狐，異常病疥。道士云：「天曹驅使此輩，不可殺之。然以君故，不可徒爾。」以小杖決之一百，流血被地。伯成以珍寶贈饋，道士不受。驅狐前行，自後隨之。行百餘步，至柳林邊，冉冉昇天，久之遂滅。伯成喜甚，至於舉家稱慶。其女睡食頃方起。驚云：「本在城中隔子裡，何得至此？」眾人方知為狐所魅，精神如睡中。（出《廣異記》）

葉法善

道士葉法善，括蒼人。有道術，能符禁鬼神。唐中宗甚重之。開元初，供奉在內，位至金紫光祿大夫鴻臚卿。時有名族得江外一宰，將乘舟赴任。於東門外，親朋盛筵以待之。宰令妻子與親故車，先往胥溪水濱。日暮，宰至舟旁，饌已陳設，而妻子不至。宰復至宅尋之，雲去矣。宰驚，不知所以。復出城問行人。人曰：「適食時，見一婆羅門僧執幡花前導，有數乘車隨之。比出城門，車內婦人皆下從婆羅門，齊聲稱佛，因而北去矣。」宰遂尋車跡，至北邙虛墓門。有大塚，見其車馬皆憩其旁。其妻與親表婦二十餘人，皆從一僧，合掌繞塚，口稱佛名。宰呼之，皆有怒色。宰前擒之，婦人遂罵曰：「吾正逐聖者，今在天堂。汝何小人，敢此抑遏？」至於奴僕，與言皆不應，亦相與繞塚而行。宰因執胡僧，遂失。於是縛其妻及諸婦人，皆喧叫。至第，竟夕號呼，不可與言。宰遲明問於葉師。師曰：「此天狐也。能與天通，斥之則已，殺之不可。然此狐齋時必至，請與俱來。宰曰：「諾。」葉師仍與之符，令置所居門。既置符，妻及諸人皆寤。謂宰曰：「吾昨見佛來，領諸聖眾，將我等至天堂。其中樂不可言。佛執花前後，吾等方隨後作法事，忽見汝至，吾故罵，不知乃是魅惑也。」齋時，婆羅門果至，叩門乞食。妻及諸婦人聞僧聲，爭走出門，喧言佛又來矣。宰禁之不可。乃執胡僧，鞭之見血，面縛，昇之往葉師所。道遇洛陽令。僧大叫稱冤。洛陽令反咎宰。宰具言其故，仍請與俱見葉師。洛陽令不信宰言，強與之去。漸至聖真觀，僧神色慘沮不言。及門，即請命。及

入院，葉師命解其縛，猶胡僧也。師曰：「速復汝形！」魅即哀請。師曰：「不可。」魅乃棄袈裟於地，即老狐也。師命鞭之百。還其袈裟，復為婆羅門。約令去千里之外。胡僧頂禮而去，出門遂亡。〈（出《紀聞》）〉

劉甲

唐開元中，彭城劉甲者為河北一縣。將之官。途經山店，夜宿。人見甲婦美，白云：「此有靈祇，好偷美婦。前後至者，多為所取。宜慎防之。」甲與家人相勵不寐，圍繞其婦。仍以麵粉涂婦身首。至五更後，甲喜曰：「鬼神所為，在夜中耳。今天將曙，其如我何？」因乃假寐。頃之間，失婦所在。甲以資帛顧村人，悉持棒，尋面而行。初從窗口中出，漸過牆東，有一古墳，墳上有大桑樹，下小孔，面入其中。因發掘之。丈餘，遇大樹坎如連屋，有老狐，坐據玉案，前兩行有美女十餘輩，持聲樂。皆前後所偷人家女子也。旁有小狐數百頭，悉殺之。〈（出《廣異記》）〉

李參軍

唐兗州李參軍拜職赴任，途次新鄭逆旅。遇老人讀漢書。李因與交言，便及姻事。老人問先婚何家？李辭未婚。老人曰：「君名家子，當選婚好。今聞陶貞益為彼州都督，若逼以女妻君，君何以辭之？陶李為婚，深駭物聽。僕雖庸劣，竊為足下差之。今去此數里，有蕭公是吏部璇之族，門地亦高。見有數女，容色殊麗。」李聞而悅之，因求老人紹介於蕭氏。其人便許之。去久之方還。言蕭公甚歡，敬以待客。李與僕御偕行。既至蕭氏，門館清肅，甲第顯煥。高槐修竹，蔓延連互，絕世之勝境。初，二黃門持金倚床延坐。少時，蕭出，著紫蜀衫，策鳩杖，兩袍袴扶側，雪髯神鑒，舉動可觀。李望敬之，再三陳謝。蕭云：「老叟懸車之所，久絕人事。何期君子，迂道見過。」延李入廳。服玩隱映，當世罕遇。尋薦珍膳，海陸交錯，多有未名之物。食畢觴宴。老人乃云：「李參軍向欲論親，已蒙許諾。」蕭便敘數十句語，深有士風。作書與縣官，請卜人剋日。須臾卜人至，云：「卜吉，正在此宵。」蕭又作書與縣官，借頭花釵絹兼手力等，尋而皆至。其夕，亦有縣官來作儻相。歡樂之事，與世不殊。至入青廬，婦人又姝美。李生愈悅。暨明，蕭公乃言：「李郎赴上有期，不可久住。」便遣女子隨去。寶鈕犢車五乘，奴婢人馬三十疋。其他服玩，不可勝數。見者謂是王妃公主之流，莫不健羨。李至任，積二年，奉使入洛，留婦在舍。婢等並妖媚盅冶，眩惑丈夫。往來者多經過焉。異日，參軍王顥曳狗

將獵。李氏群婢見狗甚駭，多騁而入門。顓素疑其妖媚，爾日心動，徑牽狗入其宅。合家拒堂門，不敢喘息，狗亦掣鬣號吠。李氏婦門中大詬曰：「婢等頃為犬咋，今尚遑懼。王顓何事牽犬入人家？同官為僚，獨不為李參軍之地乎？」顓意是狐，乃決意排窗放犬，咋殺群狐。唯妻死，身是人，而其尾不變。顓往白貞益，貞益往取驗覆。見諸死狐，嗟歎久之。時天寒，乃埋一處。經十餘日，蕭使君遂至。入門號哭，莫不驚駭。數日，來詣陶聞訴。言詞確實，容服高貴，陶甚敬待。因收王顓下獄。土固執是狐，取前犬令咋蕭。時蕭陶對食，犬至，蕭引犬頭膝上，以手撫之，然後與食，犬無搏噬之意。後數日，李生亦還。號哭累日，剡然發狂，齧王通身盡腫。蕭謂李曰：「奴輩皆言死者悉是野狐，何其苦痛！當日即欲開瘞，恐李郎被眩惑，不見信。今宜開視，以明奸妄也。」命開視，悉是人形。李愈悲泣。貞益以顓罪重，錮身推勘。顓私白云：「已令持十萬，於東都取咋狐犬，往來可十餘日。貞益又以公錢百千益之。其犬既至，所由謁蕭對事。陶於正廳立待。蕭入府，顏色沮喪，舉動惶擾，有異於常。俄犬自外入，蕭作老狐，下階走數步，為犬咋死。貞益使驗死者，悉是野狐。顓遂見免此難。」（出《廣異記》）

Приложение 3.

鄭宏之

唐定州刺史鄭宏之解褐為尉。尉之廡宅，久無人居。屋宇頹毀，草蔓荒涼。宏之至官，裒草修屋，就居之。吏人固爭，請宏之無入。宏之曰：「行正直，何懼妖鬼？吾性強御，終不可移。」居二日，夜中，宏之獨臥前堂。堂下明火，有貴人從百餘騎，來至庭下。怒曰：「何人唐突，敢居於此！」命牽下。宏之不答。牽者至堂，不敢近。宏之乃起。貴人命一長人，令取宏之，長人升階，循牆而走，吹滅諸燈。燈皆盡，唯宏之前一燈存焉。長人前欲滅之，宏之杖劍擊長人，流血灑地，長人乃走。貴人漸來逼。宏之具衣冠，請與同坐。言談通宵，情甚款洽。宏之知其無備，拔劍擊之，貴人傷。左右扶之，遽「言王今見損，如何？」乃引去。既而宏之命役徒百人，尋其血。至北垣下，有小穴方寸，血入其中。宏之命掘之。入地一丈，得狐大小數十頭。宏之盡執之。穴下又掘丈餘，得大窟，有老狐，裸而無毛，據土床坐，諸狐侍之者十餘頭。宏之盡拘之。老狐言曰：「無害予，予祐汝。」宏之命積薪堂下，火作，投諸狐，盡焚之。次及老狐，狐乃搏頰請曰：「吾已千歲，能與天通。殺予不祥，舍我何害？」宏之乃不殺，鎖之庭槐。初夜中，有諸神鬼自稱山林川澤叢祠之神，來謁之。再拜言曰：「不知大王罹禍乃爾。雖欲脫王，而苦無計。」老狐領之。明夜，又諸社鬼朝之，亦如山神之言。後夜，有神自稱黃獬，多將翼從，至狐所言曰：「大兄何忽如此？」因以手攬鎖，鎖為之絕。狐亦化為人，相與去。宏之走追之，不及矣。宏之以為黃獬之名，乃狗號也。此中誰有狗名黃獬者乎？既曙，乃召胥吏問之。吏曰：「縣倉有狗老矣，不知所至。以其無尾，故號為黃獬。豈此犬為妖乎？」宏之命取之。既至，鎖係將就烹。犬人言曰：「吾實黃獬神也。君勿害我，我常隨君，君有善惡，皆預告君，豈不美歟？」宏之屏人與語，乃釋之。犬化為人，與宏之言，夜久方去。宏之掌寇盜。忽有劫賊數十人入界，止逆旅。黃獬神來告宏之曰：「某處有劫，將行盜，擒之可遷官。」宏之掩之果得。遂遷秩焉。後宏之累任將遷，神必預告。至如殃咎，常令迴避，罔有不中。宏之大獲其報。宏之自寧州刺史改定州，神與宏之訣去。以是人謂宏之祿盡矣。宏之至州兩歲，風疾去官。〈（出《紀聞》）〉

汧陽令

唐汧陽令不得姓名。在官，忽云：「欲出家。」念誦懇至。月餘，有五色雲生其舍。又見菩薩坐獅子上，呼令歎嗟云：「發心弘大，當得上果。宜堅固自保，無為退敗耳。」因爾飛去。令因禪坐，閉門，不食六七日。家以憂懼，

恐以堅持損壽。會羅道士公遠自蜀之京，途次隴上。令子請問其故。公遠笑曰：「此是天狐，亦易耳。」因與書數符，當愈。令子投符井中。遂開門，見父餓憊。逼令吞符，忽爾明晤，不復論修道事。後數載，罷官過家。家素郊居，平陸澶漫直千里。令暇日倚杖出門，遙見桑林下有貴人自南方來。前後十餘騎，狀如王者。令入門避之。騎尋至門。通云：「劉成，謁令。」令甚驚愕。初不相識，何以見詣？既見，升堂坐。謂令曰：「蒙賜婚姻，敢不拜命。」初令在任，有室女年十歲，至是十六矣。令云：「未省相識，何嘗有婚姻？」成云：「不許成婚姻，事亦易耳。以右手掣口而立，令宅須臾震動，井廁交流，百物飄蕩。令不得已許之。婚期克翌日，送禮成親。成親後，恒在宅。禮甚豐厚，資以饒益，家人不之嫌也。他日，令子詣京，求見公遠。公遠曰：「此狐舊日無能，今已善符箓。吾所不能及，奈何？」令子懇請。公遠奏請行。尋至所居，於令宅外十餘步設壇。成策杖至壇所，罵老道士云：「汝何為往來，靡所忌憚？」公遠法成，求與交戰。成坐令門，公遠坐壇，乃以物擊成，成僕於地。久之方起，亦以物擊公遠，公遠亦僕，如成焉。如是往返數十。公遠忽謂弟子云：「彼擊餘殪，爾宜大臨，吾當以神法縛之。」及其擊也，公遠仆地，弟子大哭。成喜，不為之備。公遠遂使神往擊之。成大戰恐，自言力竭，變成老狐。公遠既起，以坐具撲狐，重之以大袋，乘驛還都。玄宗視之，以為歡矣。公遠上白云：「此是天狐，不可得殺。宜流之東裔耳！」書符流於新羅，狐持符飛去。今新羅有劉成神，土人敬事之。〈（出《廣異記》）〉

李元恭

唐吏部侍郎李元恭，其外孫女崔氏，容色殊麗，年十五六，忽得魅疾。久之，狐遂見形為少年，自稱胡郎。累求術士不能去。元恭子博學多智，常問胡郎亦學否？狐乃談論，無所不至。多質疑於狐，頗狎樂。久之，謂崔氏曰：「人生不可不學。」乃引一老人授崔經史。前後三載，頗通諸家大義。又引一人，教之書。涉一載，又以工書著稱。又云：「婦人何不會音聲？箜篌琵琶，此故凡樂，不如諸曲，備盡其妙。及他名曲，不可勝紀。自云亦善《廣陵散》。比屢見嵇中散，不使授人。其於《烏夜啼》。尤善傳其妙。李後問：「胡郎何以不迎婦歸家？」狐甚喜，便拜謝云：「亦久懷之。所不敢者，以人微故爾。」是日遍拜家人，歡躍備至。李問胡郎欲迎女子，宅在何所？狐云：「某舍門前有二大竹。」時李氏家有竹園。李因尋行所，見二大竹間有一小孔，竟是狐窟。引水灌之，初得猥狽及他狐數十枚。最後有一老狐，衣綠衫，從孔中出，是其素所著衫也，家人喜云：「胡郎出矣！」殺之，其怪遂絕。〈（出《廣異記》）〉

焦練師

唐開元中，有焦練師修道，聚徒甚眾。有黃裙婦人自稱阿胡，就焦學道術。經三年，盡焦之術，而固辭去。焦苦留之。阿胡云：「已是野狐，本來學術。今無術可學，義不得留。」焦因欲以術拘留之。胡隨事酬答，焦不能及。乃於嵩頂設壇，啟告老君。自言己雖不才，然是道家弟子。妖狐所侮，恐大道將隳。言意懇切。壇四角忽有香煙出，俄成紫雲，高數十丈。雲中有老君見立。因禮拜陳云：「正法已為妖狐所學，當更求法以降之。」老君乃於雲中作法。有神王於雲中以刀斷狐腰。焦大歡慶。老君忽從雲中下，變作黃裙婦人而去。
〈（出《廣異記》）〉

李氏

唐開元中，有李氏者，早孤，歸於舅氏。年十二，有狐欲媚之。其狐雖不見形，言語酬酢甚備。累月後，其狐復來，聲音少異。家人笑曰：「此又別一是野狐矣。」狐亦笑云：「汝何由得知？前來者是十四兄，己是弟。頃者我欲取韋家女，造一紅羅半臂。家兄無理盜去，令我親事不遂，恒欲報之，今故來此。」李氏因相辭謝，求其禳理。狐云：「明日是十四兄王相之日，必當來此。大相惱亂，可且令女掐無名指第一節以禳之。」言訖便去。大狐至，值女方食。女依小狐言，掐指節。狐以藥顆如菩提子大六七枚，擲女飯碗中，累擲不中。驚歎甚至，大言云：「會當入嵩嶽學道始得耳！」座中有老婦持其藥者，懼復棄之。人問其故。曰：「野狐媚我。」狐慢罵云：「何物老嫗，寧有人用此輩！」狐去之後，小狐復來曰：「事理如何？言有驗否？」家人皆辭謝。曰：「後十餘日，家兄當復來，宜慎之。此人與天曹已通，符禁之術，無可奈何。唯我能制之。待欲至時，當復至此。」將至其日，小狐又來，以藥裹如松花，授女曰：「我兄明日必至。明早，可以車騎載女，出東北行。有騎相追者，宜以藥布車後，則免其橫。」李氏候明日，如狐言。載女行五六里，甲騎追者甚眾，且欲至，乃布藥。追者見藥，止不敢前。是暮，小狐又至。笑云：「得吾力否？再有一法，當得永免，我亦不復來矣！」李氏再拜固求。狐乃令取東引桃枝，以朱書板上，作齊州縣鄉里胡綽、胡邈。以符安大門及中門外釘之，必當永無怪矣。狐遂不至。其女尚小，未及適人。後數載，竟失之也。
〈（出《廣異記》）〉

韋明府

唐開元，有詣韋明府，自稱崔參軍求娶。韋氏驚愕，知是妖媚。然猶以禮遣之。其狐尋至後房，自稱女婿，女便悲泣，昏狂妄語。韋氏累延術士。狐益慢言，不能卻也。聞峨嵋有道士，能治邪魅。求出為蜀令，冀因其伎以禳之。既至，道士為立壇治之。少時，狐至壇，取道士懸大樹上，縛之。韋氏來院中，問尊師何以在此？狐云：「敢行禁術，適聊縛之。」韋氏自爾甘奉其女，無復凱望。家人謂曰：「若為女婿，可下錢二千貫為聘。」崔令於堂簷下布席，修貫穿錢，錢從簷上下，群婢穿之，正得二千貫。久之，乃許婚。令韋請假送禮，兼會諸親。及至，車騎輝赫，僮從風流，三十餘人。至韋氏，送雜彩五十匹，紅羅五十匹，他物稱是。韋乃與女。經一年，其子有病。父母令問崔郎。答云：「八叔房小妹，今頗成人，叔父令事高門。其所以病者，小妹入室故也。」母極罵云：「死野狐魅，你公然魅我一女不足，更惱我兒。吾夫婦暮年，唯仰此子，與汝野狐為婿，絕吾繼嗣耶？」崔無言，但歡笑。父母日夕拜請。給云：「爾若能愈兒疾，女實不敢復論。」久之乃云：「疾愈易得，但恐負心耳！」母頻為設盟誓。異日，崔乃於懷出一文字，令母效書，及取鵲巢，於幾房前燒之，兼持鵲頭自衛，當得免疾。韋氏行其術，數日子愈。女亦效為之，雄狐亦去。罵云：「丈母果爾負約，如何言，今去之。」後五日，韋氏臨軒坐，忽聞庭前臭不可奈，仍有旋風，自空而下，崔狐在焉。衣服破弊，流血淋漓。謂韋曰：「君夫人不義，作字太彰。天曹知此事，杖我幾死。今長流沙磧，不得來矣。」韋極聲訶之曰：「窮老魅，何不速行，敢此逗留耶？」狐云：「獨不念我錢物恩耶？我坐偷用天府中錢，今無可還，受此荼毒。君何無情至此？」韋深感其言，數致辭謝。徘徊，復為旋風而去。（出《廣異記》）

林景玄

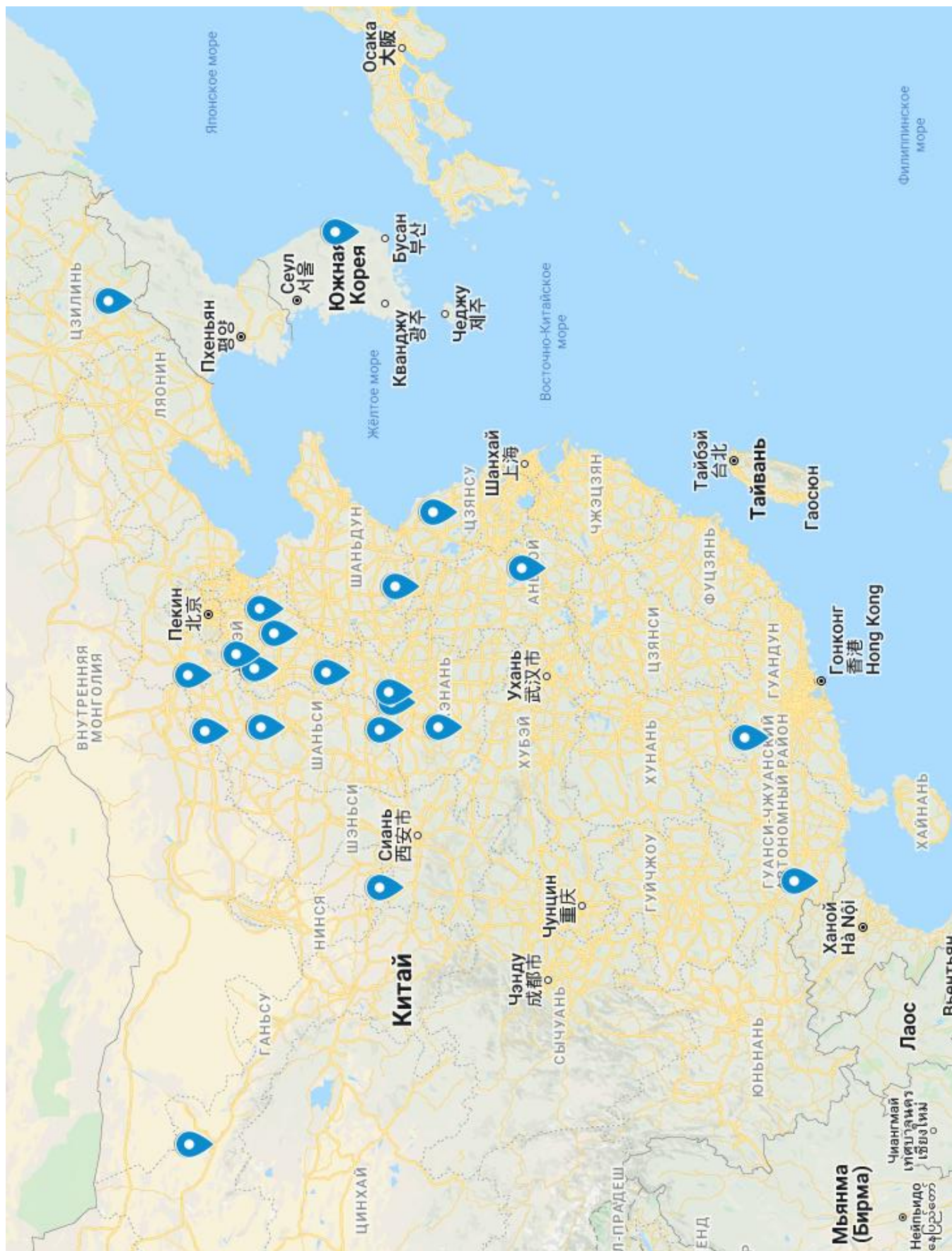
唐林景玄者，京兆人。僑居雁門，以騎射畋獵為己任。郡守悅其能，因募為衙門將。嘗與其徒十數輩馳健馬，執弓矢兵杖，臂隼牽犬，俱騁於田野間，得麋鹿狐兔甚多。由是郡守縱其所往，不使親吏事。嘗一日畋於郡城之高崗。忽起一兔榛莽中。景玄鞭馬逐之。僅十里餘，兔匿一墓穴。景玄下馬，即命二卒守穴傍，自解鞍而憩。忽聞墓中有語者曰：「吾命土也，剋土者木。日次於乙，辰居卯。二木俱王，吾其死乎？」已而咨嗟者久之。又曰：「有自東而來者，我將不免。」景玄聞其語，且異之。因視穴中，見一翁，衣素衣，髯白而長，手執一軸書，前有死鳥鵲甚多。景玄即問之。其人驚曰：「果然禍我者且至矣。」即詬罵，景玄默而計之曰：「此穴甚小，而翁居其中，豈非鬼乎？不

然，是盜而匿此。」即毀其穴。翁遂化為老狐，帖然俯地。景玄因射之而斃。視其所執之書，點畫甚異，似梵書而非梵字，用素縑為幅，僅數十尺。景玄焚之。〈（出《宣室志》）〉

謝混之

唐開元中，東光縣令謝混之，以嚴酷強暴為政，河南著稱。混之嘗大獵於縣東，殺狐狼甚眾。其年冬，有二人詣台，訟混之殺其父兄，兼他贓物狼籍。中書令張九齡令御史張曉往按之，兼鎖係告事者同往。曉素與混之相善，先躡其狀，令自料理。混之遍問裡正，皆云：「不識有此人。」混之以為詐。已各依狀明其妄以待辨。曉將至滄州，先牒係混之於獄。混之令吏人鋪設使院，候曉。有裡正從寺門前過，門外金剛有木室扁護甚固。聞金剛下有人語聲。其肩以鎖，非人所入。裡正因逼前聽之。聞其祝云：「縣令無狀，殺我父兄。今我二弟詣台訴冤，使人將至，願大神庇廕，令得理。」有頃，見孝子從隙中出。裡正意其非人，前行尋之。其人見裡正，惶懼入寺，至廁後失所在。歸以告混之。混之驚愕久之。乃曰：「吾春首大殺狐狼，得無是邪？」及曉至，引訟者出，縣人不之識。訟者言詞忿爭，理無所屈。混之未知其故。有識者勸令求獵犬。獵犬至，見訟者，直前搏逐。徑跳上屋，化為二狐而去。〈（出《廣異記》）〉

Приложение 4.

Приложение 5.

Рассказы	Провинция и (или) город
1. Чжоу Вэнь-ван	Аньян, Хэнань
2. Ханьский Ван Гуанчуаня	Цзаоцян, Хэбэй
3. Чэнь Сянь	Аньхой/Цзянсу
4. Си Цзоси	Линьцзян, Байшань
5. Чэнь Фэй	Цзюцюань, Ганьсу
6. Ху Даоця	Гуанлин, Шаньси
7. Последний Император Северной Ци	Шочжоу, Шаньси
8. Сун Дасянь	Наньян, Хэнань
9. Чжан Цзянь	Хэнань
10. Соблюдение монашеских правил	Тайюань, Шаньси
11. Шангуань Ин	Цзянчжоу, Гуаньси
12. Ван Ифан	Хэбэй
13. Хэ Жанчжи	Лоян, Хэнань
14. Ян Бочэн	Чанъань, Шэньси
15. Е Фашань	Хэнань
16. Люй Цзя	Сюйчжоу, Цзянсу
17. Цаньцзюнь Ли	Синьчжэн, Хэнань
18. Чжэн Хунчжи	Динчжоу, Хэбэй
19. Начальник уезда Цяньян	Цяньян, Шэньси / Силла (Кёнджу)
20. Цзяо Ляньши	Хэнань
21. Госпожа Ли	Хуайцзи, Гуандун
22. Лин Цзинсюань	Яньмэнь, Шаньси
23. Се Хуньчжи	Дунгуан, Хэбэй

Приложение 6.

Приложение 7.

Приложение 8.

Приложение 9.

Приложение 10.

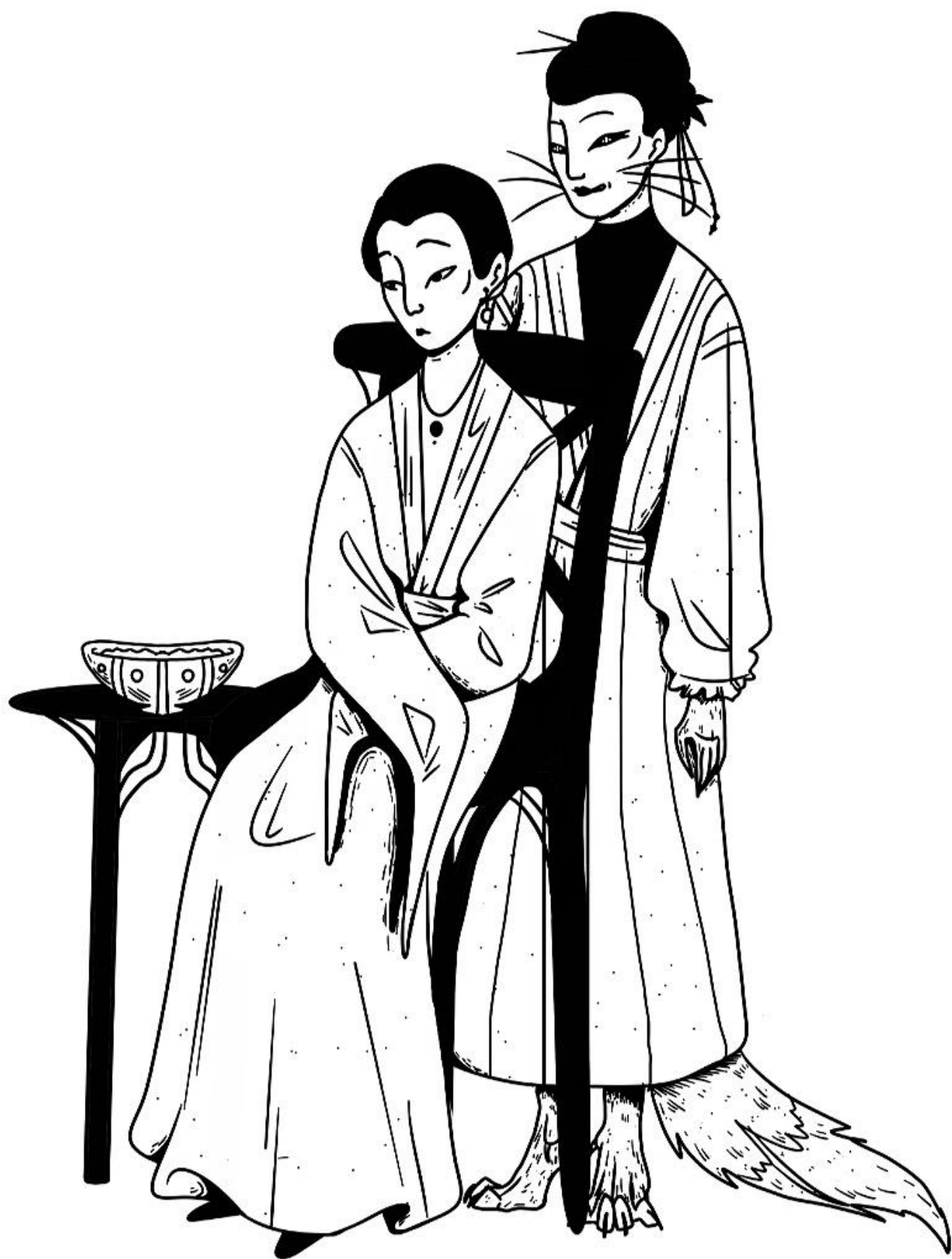
Приложение 11.

Приложение 12.

Приложение 13.

Приложение 14.

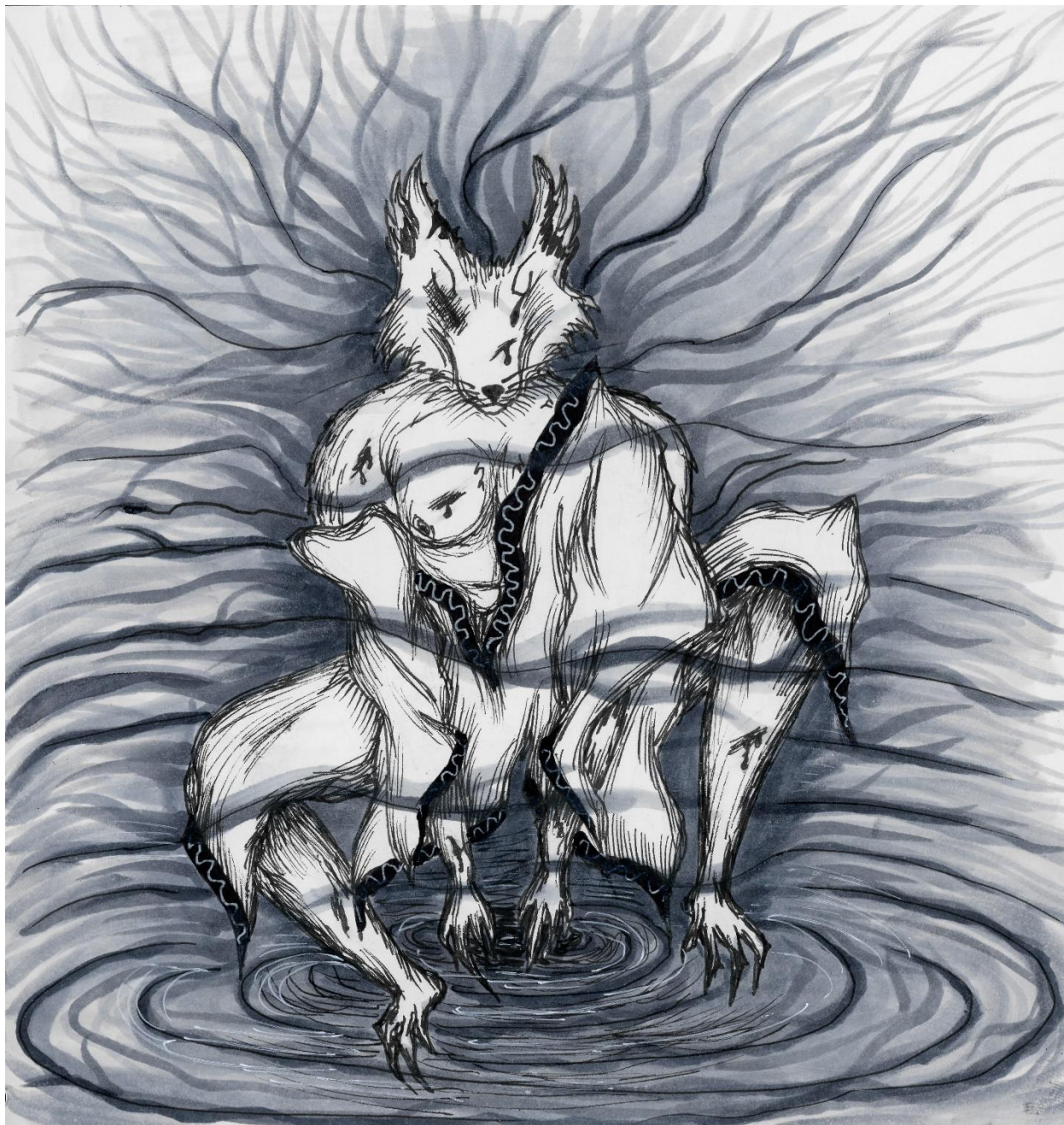
Приложение 15.

Приложение 16.

Приложение 17.

Приложение 18.

Приложение 19.

